

наташа калиновская

Попроси у неба

счастья

Хотите улететь в прошлое? Нет? И Алекс не думал даже о таком, когда садился в экспериментальную капсулу. Но что-то пошло не так и парень очнулся в совершенно незнакомом для него мире. Киевской Руси, десятом веке.

А там и девушку встретил. Княжну. Но вот как-то странно у них отношения складываются. Кем он станет для неё? Другом? Мужем? Любовником? А тут ещё и старейшины просят девушку выйти замуж за совсем незнакомого ей человека. Ведь только Тодор сможет защитить её маленькое княжество от врагов. А как же любовь? Мечты? Можно ли безболезненно для всех разорвать этот треугольник?

И совершенно непредсказуемая развязка этой истории.

Лучик солнца нежно коснулся ладошки и тёплым лезвием прошёл сквозь чуть разжатые тонкие девичьи пальчики.

На сочной, зелёной молодой траве лежала хрупкая фигурка, очень трогательная в своей незащитности. Казалось, что девушка спит, так тихо было её дыхание. Недалеко стоял конь, нехотя пощипывающий молодую поросль. Видно было, что животное давно насытилось и только ждёт, когда же хозяйка взлетит на него и помчатся они наперегонки с ветром по извилистой дороге вдоль леса. Он недовольно косил глазом на девушку: что это, мол, она улеглась, когда такой хороший ясный день.

Ладошка дрогнула. Девичья рука медленно поднялась и прикрыла глаза. Лучик растеряно остался на своём месте, подсвечивая тоненькие травинки и они тоже ожили и пригнулись под этой нечаянной лаской.

...Ну что со мной? Почему так ноет сердце и такая непонятная нега переполняет моё тело? Что не так... Или так? Ну не люб он мне. Не люб... взял за руку, посмотрел внимательно в глаза, а сердце моё молчит не тянется навстречу. Вот девки смеются. Каждая уж обласкана была парнем... что здесь такого? Земля родит зерно, деревья и мужики с девками должны иметь плод. Так исстари заведено. И не нами... Достоянных брат выбирал немало — и для укрепления земель и для хорошего потомства — чтобы род давний не переводился... А вот не любви они. Ношу княгини подняла. Тяжело. Холопы не очень усердно работают да и старейшины с княжьими людьми всё норовят побольше земель урвать. Раньше воевали за народ да за племя, сейчас за золото да за земли. Мал... Любимый брат, но мягок. Говорят, характером в мать пошёл... Со всеми добрым хочет быть.

Девушка подняла голову, посмотрела вокруг. Вот здесь, на этой лужайке она отдыхала от дел и суеты княжеской жизни.

Решив ещё немного, ну чуть-чуть понежиться, она посмотрела в высокое и такое далёкое небо.

Что манит птиц лететь так высоко и парить в воздухе? Что они чувствуют там? Облаком, нежнее пёрышка, летящего куда-то?... Как много можно увидеть с такой высоты... Вот так бы взмахнула руками и как птица улетела ввысь. Пела бы, сидя на тонкой ветке, встречая зарю... ни хлопот тебе ни забот. Только свобода и счастье... А будет ли оно когда у меня? Может попросить его у неба?

Сколько помню себя- оно всегда было. Значит мудрое и всезнающее.

Девушка вскочила и засмеялась. Она уже знала, что ей делать.

— Небо! Слышишь, небо! Пошли мне счастья! Я больше ничего не прошу. А уж потом я сама разберусь, что это такое.

Руки сами собой взметнулись ввысь и смех хрустальными колокольчиками потревожил дремавший от старости, лес.

Глава 1

Какой-то дискомфорт он всё же ощутил. Минутный провал в сознании, что ли? Не

открывая глаз, вяло подумал, что все свои ощущения надо ввести в память компьютера. Алекс глубоко вздохнул и открыл глаза... Он впервые в жизни растерялся. То есть растерял все свои мысли и просто тупо смотрел в иллюминатор.

Парень давно не видел такого яркого зелёного цвета, который окружал его корабль, мерцал и трепетал.

«Я что, уснул на старте? — нервно ущипнул себя за ухо. — Нет, больно... Значит не сплю.

Мысли в голову лезли, обгоняя друг дружку.

— Так, что же это может быть? — его голос мягко отбивала внутренняя обшивка капсулы. Алекс решил разговаривать громко, тем более, что нужно было наладить связь с Землёй.

— Земля! Центр! Вы меня слышите?

Компьютер всё так же мягко помигивал огоньками, но голоса с Земли, который бы объяснил что-то, тем самым взбодрив юношу, не было. Вокруг только звенящая тишина... Она давила на уши, вызывала какую то неуверенность в себе, сеяла панику. Алекс встал с кресла и прошелся. Пространство было небольшое, здесь не предполагалось проводить много времени.

Это было крепкое научное судно, которое побывало много раз в космосе и возвращалось назад целым и невредимым.

— Земля, Земля! Слышите меня? Отзовитесь!

На панельной зеркальной стене он увидел своё лицо: черные глаза, немного курносый нос, широкий лоб под короткой спортивной стрижкой.

Был среднего роста — 180 см, но гордился своими широкими плечами, а уже мышцы он себе нарастил. Каждый день, при любом раскладе дел, он по часу занимался в спортивном зале, а потом делал кружок — другой вокруг футбольного поля.

Алекс пригладил рукой свою короткую стрижку и подмигнул себе. Ему тоже подмигнули, но глаза визави были немного растерянными.

— Да не волнуйся ты так, — успокоил он того, кто смотрел с зеркальной панели. Сейчас всё устроим!

А что же устраивать? Нужно просто немного времени и связь с Землёй появится. Ну, а после они с ребятами будут смеяться над таким его полётом и всё будет позади.

— Успокойся, Алекс. Просто сядь в кресло и успокойся.

Он так и сделал, устремив взор в иллюминатор: яркая зелень продолжала мерцать и вдруг, как будто огромный фонарь сверху пронзил мощным своим лучом это волнующее пространство.

Какие-то блики, отблески побежали в стороны от этого луча, а вокруг что-то мохнатое, длинное протянуло свои тонкие зелёные щупальца вверх, как бы прося пощады у того, кто нарушил этот мерцающий зелёный покой.

Алекс задал программу, и компьютер стал анализировать среду за бортом. Когда на мониторе появились параметры, он удивился: это были показатели воды.

«Планета-океан?» — удивился он. Но ещё раз взглянув на цифры, увидел, что вода пресная, без всяких химических вредных добавок. И это было странно, потому что нигде в научной литературе он не читал о том, что может быть где-то во Вселенной ещё одна планета с пресной водой.

«Да что это я? Ведь совершенно очевидно, что попал на планету и угодил в

пресноводное озеро или реку. Вода пригодна для жизни, значит может здесь есть живые существа?

Он посмотрел в иллюминатор и громко рассмеялся. Да это же вода, а в ней колышутся длинные водоросли, тянущие свои стебли вверх, к источнику тепла и света на этой планете. И именно он придаёт воде такой зелёный мерцающий цвет.

Так-так, а вон и рыба проплыла. Что-то похожее на нашего карася, а за ней узкая тень кинулась молниеносно. Нуда, это же щука, «чтобы карась не дремал». Чуть дальше, что-то побольше появилось, оно двигалось по направлению к иллюминатору. Круглые глаза испуганно смотрели на Алекса, а усы смешно топорщились и подрагивали. Парень постучал по стеклу и животное, взмахнув своим плоским роговым хвостом, рванулось вперёд, вверх.

— Где же это я? Куда попал? — снова вернулись беспокойные мысли. Человек как песчинка в океане. Даже в Млечном пути миллиарды солнц. И это непостижимое для человека количество звёзд, окружено ещё большим количеством планет, которые благодаря своим звёздам получают частицу тепла.

Алекс всегда помнил слова Циолковского о том, что не может Европа быть заселена, а другие части света — нет. Что не может быть один остров с жителями, а многие другие — без них. Никогда не будет такого, чтобы одна яблоня в нескончаемом саду Вселенной была усыпана плодами, а другие — нет. И в космосе можно встретить точно такое же разнообразие живых организмов.

«Вот я сейчас думал, что видел карася, а окажется, что я где-то в созвездии Ориона, а на этой водной планете именно такое коренное население-аборигены.

Алексу самому стало смешно, но что делать... Ему сейчас нужно было только ждать. Ждать связи с Землёй, терпеливо верить, что всё будет хорошо. И так не вовремя, как всегда у него при сильном волнении, появилось чувство голода. Парень поискал еду. Нашел, но её оказалось немного. Ведь никто не рассчитывал на длительное путешествие. Шоколад утолил голод, а квадратики крекеров оказались необычайно вкусными.

За иллюминатором темнело, вода становилась как маслянистая жидкость — густой и непроглядной. Алекс на секунду включил прожектор и десятки рыб, сверкая серебром чешуи, кинулись врассыпную.

«Нужно выключать», — подумал устало. Нельзя бездумно тратить энергию.

Он сел в кресло и постарался уснуть.

Спал плохо, постоянно просыпался и тревожно глядя на приборную доску монитора компьютера ожидал каких-то изменений. Земля молчала... Тишина была и утром. Алекс заметил, что оно наступило по воде за иллюминатором — та становилась светлее, прозрачнее. Изнемогая от неизвестности, он решил выйти и осмотреться. Одел свой биокостюм и вошел в шлюзовую камеру, а уже через неё с тревогой шагнул в воду.

Она приняла его холодно и сразу же выбросила на поверхность. Алекс выплыл и оглянулся — озеро надёжно спрятало его корабль. Оно спокойно и вальяжно лежало под сенью деревьев, любовавшихся собою в зеркале воды.

Парень порадовался, что надел биокостюм. Это изобретение очень нравилось ему тем, что можно было лишь лёгким нажатием кнопки на поясе, превратить свой костюм в идентичный любой одежде проходящего мимо человека. Вот только где искать этого человека?

«Если местные жители не похожи на меня, а будут как обезьяны или рыбы, то костюм не поможет. А если как лягушки? Тогда придётся научиться квакать», — пытался сам себя

расшевелить и рассмешить Алекс.

И тут он увидел тропинку, ведущую от озера к лесу.

«Вот и пойду по ней, куда-то ведь приведет», — решил Алекс. Трава была высокой и ярко зелёной. Как ни странно, но он увидел кузнечика и божью коровку, медленно ползущую по стебельку.

«Как дома, — подумал с умилением.

Вокруг стояли высокие деревья, листья и зелёные плоды которых, так были похожи на земные дубы. Где-то высоко в их роскошных кронах пели птицы. И стало так спокойно на душе...

— Всё будет хорошо. Почему должно быть плохо, если вокруг такая красота!

Вдруг, краем глаза Алекс увидел, что не один в этом лесу.

Возле дерева, спиной к нему, стоял человек. Он был невысокого роста, узкоплечий, но уж очень шустрый. Быстро вскарабкавшись по стволу, вытянул что-то из заплечного мешка, и поколдовав немного над каким-то мудрёным устройством, сел на ветку возле дупла дерева.

Алекс увидел дымок, который постепенно усиливался.

Интересно, чем этот человек занимается в лесу? — подумал с удивлением. Это была вторая мысль, потому, что первой была просто радость оттого, что на планете жители всё-таки похожи на людей.

Немного подымив в дупло, человечек подождал. И тут Алекс услышал нарастающий гул. Из дупла дерева вылетел рой пчёл, встревожено пытающийся защитить свои запасы мёда. Одна из них, наверное разведчица, села невольному наблюдателю на щеку и почувствовав в нём врага, больно ужалила. Алекс, не ожидавший такого коварства, вскрикнул, чем, наверное, испугал инопланетянина, который не удержавшись на дереве, упал на землю.

Почувствовав свою невольную вину за подглядывание, мужчина вышел из-за своего укрытия и наклонился. Это был обыкновенный мальчишка, очень похожий на миллионы землян.

— Ты ушибся? Может чем-то помочь?

На него с непониманием смотрели широко распахнутые карие глаза.

«Боже мой, я ведь совсем забыл, — мелькнуло в голове. — Это же другая планета и парень меня не понимает.

Алекс достал из бокового кармана гордость лингвиста из группы исследователей — коробочку с микропереводчиком. Взяв осторожно двумя пальцами это чудо современной науки, он приложил его себе на мочку уха. Переводчик сразу же прижился с мочкой и стал похож на маленькую чёрную родинку. А буквально через несколько секунд, он готов был понимать, проанализировав местное наречие. Во всяком случае Алекс очень на это надеялся. Правда была одна проблема — хотя бы несколько фраз незнакомого языка, но паренёк упорно молчал.

Пока Алекс проделывал манипуляции, мальчишка с удивлением наблюдал за ним.

Пчёлы, наконец успокоившись, полетели в дупло, и вокруг было слышно только тихий шелест деревьев.

— Скажи, мальчик, а как называется ваша планета?

Паренек молчал и Алекс подумал, что от удара об землю тот получил небольшой шок.

— Ты ушибся? Давай я тебя осмотрю.

Парень понимал, что говорит впустую — мальчишка его просто не понимает.

— Не надо, — вдруг раздался тонкий голос.

— Извини, я не хотел тебя напугать. Меня зовут Алекс. Скажи своё имя, чтобы я знал, как к тебе обращаться.

Мальчик попытался сесть и с недоумением посмотрел на ногу, которая на глазах стала припухать.

«Наверное ушиб, — всполошился Алекс и протянул руку, чтобы помочь подняться. Мальчик руки не принял, а пошарив вокруг себя, нашел палку и ловко упершись на неё, поднялся.

Но, как оказалось, это было сделать легче, чем идти. Grimаса боли исказила лицо и мужчина, не спрашивая разрешения, подхватив паренька на руки, скомандовал:

— Показывай дорогу!

Мальчик показал рукой направление и Алекс почему-то подумал о том, что тот понимает его, хотя переводчик, наверняка ещё не включился — не было достаточного набора слов для анализа и расшифровки. Паренёк оказался очень легким. Одну руку он закинул на плечо Алекса, а другой придерживал свою диковинную шапку, которая так и норовила слететь с головы. Пройдя около километра по узкой тропинке, они вышли из леса и Алекс увидел селение.

— Ну что, сам можешь идти? А то, наверное, родители испугаются, увидев тебя на руках незнакомого человека.

Поставив свою ногу на землю, он засмотрелся на окружающий его пейзаж. Прекрасная планета: зелёная, светлая. Небо голубое и кораблики облаков по нему плывут. Дышится легко... И река возле селения — чистая, чистая. Камыш любит себя в прозрачной воде, деревья косы- ветки опустили.

А на Земле всё больше города, зелёных зон почти не осталось.

Алекс повернулся к мальчишке и удивлённо присвистнул. Ну как он мог не узнать девчонку в мальчишечьей одежде?

А та деловито отряхнула белую сорочку, расправила косу, скрывающуюся раньше под шапкой и улыбнулась, сверкнув ровными белоснежными зубами. Испуг у неё прошел. Девушка была на своей территории.

— Ты кто? И почему на тебе такая странная одежда? У нас мужчины так не одеваются... Есть хочешь?

«Да, — подумал Алекс, — исконно женские вопросы. Везде одинаковы: и у нас и у них.

— А что, может накормишь? Родители не заругают?

— Подожди меня здесь. Сейчас вернусь.

Она сделала шаг и охнула. Видно было, что ступня побаливала, но девушка потихоньку пошла к селению.

Алекс сел на траву возле дороги и с интересом уставился на строения, видневшиеся вдалеке. Жаль, конечно, что она не пригласила его к себе домой, а то бы он рассмотрел всё поближе. Ну что же, видно у них гостеприимство не в чести, а самому набиваться было неудобно.

Домов почти не было видно, а те которые виднелись, вернее их верхняя часть, были сделаны из брёвен. Селение окружено земляным валом, на котором высился забор из толстых брёвен, затесанных сверху. Вокруг был вырыт ров, дорога подходила к массивным воротам.

Что-то во всём этом было смутно знакомым, где-то это он уже видел...

Размышления прервал мужской голос, и повернув голову на звук, увидел двух

бородачей.

— Ты чего здесь сидишь, что высматриваешь? Может тать из чужого селения? Пойдём-ка на дознание к нашему князю. Всё ему и расскажешь.

Страх не было, а любопытство подняло его и Алекс зашагал вместе с мужчинами в городище.

Далеко идти не пришлось. Послышался топот, и из ворот, на гнедом жеребце показался всадник. Когда конь приблизился, оказалось, что на нём восседала девушка, с которой он совсем не так давно расстался. Она не забыла о странном путнике: привезла одежду и узелок, в котором, наверное была еда.

— Вот бери и уходи.

— Подожди, Любава, мы не знаем кто это. Время смутное. Давай отведём его к князю.

Девушка кивнула головой, выпрямилась и прищпорив коня пятками, двинулась с места.

— Скажите брату, что скоро буду!

В глазах Алекса сквозило восхищение девушкой: она так грациозно сидела на гнедом жеребце и казалась такой хрупкой в сравнении с крупным, мощным животным.

*

Князь Мал осматривал окрестности. Жалобы от смердов стали поступать — забирают бояре их земли, метки свои ставят на бортах, на межах. А чтобы новые нивы были — много труда вложить положено и первым делом очистить от деревьев.

Вот и ехал узнать, правду ли говорят старейшины из окрестных сёл. Не хотелось ссориться с боярами, но и смердов пошто им обижать. Мало ли он им земли давал да денег? А и то всё мало да мало им. А не будет земля родить, как дружину в готовности содержать? Да ещё и каждый год дань Киеву платить... Князь киевский Олег завоевал племена окрестные и поляне каждый год дань собирали со всех.

«Надо будет ещё вызвать тетеревятников, сокольников, бобровников, бортников... Останется у нас что после Игоря? Ведь нужно ещё в Киев товар повезти на торги, менять не то, чего нет здесь. Любаву с собой возьму, пусть выберет себе украшения да одежду по чину. А то совсем не похожа на княжну- бегает как дворянка. Мужа бы ей найти хорошего, да чтобы вместе с ним отпор Игорю дать. Но как пойти против сестры, ведь обещание отцу дал, что силовать её не буду. Кто ей люб будет за того и замуж пойдёт. При воспоминании о сестре, Мал невольно улыбнулся.

К вечеру уставший, возвращался домой. Всё оказалось так, как говорили старейшины и Мал размышлял, чем можно пронять бояр, как суд судить — они тянут к нему смердов, изгоев, закупов за наименьший проступок, а сами не могут свою алчность укротить. Но всё же надо собирать совет и только так решать вопросы земель древлянских.

Возле терема его уже поджидали, и среди знакомых лиц он увидел незнакомца. Проходя мимо, князь заинтересованно взглянул на этого человека.

— Мал, наверное, это дружинник Игоря, нигде от них покоя нет. Или тать с соседнего города.

— Не похож на дружинника ни одеждой, ни... да ведь он совсем без оружия! Ну, други, хорошо, что бдите, ведите его в терем.

— А он там что-то и умыкнёт...

— Ну так не спускайте с него глаз, я сейчас подойду.

Что-то заинтересовало князя в незнакомце. Спокойствие, уверенность? Он знал два типа людей.

Первые — жесткие, беспощадные шли напролом и обычно становились князьями своих племён. Эти как волки — чем сильнее, чем больше и острее клыки, тем быстрее станешь вожаком стаи. Таким был его дед, приказы которого выполнялись беспрекословно. Мал же унаследовал доброту матери. Эту черту характера он пытался тщательно скрывать. Князю не положено быть добрым.

Другой тип людей — раболепствующие перед первыми. Этот парень не подходил ни под какой разряд.

Князь устал, проголодался и приказал ключнице накрывать на стол. Он позвал трапезничать и незнакомца.

К чужестранцам дед его и отец относились доброжелательно — исходя из того, что нужно вначале узнать человека, а уже потом судить о нём. Мал следовал этим обычаям.

Князь ел, незаметно наблюдая за парнем. Ему казалось забавным поведение того на трапезе: когда принесли миски с кашей, мясом, рыбой он почему-то стал оглядываться на дворовых. Долго принюхивался к медовухе, а потом отставил её. Налил сам себе молока, хотя это было делом дворовых — пополнять чаши. Странный какой-то, не похожий. И потому, когда трапеза закончилась и все вышли из-за стола, Мал кивком головы позвал парня к себе в гостиную залу. Первый вопрос к незнакомцу был ожидаемым:

— Ты кто?

Алекс, а это был он, с любопытством смотрел на князя. Молодой, лет так двадцати восьми-тридцати. Среднего роста, но крепко сложен. Тёмно-русые волосы мягко ложились на плечи. Прямой высокий лоб и умные карие глаза выдавали в нём незаурядного человека. Особенно глаза — пытливые, смотрящие несколько насторожено на собеседника, как бы оценивающие — а чего ты стоишь. По тому как его здесь слушались, можно было предположить, что он у них главный. Чем то он Алексу нравился и о многом так хотелось расспросить.

— Я человек с планеты Земля.

Мал удивленно уставился на него и переспросил:

— Откуда? Из какого княжества?

«О чём это я? О какой планете говорю? Посмотри вокруг, Алекс! Никакой цивилизации, дикие племена. Они не знают названия своей планеты, а я им о Земле. Может и есть города с более высоким развитием, но отнюдь не здесь, — промелькнуло в голове и он учтиво ответил:

— Путешественник я. Хожу по свету, смотрю как люди живут.

— Зачем это тебе, почему на месте не сидится?

— А вот я такой. Как ветер. Хочется побывать везде, всё увидеть...

Мал задумался. Как это? У человека должны быть лошадь, оружие, дом, жена. Сыны, которых он научит всему, что знает сам, а те передадут свои знания детям. И так было и есть и будет.

— А в Киеве ты уже был? По Днепру на ладье шел? Или везде пешком? Лошади я у тебя не заметил.

Алекс остолбенел. Такого не должно быть! Днепр? Киев? Мать городов русских? Откуда? Как? Мысли бешено искали выход... Земля?!

Значит он прошел не через пространство, а сквозь время и сейчас находится, судя по

всему, что он видел и слышал, в Киевской Руси?

Мал с любопытством наблюдал за странником, мимикой его лица.

Вначале спокойный, выдержанный, а сейчас в глазах удивление сменила почти что паника.

Алекс попытался справиться с собой и как можно спокойнее спросил:

— Ещё не был. А кто княжит в Киеве?

— Игорь.

Он сразу вспомнил этот период истории и даже выдернул из памяти год — 945.

— А вы кто,?

— А мы древляне...

— Город ваш не Искоростенем ли называется?

— Вот видишь, значит слышал о нас. Нет, Искоростень недалеко. Это наш главный город.

— Но вы же никак не связаны с Киевом?

— Почему же, — нахмурился Мал, — дань ему платим.

У Алекса в голове замелькали имена: Ольга, Святослав, Владимир. Но прежде... Игорь Игорь, который пришел собирать дань у древлян, а потом вернулся назад, чтобы ещё раз произвести поборы. Древляне убили князя, когда при нём было немного отроков, потому что основная дружина вернулась в Киев...

— А за этот год уже выплачивали?

— Вчера только отдали. А почему ты так этим интересуешься?

— Если я не ошибаюсь, князь Игорь ещё раз вернётся.

— Ты ошибаешься, путник. Такого никогда не было... Да и откуда тебе знать, что будет.

Алекс пожалел о сказанном, но слово не воробей...

— Да бывают у меня иногда видения. То прошлое мелькнёт, то будущее.

— Не верю я во всё это. Боги решают за нас, а что они решат, то так тому и быть.

В переходе послышались шаги и в комнату без стука, чуть прихрамывая вошла девушка, с которой утром так нелепо «познакомился» Алекс.

— Мал, мне сказали, что ты собираешься в Киев. Возьмёшь с собой?

— Ну куда же я без тебя? Купим шелка и парчи на платье. Да и красивые килты, украшения тебе нужны.

— У меня платье есть. Больше не надо.

— Любава, ты ведь княжна, а одеваешься как дворянка в льняные одежды. А ведь и замуж пора. Мне бы сейчас помощь не помешала. Посмотри вокруг, сколько князей земель наших и соседних, молодых воевод. Не один тебя просил женою его стать, а ты всё упрямишься.

— Мал, ты же обещал мне, помнишь?

Любава повернулась, чтобы выйти и вдруг увидела, что Мал не один. В комнате стоял тот парень, с которым встретила в лесу утром.

Да, позор ещё тот — упала с дерева, как маленькая девочка... Но вспомнив его ласковые руки, бережно прижимающие её к себе, Любава немного покраснела. Такую реакцию трудно было не заметить и Мал с подозрением уставился на неё, а потом перевёл вопрошающий взгляд на Алекса.

Но того больше волновала лёгкая хромота девушки, причиной которой стал невольно он сам.

— Всё таки нога болит? — спросил участливо. — Нужно было нам сразу приложить что-то холодное.

— Ты что, знаешь его?

— Утром в лесу встретила. Бортники вчера сказали, что год для пчёл неблагоприятный. Врут. Ты поверил, а я проверяла — мёд есть.

— А при чём здесь этот парень?

— Упала я с дерева и немного ушиблась..

Мал с тревогой посмотрел на сестру.

— Любава, сколько же тебе говорить, что ты девушка и должна вести себя соответственно, а не лазить по деревьям.

— Ты что, Мал, мне это серьёзно говоришь? Сам меня всему учил: и на лошади скакать, из лука стрелять и по деревьям лазить.

— Ладно, конечно учил, но ведь мы были детьми, а сейчас негоже княжне ребячеством заниматься.

И закончив на этом свои нравоучения, заботливо спросил:

— Болит?

— Не волнуйся, видишь, уже ничего не болит, — легонько постучала ногой. — У бабушки в лесу была, она и подлечила.

— Ой, врётся ведь, Любава, — улыбнулся Мал.

— Ну, болит совсем немного... А когда упала, то нога болела сильно. Он принёс меня из леса в город.

— И вот как ты полезла на руки к незнакомому человеку? Я ведь учил тебя, что вокруг очень много врагов, — забеспокоился Мал.

— А ты посмотри ему в глаза. Нет, посмотри, посмотри... Вот и я поверила и доверилась.

— Значит хорошо, что он оказался в нужном месте. — И немного подумав, предложил, — если хочешь, можешь пожить у нас. Мы с сестрой будем рады. Я — Мал, князь древлянский, а это моя сестра — Любава. Как нам звать тебя?

— Меня зовут Алекс.

— Чудное имя. А впрочем каких я только имён не слыхивал!

— Оставайся, Алекс, — улыбнулась ему открыто Любава. — В Киев поедем. На охоту пойдём, Мал обещал...

Алекс смотрел на девушку — маленькую и хрупкую, но такую отчаянную. Неужели и она сгорит в том большом огне, оставивших на месте древлянских городов только пепел? Может так надо было, чтобы он вернулся во времени почти на полторы тысячи лет назад.

— Да, путешествуя, я немного устал, — сочинял Алекс. — И если вы меня приглашаете, я немного погощу.

— Если понравится, можешь жить сколько захочешь. И за Любаву буду спокоен, если вы подружитесь. Она ведь впору тебе — как ветер, на месте не любит сидеть

— Не люблю я в тереме сидеть да вышивать. Не по мне это.

— Сестра, девушка должна заниматься такими делами. А ты взяла хозяйственные дела на свои плечи. Есть ключница, но тебе обязательно нужно самой контролировать состояние клеток, погребов...

— Не сердись, Мал. Ты ведь сам рассказывал, что отец ведал военными делами, творил суды и правду, а мама — хозяйством. Ведь если не смотреть за всем, разворуют, разнесут.

Чем дружине будешь платить?

— Хозяюшка ты моя, — подошёл, приобнял сестру за плечи.

— А вот бы женился, то и тебе помощь и у меня бы сестра и подруга была, — потрепала его за рукав.

И такое доверие, любовь и уважение сквозили в отношениях брата и сестры, что Алекс улыбнулся. Впервые за эти два дня у него на душе стало светло и спокойно.

— Ну всё, братик, я уйду. Спокойных тебе снов.

— И тебе, Любава, — поцеловал её в лоб, — Покажи Алексу его опочивальню.

— Няню попрошу, она покажет.

Алекс кивнул Малу головой и вышел вслед за Любавой.

Девушка позвала пожилую женщину и попросила отвести парня в пустую опочивальню.

В комнате, которая стала временным прибежищем молодого человека, в углу стояла печь. Стол, скамья и широкое ложе дополняли нехитрую обстановку. «Не густо, — констатировал Алекс, — сюда бы компьютер, телевизор». Но приходилось довольствоваться тем, что есть. Свечи, зажженные нянькой горели ровными язычками, изредка потрескивая, пахло воском. Алекс лёг на кровать — мягко и удобно. Мыслей никаких. Он и не заметил, когда к нему пришел сон — мирный и счастливый. Сон о той «прежней» жизни — где есть родные и всё всегда понятно.

Глава 2

В городище рано начинался день: ещё звёзды на небе, заря утренняя в окно заглядывает, а люди уже на ногах.

Воевода и несколько бояр прошли переходами в столовую.

Светильники освещали комнату, в углу которой горел огонь в жертвенной печи. Жар был неравномерным, угольки сверху немного потемнели. Но было видно, потревожь чем — то огонь и он снова взорвётся весёлым пламенем.

Посреди комнаты стоял стол, накрытый белой скатертью с тёмной каймой по краям. Вокруг него в строгом порядке — деревянные стулья с высокими спинками.

На столе посредине лежал хлеб, а на краю — глиняные миски и деревянные ложки.

Мал вошел вместе с Алексом. На князе была сорочка из белого тонкого полотна, штаны заправлены в мягкие сапожки. Узкую талию подчёркивал широкий пояс. На плечах вольготно расположился плащ, застёгнутый сверху золотым запоном.

Князь кивнул воеводе и тот взял со стола пустую миску, положил в неё немного от каждого блюда, которые вносили дворовые. Еда была не мудрёной, но сытной: хлеб, мясо, каша, рыба. Особенно хороша была рыба, запечённая в глине на огне — она благоухала травами, одну из которых Алекс сразу почувствовал и узнал по особому аромату — мама называла эту траву чабрецом. Никто не приступал к трапезе все стояли и ждали.

Воевода отнёс еду и положил на жертвенный огонь, который через секунду охватил её пламенем.

Мал кивнул головой и все кто был в комнате, сели за стол: после подношения жертвы предкам, можно было начинать трапезу. Кашу ели ложками, а всё остальное просто руками. Наконец Алекс был предоставлен самому себе, никто не обращал на него внимания, как будто он здесь давно и все его хорошо знают.

Он не привык так рано вставать, а тем более кушать, но парня разбудил Мал и позвал трапезничать. Отказаться не мог — надо значит надо, раз у них такие традиции. Правда проснувшись, не сразу вспомнил где он и что с ним, даже ущипнул себя незаметно, но полутёмная комната никуда не исчезла и мужчина, теребивший его за плечо тоже.

Мал ел с аппетитом и Алекс попытался заставить себя взять ложку. Но еда оказалась такой вкусной, пряной, что он и не заметил как попробовав всего понемногу, наелся.

— Хороший сегодня день будет, — нарушил молчание Мал. — Хочу развеяться немного. Вчера старейшины жаловались, что на хозяйства смердов волки повадились, овец режут. Надо отбить охоту серым нападать на селения. — Алекс, хочешь поохотиться?

Это был скорее риторический вопрос, потому что не ожидая ответа князь повернулся к сидящим за столом и представил им Алекса.

— Это чужестранец. Имя ему Алекс. Помня и чтя наши законы гостеприимства я пригласил его пожить в тереме. Он мой гость.

После трапезы Мал, Алекс и несколько бояр и отроков, оседлав лошадей, тронулись к лесу. Это ещё хорошо, что в школе он ходил в секцию верховой езды, да и сейчас ему попалась смиренная лошадь, Поэтому хоть и с трудом, но всё же взгромоздился на неё, в душе очень желая, чтобы никто не увидел его потуг.

Но князь всё равно заметил, что Алекс плохо сидит на лошади.

— Сразу видно, что больше путешествуешь пешком — с улыбкой заметил он, — Ничего, научишься.

Проехав вглубь леса к озеру, один из отроков увидел сломанные ветки и изрытую землю. Все спешили, поставили лошадей возле осины и уже дальше пошли пешком, на ходу обсуждая, на месте ли загонщики.

Алексу было интересно впервые в жизни брать участие в охоте на зверя. Он понимал, что не смог бы подстрелить даже слона, стоящего перед ним на расстоянии десяти метров стрелой из лука, потому что никогда не пробовал, а вот просто посмотреть на это хотелось. Мужчина натянул тетиву и она долго и высоко звенела, даже после того, как её отпустил.

Мал заранее отправил холопов в другую сторону. Они должны были, суживая постепенно круг, гнать зверя в засаду на ожидавших его там охотников.

Мужчины разбрелись и по одному засели в засаде. С каждой минутой шум, отдельные возгласы становились всё слышнее. Алекса смущала неуверенность в своей меткости и ловкости в охоте на волков, где промах может стоить жизни.

Первыми появились два зайца, которые маленькими серыми комочками, прижав к спине длинные уши, неслись прямо на сидевших в засаде охотников, но не видя их, ринулись в чащу леса.

За этими двумя через некоторое время в испуге пробежали ещё несколько русаков, а вот звери покрупнее не торопились, вслушиваясь в шум позади их и такую странную тишину впереди.

Вдруг в нескольких десятках метров перед собой Алекс увидел огромную серую массу: на опушку выскочил большой матёрый серый волк. Высоко подняв голову, насторожив уши, он не спеша бежал в сторону Алекса. Хищник ещё не понял с какой стороны ожидать опасность. Вот осталось несколько метров до места где засел Алекс и тот, натянув тетиву, выстрелил. И промазал... Умный зверь сразу почувствовал слабинку охотника: вперёд бежать было безопаснее, но для этого нужно было подмять человека.

Волк остановился, присел на задние лапы, и сделав огромный прыжок с быстротой

летающей птицы, помчался на Алекса.

"Ну вот и всё", — обречённо пронеслось в голове.

Вдруг он услышал свист и пролетевшая прямо возле уха стрела поразила зверя.

Волк, как подкошенный, упал на землю и злобно защёлкал зубами. Он не мог бежать дальше и только страх и ненависть были в его глазах.

Ещё одна стрела закончила жизнь этого матёрого зверя.

Алекса била дрожь, предательски стучали зубы, но всё же он заставил себя повернуться и посмотреть на своего спасителя.

Возле высокого дуба, широко расставив стройные ноги, держа в левой руке лук, улыбаясь, стояла Любава.

Парень благодарно кивнул девушке и она неспешно подошла...

— Испугался? — лучистая улыбка озарила красивое лицо.

— Тут не испугаешься, — он постепенно входил в норму, — несётся что-то огромное и серое... Я пытался, но сама видишь. какой из меня стрелок.

— Не стрелок, не всадник. Где ты рос, Алекс? У нас мальчиков всему этому учат с детства.

«Знала бы ты где я рос... Я и сам сейчас думаю: не прекрасный ли сон то был — спокойная, размеренная, безмятежная жизнь...

— Спасибо тебе, Любава. Мне неудобно, что я в долгу перед такой хрупкой, красивой девушкой.

Она засмушалась от неприкрытого признания её красоты. Лицо девушки ещё больше похорошело: стройная и прекрасная, со слегка покрасневшимся лицом, как какое-то неземное существо — сирена, призванная искушать мужчин.

— Почему же вы меня с собой не взяли? Мал знает, что я люблю охотиться. Хорошо, что ключница сказала о вашем выезде в лес, а воевода показал направление и я вовремя успела.

— Да, это уж точно. Как нельзя кстати ты прибыла.

Заговорившись, они забыли, что охота продолжается и загонщики почти вплотную подошли к ним. Краем уха Алекс услышал хрюканье и увидев, что глаза Любавы округлились, оглянулся назад. К ним приближался огромный вепрь с острыми клыками. Девушка, оттолкнув рукой Алекса, вытянула из колчана стрелу и оттянув тетиву лука, выстрелила. Животное завизжав от боли, приостановилось и со стрелой в боку бросилось вперёд, сверкая маленькими, налитыми кровью глазами. Любава ещё раз выстрелила, но и вторая, метко пущенная стрела, не остановила секача.

Алекс, повинувшись инстинкту, стал впереди девушки, закрыв её собой и ожидая неминуемой развязки. И вдруг наперерез зверю ринулась чья-то фигура. Мал!.. В ту минуту, когда кабан был готов полоснуть его клыком, князь отшатнулся и, размахнувшись, изо всей силы глубоко всадил свой клинок прямо в сердце животного, которое свалилось, убитое наповал.

Любава закрыла лицо рукой и уткнулась в плечо Алекса. К ним со всех ног спешили и охотники и загонщики. Кабан и человек лежали без движения... И тут Алекс увидел какое-то шевеление; это Мал поднимался на ноги. Он повернулся к сестре, вытер холодный пот со лба вымазанной в кровь секача рукой и улыбнулся.

Алекс встряхнул Любаву, та посмотрела на брата и осела. Хоть какой мужественной и не была эта девушка, но пережив такое потрясение, она ещё не могла прийти в себя — не

держали ноги.

— Сестра, — позвал Мал, — подойди ко мне. Да не бойся — я жив. Трусиха...

— Умница ты моя! — приобнял её за плечи и поцеловал в лоб, — но помни; никогда не расслабляйся. Знай, что вокруг враги, которые будут стараться тебя свалить, перегрызть горло, занять твоё место. Наша жизнь — это жизнь леса: всегда выживает сильнейший. И не бойся, я всегда буду рядом, как и обещал, маленькая моя сестрёнка.

Он ещё раз встряхнул её и вдруг рассмеялся.

— Ну что, охотник, хоть зайца подстрелил, раз волка не удалось? Умно говоришь, люблю тебя слушать, а в остальном как красна девица.

Любава толкнула брата локтем:

— Вот одна из тех красных девиц возмущается. Ну что же, каждому своё: кому бежать, а кому стрелять, кому говорить, а кому слушать. А вообще, — расправил плечи Мал, — прекрасно жить на этой земле и быть свободным словно птица!

А вокруг секача уже кипела работа: холопы срубили длинное бревно и привязав кабана ногами к нему, подняли и медленно ступая, понесли из лесу в терем.

Мал с боярами были уже далеко, а Любава и Алекс медленно ехали по лесной дороге. Природа успокоилась, забыв о шуме, поднятом людьми и так напугавшем всех лесных жителей.

Всадники выбрались из густого леса и остановились перед покрытой высокой травой поляной. Любава сидела в седле, как парень — уверенно, крепко.

Лёгкая накидка прятала перетянутую пояском тонкую талию, сапожки полуприкрыты широкими шароварами, такими удобными для верховой езды.

— Давай наперегонки, Алекс?

— Ну ты же знаешь, что я отстану... Нет у меня такой сноровки.

Алекс понимал, что возбуждение от пережитого страха прошло и девушка хочет насладиться быстрой ездой, чтобы немного прийти в норму. Парень любовался ею и почему-то гордился... Правда он ещё не мог разобраться в этом чувстве — гордости за кого-то.

Ему вдруг так захотелось, раскинув руки, полежать в сочной высокой траве, смотреть и смотреть в далёкую голубизну, отключив все мысли, не думая о том, что его ожидает в будущем.

Любава, каким то странным образом угадала его желание и спешила.

— Давай здесь немного посидим, Алекс.

Он последовал её примеру с радостью. Лёг в высокую траву и вдохнул полной грудью этого удивительно чистого воздуха. Дышал и не мог насытиться смесью хрустальной чистоты с запахом свежей травы и цветов. Его хотелось пить медленно через соломинку, как коктейль и смаковать как самое вкусное мороженное. При воспоминании об этой с детства любимой сладости, у Алекса защемило сердце и защеботало в носу. Неужели он никогда не увидит больше своих друзей, отца и маму?

Мама... Как наверное она сейчас переживает, не зная где он, что с ним...

Любава увидела страдальческую гримасу на красивом юношеском лице.

— О чём ты задумался, Алекс?

Он очнулся и открыл глаза. Девушка с тревогой смотрела на него.

— О чём ты думал? — повторила она свой вопрос, — на твоём лице было страдание и тревога. Как будто-бы ты вспомнил о чём-то далёком, что безвозвратно потеряном.

«Она что, умеет читать мысли? — удивился Алекс.

— Да нет, всё в порядке.

Девушка, успокоенная его словами, отвернулась и вырвав очередной цветок вплела его уже в почти готовый венок.

Алекс вновь и вновь возвращался к своим невесёлым мыслям. Его деятельная натура не желала мириться с создавшимся положением: неужели нет никакого выхода и придётся жить здесь в таком далёком и непонятном прошлом?

Нужно было с кем-то поделиться своими мыслями и сомнениями, но никто же ему не поверит, а посчитают за сумасшедшего. Значит надо, если появилась такая неожиданная возможность, побольше обо всём узнать. А что за ним прилетят рано или поздно, он почти не сомневался. Но так хотелось, чтобы всё-таки это случилось пораньше!

— Как тебе мой венок? — услышал девичий голосок и повернулся.

— В этом венке ты просто сказочная принцесса.

— Это кто же такая? — надула пухлые губки Любава.

— Ну как княгиня.

— А я и есть княгиня, — гордо повела плечом и длинная толстая коса от этого движения зазмеилась по спине девушки.

— Ну тогда как лесная мавка, — неожиданно вспомнил такой персонаж. — И зачем это девчата плетут венки, ведь цветы мёртвые и скоро завянут?

— Так завтра же праздник — Купала, девушки и плетут себе венки, чтобы пускать их на воду.

— На воду... А зачем?

Любава с подозрением уставилась на него: он что и этого не знает?

— А вот придёшь завтра к реке вечером и всё увидишь сам.

— У вас там что же, будут народные гулянья?

— Нет, ты скажи, придёшь?

— Не люблю я массового скопления народа. Новый год с трудом переношу и только потому что собираемся с друзьями в лесу, и потом катаемся на лыжах, санях возле убранный ёлки.

— Да странный у вас новый год — по грязи кататься...

— Почему же по грязи? У нас в тот месяц много снега.

— В берёзозеле у вас такие снега?

— В каком таком берёзозеле?

— Ты меня, Алекс, прости. Но порой кажется, что у тебя память отшибло или ты просто смеёшься надо мной.

— Почему же? На тех землях, по которым я проходил новый год встречают зимой.

— А, — успокоилась Любава, — а у нас год начинается с берёзозеля. Тает последний снег, подсыхают лужи, сквозь землю пробиваются тонкие, ещё слабые стебли травы, а на деревьях первые клейкие листики появляются. Природа пробуждается и все сразу начинают собираться в поле, чтобы подготовить землю, а потом засеять зерном. Разве это не начало жизни? Как же может новый год начинаться зимой? — недоумевала девушка.

— Ну у разных народов свои традиции, — оправдывался Алекс.

— Берёзы ведь одни из первых надевают зелёные одежды. Потому и месяц, когда начинается год, называем берёзозелем. Знаешь, Алекс, я люблю лес, но больше всего люблю берёзки. Какое ещё дерево такое чистое и светлое? В любую погоду, в любое время издали увидишь её, узнаешь, ни с каким деревом не перепутаешь, — мечтательно закончила

девушка.

«Да ты сама сродни берёзке — чистая и светлая ... И вот что интересно: ведь знаю я эту птичку- невеличку всего ничего, а кажется, что всю жизнь", — подумал, удивляясь самому себе, Алекс.

— А вот в других странах наряжают ёлки и сосны разными игрушками и водят хороводы вокруг дерева, поют песни, танцуют и вообще радуются жизни...

— Мы сделаем такое у нас?

— Конечно, — пообещал Алекс. — Вот будет много снега и мы устроим праздник.

Он снова лёг на спину и послал мысленный посыл космосу: «Ну пожалуйста, пожалуйста, заберите меня поскорее. Я так хочу домой к своим, к цивилизации...».

Стебелёк травы защекотал его под носом и Алекс громко чихнул.

— Ну что, домой? Нас, наверное, заждались, — наклонилась над ним Любава.

— Пойдём, — нехотя поднялся парень.

Они сели на лошадей и медленно поехали в направлении селения.

Во дворе терема шли приготовления к трапезе: секач, уже выпотрошенный, был привязан накрепко к вертелу и двое мужчин медленно прокручивали его над огнём.

— Где это вы были? Уже послов хотел посылать, — спросил подошедший к ним Мал.

Любава соскочила с коня и подошла к брату

— Волновался? За меня? Да ты забыл, что у меня теперь защитник появился, — показала на Алекса.

— Которого постоянно самого нужно защищать, — закончил тот за неё.

Мал оценил иронию Алекса и весело рассмеялся:

— Ничего, всему ещё научишься. Если, конечно, захочешь...

— Мал, — завтра праздник Купала, ты не забыл?

— Помню я, помню.

— Пойдёшь к реке?

— Любава, я ведь князь и негоже мне по таким праздникам ходить. Хороводы водить с молодыми девками да парнями. Другими делами и заботами голова полна.

— А ведь ходил раньше и не зазорно было!

— Ходил, пока князем не стал, а отец наш княжил... С Алексом пойдёшь. Пусть парень развеется, а то совсем не весел.

— Пойдёшь, Алекс?

— Ну, конечно же пойду. Всегда интересно познавать что-то новое. А ещё лучше если это праздник.

— Вот и хорошо, вот и ладно, и за сестру спокоен буду.

Глава 3

Девушки любили этот праздник...

После того как солнце начало свой путь к закату, они насобирали цветов: зверобоя, васильков, мяты. В эту ночь и полынь была нужна. Нет, даже не нужна, а была необходима: ведь именно сегодня выходили все: русалки из воды, мавки встречали путников в лесу. А полынь могла защитить от ведьм и всякой иной нечисти. Но насобирать красивых цветов

было мало, нужно ещё выплести себе венки краше, чем у других.

Пока девушки готовились к ночи Купала, парни тоже не сидели на месте.

Большая поляна, видевшая молодыми ещё их родителей, уже с нетерпением ожидала, когда же начнётся весёлое действо. И парни с шутками-прибаутками собрали по городищу старую одежду, привезли на поляну соломы ржаной, дров, веток сухих. Да чтобы побольше, чтобы на всю ночь хватило для веселья и смеха.

Утром с денницей, которая только начала загораться Любава пошла к старой ведунье в лес- собирать лекарственные травы. Собранные этой ночью они были особенно ценными в борьбе с разными болезнями, да и не только с ними... Вечером, надев венок, пошла с подругами к берегу реки на поляну.

Там было уже много девушек и парней, которые, лишь зашло солнце, пошли добывать живой огонь.

Ночь пришла на смену вечерней заре. Лес всё ближе подходил к поляне. Деревья старались заглянуть через плечи самых сильных троих парней, которые старательно пытались получить искру от трения, чтобы потом от этой искры вспыхнул костёр и разогнал темень подальше в лес.

И вот пошёл дымок от мелко перетёртых сухих веток. Тишина стоит... А глаза молодёжи обращены к дыму, потом несмелому язычку пламени. И вот он уже горит — живой огонь. Жизнь, надежда, а сегодня ещё и страж от злых духов, смерти. Огонь всеочищающий!

А парни ищут своих девушек, пытаются их взять за руки и повести к огню, благословляющему на брак, совместную жизнь.

Сегодня был такой день, а особенно ночь, что всякие обиды нужно забыть.

Ночь на Купала самая любимая у молодёжи, особенно девушек, чей девичий век уже заканчивался. Ведь известно, что после замужества не посмеёшься с подругами, не будешь смотреть из-под полуопущенных ресниц на парня, пока он не начинал краснеть от смущения, а потом с хохотом уноситься прочь с такими же хохочущими подругами. Не будешь зимой колядовать и водить Маланку... В общем много ещё чего не будешь...

На берегу стояло высокое дерево, убранное цветами, венками. Это молодёжь ещё днём постаралась... А девушки уже становились в круг и водили хоровод, а дальше слышались песни. На другом конце поляны соревновались в своём умении музыканты: свирель и бубен в какой-то причудливой мелодии дополняли друг друга.

Весёлый смех, крики, песни славившие Купалу, богиню Ладу с её детьми Лелем и Полелем.

Ночь была лунной, а звёзды как будто тоже включились в праздник и с высоты смотрели на Землю, перемигиваясь желтым, красным и голубым светом...

Любава вместе с девушками стояла на поляне, притопывая от нетерпения ногой. Приятное возбуждение поднималось в душе и она недолго думая, вместе со всеми стала в хоровод, который, смеясь, закручивали девчата то в одну, то в другую стороны.

Когда же все стали прыгать через огонь, она вначале боялась этого брызгающего искрами, сердито пыкающего костра, ну а потом, сколько было силы в ногах разбежалась, оторвалась от земли и поплыла над огнём, стала на ноги, но по инерции пробежала дальше и натолкнулась на Алекса, который с интересом наблюдал за этой весёлой кутерьмой, называвшейся так странно — Купалой. Любава с размаху ударилась об Алекса, со смехом схватила за руку и вернулась с ним в живую очередь, прыгающих через огонь. Они крепко

держась за руки, побежали к огню. Куда-то пропали её страх и сомнения, теперь она была как все, в плену Купалы, а значит любви. Девушка знала, что священный огонь очищает душу, дарит любовь. А если прыгнуть через огонь с парнем, то останешься с ним навсегда. Любава мечтала о любви. Ещё с тех пор, когда увидела в лесу этого ласкового и красивого человека. Её влекло к нему, как к самому близкому самому родному. Хотелось уберечь и успокоить. Любава почему-то с самой первой минуты встречи верила ему и доверяла. Если бы кто-то раньше сказал, что можно так доверять почти незнакомому человеку — она бы рассмеялась тому шутнику в лицо. Мал ведь постоянно твердит, что нельзя никому верить и нужно надеяться только на себя, а у неё сейчас так не получается.

После прыжка через огонь, ей невольно пришлось отпустить руку парня, потому что живая змейка девушек, подхватила его, повела в хоровод. Парень виновато взглянув на Любаву, поддался общему весёлому настроению, включился в праздник, сути которого, конечно, он не понимал. Алекс, как тот трезвенник за столом с пьющими — и пить не пьёшь, а настроение весёлое и хмельное.

Когда девушки стали снимать с себя венки и пускать их на воду, последовала за ними и Любава. Ей тоже было интересно узнать, поплывёт её венок или утонет, найдёт себе пару и с какой стороны.

Девушки внимательно смотрели на плывущие по воде венки: один сразу прибило к берегу, другой, проплыв несколько метров утонул...

Любава зашла по колени в прохладную воду, развела руки и опустила их в реку. Плыви, венок, плыви... Ты знаешь к кому. Плыви к тому, кто украл моё сердце. И, наклонившись, тихонько сказала воде, доверив ей девичий секрет:

— Отнеси, реченька, мой венок к Алексу...

Не раз в её сны приходил кто-то желанный и давно знакомый. Он наклонялся к её лицу, но ночь скрывала образ и только глаза звали куда-то. Любава не видела их цвета: чёрные или карие. Неведомое томление охватывало её тело и девушка испугано просыпалась с бешено стучащим сердцем.

Венок плыл и плыл, не тонул и огни костра отсвечивали на каждом его лепестке.

Алекс вспомнил, что когда-то читал о праздниках славян. Даже сейчас в исторических музеях под открытым небом, проходили они при большом скоплении народа. Люди приходили на эти праздники немного отдохнуть, расслабиться, послушать песни, которые так бережно, много веков хранили фольклористы.

Но такой энергетики, которая была здесь, среди этого простого народа он не ощущал нигде. Это как будто молодое хмельное вино протекает по жилам, дарит радость и тепло.

Вдруг возле него кто-то сел и тёплая маленькая ладошка доверчиво проскользнула в его руку. Алекс повернул голову и увидел Любаву, которая смотрела на него озорно улыбаясь.

— Веришь ли ты в судьбу, Алекс? Я думаю о том, как странно ты появился у нас, мы с тобой встретились...

Алекс молчал. Что скажешь этой девушке к которой он испытывал какие-то странные чувства. У него не было сестры, но эту маленькую пичужку он знал, как ему казалось, всю свою жизнь, понимал её мысли, чувства.

Любава ждала ответа. Она видела, что Алекс задумался и не торопила его.

За деревьями слышались вздохи. Как будто весь этот большой лес болел любовной лихорадкой, но он молчал, подстелив под влюблённых свои травы и душистые цветы.

— Я верю, что судьба предначертана свыше, но каждый может попытаться изменить её.

— Это если хорошо задобрить богов? Знаешь, когда я была маленькой, тайком от брата бегала к бабушке — ведунье, которая в лесу живёт. Пусть бы попросила она богов вернуть мне маму. Хотя бы на несколько минут, чтобы я знала, какой её помнить.

В голосе девушки звенела нотка страдания. Алекс повернул к ней голову увидел в свете луны, что глаза, цвета переспелых вишен, наполненные до краёв слезами, готовыми скоро пролиться. Парень обнял Любаву за плечи и прижал к себе, тихо покачиваясь, как бы убаюкивая и себя и её.

Луна поднялась уже высоко, заливая всё вокруг серебристым таинственным светом. Раскидистые дубы казались большими молчаливыми великанами, охраняющими их...

Услышав спокойное размеренное дыхание, Алекс посмотрел на Любаву и увидел, что девушка спит. Её ресницы, густые и чёрные бросали тень на лицо, трепетали и, казалось, жили сами по себе своей жизнью.

Он отвёл глаза и уставился на чёрное небо, нависшее над тёмным лесом. «Не может быть, чтобы обо мне там забыли. Такого никогда не было. Найдут неточности в расчётах... Это ведь дело времени, нужно только подождать и я снова буду там, где был всегда счастлив».

Алекс снова посмотрел на девушку. Господи, какие губы! Он ведь всего лишь хотел утешить её, а так хочется прильнуть к ним и поцеловать всю их сладость. Он наклонился над Любавой... и поцеловал её в высокий тёплый лоб.

А огонь ещё больше разгорелся к тому времени, но пар на поляне становилось всё меньше и меньше. Все должны были перепрыгнуть через огонь, даже девушки которых не выбрали парни. Знали, что если не пройдёшь очищение огнём, то могут подумать, что ведьма. Ведь только всякая нечисть боится его очищающей силы.

Всходила утренняя заря и закрывалась маревом, исходившем от реки.

Вот что-то плеснулось в водоёме, то ли рыба, то ли девичье тело с рыбьим хвостом во влажном серебре чешуи. Приходит утро и русалки, накачавшись на ветках вербы, уплывали в потаённые места, чтобы выйти потом ночью, встать в круг и петь сладкими голосами, завораживая путников своими песнями и смехом. А уж если доверчивый гость подойдёт поближе, бросятся все и защекочат его. Чудный дядька их, водяной, только лежит себе в воде да посмеивается над забавами этих дев с тонким станом и тугой грудью.

Давно ушла в далёкие края на год богиня весны Леля, но всегда бродит по лесам бог любви, красавец Лель в венке из прекрасных цветов. А там где появляется он, начинает тонко звенеть струна в сердце и ноги сами бегут в лес и хочется смеяться и плакать. И рад каждой росинке и каждому жучку и готов расцеловать каждый лепесточек. Это сердце раскрылось для любви и зовут уже с собой мавки — прекрасные девушки леса. Зовут подальше в глухомань, чтобы со смехом покачаться в росах, губами поймать живительную влагу колокольчика.

Уходит ночь и приходит умытое свежее утро.

Алекс не мог понять откуда у него, современного, практичного человека появились такие лирические мысли. Кто навевал ему их в эти предутренние часы? А может он просто уснул...

Любава зашевелилась и юноша подумал, что девушка озябла. Алекс улыбнулся, подул ей сверху в низ в лицо. Девушка открыла глаза

— Я что, уснула?

— Ну да, наверное очень было интересно со мной разговаривать.

— Ой, — смущённо улыбнулась, — я просто устала. А почему ты меня не разбудил? Мы бы пошли с тобой ещё цвет папоротника искать.

— Цвет чего искать?

— Папоротника. Только раз в году он цветёт. И если его увидеть, то богат будешь и счастлив.

Алекс посмотрел на неё как на несмышлёныша.

— Любава, папоротник не цветёт, он размножается спорами.

— Знаешь, пусть он чем хочет размножается, но я в это верю...

— Знаешь, я кажется тоже. Сейчас могу поверить всему... Пойдём домой? Мал наверное, волнуется.

Он подал ей руку и девушка легко вскочила на ноги.

— Пойдём.

Алекс смотрел на ветку дерева. Трудяга паук выткал свою паутинку и она, приняв на себя холодную росу, заиграла, засверкала в лучах утреннего солнца как бриллиантовое кольцо.

— Зачем тебе искать клады? Хочешь подарю тебе вот это украшение? — показал на паутинку.

— Спасибо, — зарумянилась девушка, — тоже заметил, что красиво?

Алекс взял Любаву за руку и они отправились в терем, по дороге весело болтая ни о чём.

Во дворе на лошади гарцевал Мал. Он озабочено посматривал на её левую заднюю ногу. Возле стоял конюший и виновато смотрел на князя. Мал соскочил с коня, бросив поводья конюшему. Зажав между колен ногу животного, принялся осматривать копыто.

— Видишь, я тебе говорил, что пора менять подкову И не откладывай, а походи к кузнецу немедленно.

— Кузнеца сегодня не найдёшь...

— Плохо ты его знаешь. На кузне он. Да и ночью травы собирал. Ведаёт, что собранные на Купала травы самые целебные.

— Говорят в Искоростене кузнец знатный.

— Говорят... Так оно и есть. Что хочешь выкует. А наш — так...

— Молодой ещё, подучится.

— И то верно. Отправим-ка мы его в Киев. Пусть посмотрит на кузнецов их, работу.

— А слыхивал, князь, о Козьме и Демьяне? Ещё бабка моя сказывала, что были в Киеве два кузнеца, у которых кузня была как половина нашего города.

— Эка невидаль. Но малость бабка привирала о размерах.

— Да нет же... А к ним змей нагрязнул.

— Ври, ври да не завирайся.

— Нет, ну правда бабка сказывала... Так вот стал тот змей железные ворота в кузне слизывать. А когда дыру пролизал, кузнец горячими щипцами и ухватил его за язык. Потом соху сзади змею и прицепили да и вспахали на нём половину Киевской земли.

— Ой ли? Так таки половину?

— Да, такие круги вокруг Киева образовались...

— И где же нам такого змея найти, чтобы деревья не корчевать, а он бы нам их повьдёргивал?

— Нет его, князь, — принял вопросы Мала за чистую монету.

— Что же случилось с тем змеем? — почти сочувственно, еле сдерживая смех,

поинтересовался Мал. Этот рассказ его немного отвлекал от мыслей о Любаве. Сестры не было дома целую ночь и это случилось впервые. Что это значит в такой праздник, он понимал... Когда же она успела вырасти и кто же стал её избранником?

— Устал змей от такой работы, пополз к Днепру да как припал к воде: уже пил, пил воду, покуда брюхо не разорвалось.

— Вот, вот. А наши закупы да смерды работают от зари до зари, но живы. Сильнее змея оказались. И не сумев больше сдерживать смех, молодо и заливисто рассмеялся.

Смеялись и Любава с Алексом, невольно ставшие свидетелями этого разговора.

Князь увидев их, немного нахмурился и отослав конюшего, начал такой непростой для него разговор.

— И как это понимать? Если после такой ночи парень и девушка приходят вместе домой, значит их повенчал Купала... Я всё правильно понял?

Алекс о таких традициях даже не догадывался, но понимая как сейчас неприятно Малу, который мог заподозрить его в использовании доверия Любавы в корыстных целях. Любовь так быстро не приходит, а жить в статусе зятя князя можно припеваючи...

Алекс мог смело смотреть в глаза Малу. Он принимал Любаву не как свою девушку, невесту. Была для него скорее сестрой, подругой.

— Нет, мы просто смотрели на гуляния.

— И не просто, и не просто, — возбуждённо начала Любава. — Я вначале сама прыгнула через огонь. Представляешь, подруг всех парни разобрали, а я стою одна. Как не прыгнуть, ведь посчитают ведьмой, если не пройду очищение огнём. Я и прыгнула...

— Как — сама? — с укоризной посмотрел на Алекса — «а ты где был»?

— Хотя бы не обожглась, — тревожные нотки звучали в его голосе.

— Да нет, — посмотрела вниз, — одежда цела. А потом увидела Алекса и потащила его к костру.

— Прости, Мал, я не знал, что прыгание через костёр к чему-то обязывает.

— Да, такие у нас обычаи...

— Мы же просто дурачились.

— Любава, вот ты дурачилась, а сейчас просто подумай: какие мысли в головах наших древлян о тебе и об Алексе?

— Я тебе уже не раз говорила, что мои чувства — это только мои чувства. И меня совсем не интересует то, что будут обо мне говорить люди...

Алекс, боясь обидеть девушку, молчал. Она же, видя это молчание, отдавала себе отчёт в том, что любовь зарождается только у неё, а Алекс воспринимает её просто как подругу, друга.

Ночью Любава ждала поцелуя и он последовал. Но это был просто братский поцелуй, она ведь не спала, когда твёрдые горячие губы притронулись к ней. Девушка с замиранием сердца ждала что последует дальше. Он же просто приобнял и прижал её к себе: согревая и защищая.

— И вообще, брат, не волнуйся. Когда я действительно полюблю — ты узнаешь об этом первым.

*

Утром в ворота городища въехал всадник и спешившись, напрямик пошёл к Малу.

Алекс стал свидетелем разговора князя с этим человеком, встревожившим и напомнившим о страхах, недавно поселившихся в его сердце. Разговор шёл о том, что вернулся таки на древлянские земли князь Игорь...

Собрав дань, он решил, что можно ещё что-то взять у древлян.

— А наши бояре бают, что если волк повадился в стадо, то всех овец перережет. Убить его нужно, чтобы больше не приходил Киев за данью. После смерти Игоря, жена его только с малолетним сыном останется, побоится она мстить древлянам. А пока Святослав подрастёт и мы сил побольше наберём. С Искоростенем ты или как, просил наш князь узнать. — Смотрел вопросительно на князя. — Труда не составит сейчас Игоря остановить: дружину свою он отослал в Киев, а при нём только несколько отроков.

Мал молчал, о чём-то думая, что-то взвешивая. Алекс, который дал себе обещание ни во что не вмешиваться, не удержался:

— Нельзя убивать Игоря!

— Это кто такой? Почему он вмешивается в наш разговор, раньше его я здесь не видел.

— Не Игорь сейчас в Киеве главный, а бояре да воеводы! А уж они найдут как отомстить вам, чтобы потом никто и головы не смел поднять.

— Алекс, выйди, — сдержанно попросил князь Мал. — Не гоже тебе, не по чину присутствовать здесь.

Последнее, что услышал Алекс уходя, это слова приезжего о том, что всё уже готово. Искоростень всё сделает своими силами, ввиду того, что окружение Игоря сейчас незначительно. А вот уведомить всех князей древлянской земли о решении Искоростеня необходимо.

«И то хорошо, что Мал во всём этом не будет замешан и может тогда Малин не пострадает» — пронеслась мысль в голове Алекса.

Выйдя во двор, он увидел Любаву, готовившуюся к выездке.

— Давай прокатимся, Алекс, — улыбнулась ему, махнув рукой.

Парню было совсем не до этого. Хотелось дождаться отъезда посла и узнать всё от Мала. Да ещё ждал что тот выругает его за вмешательство. А уехать сейчас — значит сбежать от головомойки. Это было, по мнению ответственного Алекса, недопустимым.

— В другой раз с радостью. Вот научусь лучше ездить, буду обгонять тебя вот тогда и пожалуйста.

— Трусишь, что сейчас обгоню? Ладно, ладно...

— Я не трус, но я боюсь, — вспомнил выражение из детства. Последних слов Любава не слышала — она птицей летела к лесу.

Девушка крепко держала лошадь за поводья, пятками немного её подгоняя. Она любила лес, ей было там вольготнее, чем в тереме.

Лес жил своей жизнью. Выше всех деревьев были сосны со светло-коричневыми стройными стволами, зелёной хвоей. Веток внизу не было. Сосны тянулись вверх, соревнуясь с дубами, которые стояли молчаливо как воины, готовые броситься вперёд. Но сейчас они, намертво притянутые к земле корнями, набирались сил. Среди могучих дубов нежными красавицами стояли берёзы, осины.

Любава набиралась сил в лесу. Особенно любила одно деревце — берёзку на поляне. Только ей могла рассказать о своих девичьих тайнах, а та шелестела ей листочками и всегда в этом шелесте Любава слышала одобрение. Дорогу ей перебежало стадо диких вепрей и она остановила коня, потому что встречаться одной с ними было небезопасно — ещё витал тот

страх, испытанный на охоте.

Лес кланялся ей, ветки расступались, цветы ковром росли между травами.

Девушка сошла с лошади и принялась их собирать. Букет получился большой и пышный. Любава села в траву, отобрала цветы, стебли которых были помягче и начала выплетать свой венок, изредка поглядывая на лошадь, мирно пощипывающую траву.

Девушки с детства умеют плести венки, но то, что при этом нужно повторять, ей подсказала лесная ведунья.

Зелёная травка, лесочек,
Помогите сплести веночек,
Из мяты, ромашек и мака,
Чем земля наша так богата.
Чтобы девушку он украшал
И от злых её чар защищал.
И чтоб парню хорошему тоже,
Показал её личко пригоже.

Любава плела венок, приговаривая эти слова, а потом, надевдев его на голову, раскинула руки и закружилась, весело смеясь. Радуюсь своей молодости, красоте, чувствам, которые зарождались в её сердце.

Так и не снимая венок со своей головы, она села на лошадь и пустила её в галоп. Возле излучины реки девушка услышала окрик и приостановилась.

Небольшая группа дружинников — молодых отроков, стояла посреди дороги.

Она уже видела их. Князь Игорь каждый год собирал дань с земель, соседних с киевским княжеством. И древляне тоже отдавали ему дань: хлебом, мёдом, шкурами медведей, куньими... Так повелось, что попали они уже давно в кабалу и обязаны были платить, но зато не боялись врагов, которых вокруг было много. На эту дань киевский князь содержал свою дружину и должен был всегда прийти на помощь тем, на кого нападали печенег или хазары, другие враги славянских племён.

Но сейчас Любава удивилась, увидев отроков Игоря. Он со своей дружиной уже приходил к ним в город и они отдали дань. Зачем они снова здесь? Чего хотят?

Девушке не было страшно. Она в любой ситуации могла за себя постоять, поэтому спешила и стала, поглаживая гриву коня.

— А может стоворчивее будут древляне, если мы у себя эту красавицу оставим. Наверняка у них много чего ещё осталось, чтобы пополнить наши запасы.

Особенно усердствовал высокий черноволосый отрок. Красив был, но глаза дерзкие и злые. Взглядом так и пропекал Любаву. У девушки мурашки пробежали по спине, хотя она и была не из робкого десятка.

— Брось, Подвизд, с девчонкой связался. Не за этим сюда вернулись...

— Нет, — ответил Подвизд, отрок с чёрными глазами. — Добро добром, но такую красавицу я здесь не оставляю, заберу с собой в Киев, — повернул к отрокам голову и хитро подмигнул.

Любава опешила. С ней ещё никто так не разговаривал. Когда отец погиб в бою с печенегами, её брат Мал заменил девочке и отца и мать, умершую, но успевшую подарить ей жизнь. Она всегда чувствовала себя маленькой девочкой под защитой своего мужественного брата.

— Я сестра Мала. И я никуда с тобой не поеду, — дерзко вскинула голову.

— А тебя и спрашивать никто не будет, — криво ухмыльнулся Подвизд.

Отроки, весело смеявшиеся вначале, услышав кто такая эта девушка, перестали веселиться. Одно дело простая девчонка, а другое — сестра князя. Игорь такое не приветствовал и мог здорово наказать.

— Подвизд, перестань уже. Пусть едет своей дорогой да и нам пора.

Но тот никого не хотел уже слушать: вскочил на своего коня, ловко подхватил упирающуюся Любаву и посадил впереди себя. И как не вырывалась девушка, но мужчина оказался сильнее, он подстегнул жеребца и направил его в лес.

Подвизду не терпелось...Такая красавица! В Киеве у него было много женщин. И молодые жёны бояр, и дочери княжих мужей, но такой лакомый кусочек он видел впервые. Женщины сами приходили к нему. А эта такая норовистая, как необъезженная лошадь. Ну, а лошадей он привык укрощать.

Отъехав немного от дороги вглубь леса, он спешился и снял Любаву с коня.

— Красавица ты моя, мавка, — горячо прошептал ей в лицо. Поднял руки и снял с неё венки.

Любава отступила назад, но скоро почувствовала, что спиной уперлась в дерево.

— Ну куда ты, куда? Ведь не убежишь, не старайся. Иди ко мне, иди, — медленно подходил к ней Подвизд.

Девушка с силой оттолкнула его. Непринятие того, что сейчас происходило, сквозило во всех её движениях.

— Я что же, совсем не мил тебе? Подари мне только один поцелуй и сразу же я тебя отпущу. Ну что, птичка- невеличка? — И посмотрел княжне в глаза...Лучше бы не смотрел.

Глаза девушки, карие, глубокие как омуты и манили к себе и отталкивали. Они были из другого мира, нереального. Оттуда, где блестят серебристой чешуей русалки или из самых глубин лесной чащи, в которой господствуют мавки.

Любава смотрела на него и молчала... Подвизд наклонился к её губам.

Конечно случалось, что обнималась она с отроками Мала, но всё это было мимолётным, скорее желанием на себе попробовать то, о чём шептались подруги, хихикая и пряча в ладонях глаза и покрасневшие щёки. Но такую страсть в глазах, Любава видела впервые и ей стало страшно.

Подвизд взял её голову в свои руки и поцеловал. Чего-то такого, отчего бы у неё загорелись щёки, закружилась голова и ухнуло сердце в пятки, девушка не почувствовала.

Но парень был опытным в обращении с женщинами. Он прижал девушку всем своим телом к стволу дерева, руки его опустились ниже, одна покоилась у неё на бедре и Любава чувствовала её жар, другая проникла в разрез рубахи и грудь девушки оказалась в его ладони. Это были для неё новые ощущения. Губы Подвизда мягко целовали её губы, а грудь нежно ласкала его рука. Она затихла, затаилась и ждала того, что же будет дальше...

И вдруг они слышали крики и свист стрел. Девушка вздрогнула и очнулась. Подвизд повернулся на шум и застыл. Князя Игоря и немногих его отроков, окружили древлянские дружинники.

Князь пытался выйти из окружения и размахивал мечом, сидя на лошади, которая, испугавшись внезапного крика стала на дыбы. Стрелы древлян полетели в Игоря, но отроки стеной стали вокруг своего князя и отстреливались из луков по нападавшим. Вдруг конь под Игорем упал, сраженный копьём, князь едва успел вытянуть ноги из стремян. Он быстро

вскочил. В левую руку взял щит, а в правую свой меч, с которым не раз ходил на врага, защищая русскую землю.

Вдруг почувствовал острую боль около сердца и опустив глаза, увидел стрелу, впившуюся ему в грудь. Князь бросил меч и щит, обеими руками рванул стрелу и упал в чёрную бездну смерти.

Потеряв Игоря, отроки разбежались. А древлянские дружинники и не пытались остановить их. Видно было, что цель их атаки — убийство князя и она была достигнута.

Подвизд испугался. Он видел, что силы неравные. Понять причину всего, что видел не мог да и не пытался. От неожиданности всего происходящего он просто замер на месте.

Любава, воспользовавшись моментом, бросилась бежать, но Подвизд двумя прыжками настиг её, повалил на землю и зажал рот рукой. Парень понимал, что если узнают о том, что он умыкнул сестру древлянского князя, то это может закончиться для него смертью. Такие были законы славян и они касались не только знатных людей, но и самых бедных.

Как девушка не пыталась, но подняться не смогла. Слезы от бессилия катились градом, но она не могла подать о себе весточку.

Князю Игорю отдали погребальную честь, как и всем предкам славян.

Дружинники рубили сухое дерево, ветки и всё складывали на большой поляне — поле брани. Другие же делали помост, на котором и положили тело князя и его коня. Жрец поджёг костёр под помостом и огонь охватил тело воина, который в страхе держал врагов русских, а пал от рук своих же братьев, пожелав более того, что нужно было. Не по воле своей, а по воле бояр да дружинников киевских.

Древляне отдали дань Игорю... Страшную дань. Знали, что это воин, великий воин и как воина они его провели в последний путь. Кто-то первым ударил мечом о щит. А за ним второй, третий... А огонь уже пожирал свою жертву. Густой дым пеленой понёсся в небо. И показалось Любаве в том огне лицо Игоря — такое, какое видела в последний раз — загорелое, обветренное, в морщинах и шрамах. Он смотрел на воинов с укоризной в глазах, но ни злобы, ни гнева не было в его взоре.

Любава провела рукой по глазам — может это слёзы творили странные картины? А и вправду показалось...

Она так и не смогла понять, что это было. Зачем, почему так поступили жестоко князем, который, наверное и предположить не мог, что смерть его наступит не на поле брани.

Когда древляне ускакали, стихли голоса, кострище догорело, затих лес, как перед грозой: воробей не чирикнет, лист не шелохнётся... Подвизд поднял с земли заплаканную Любаву и встряхнул её. Девушка посмотрела парню в лицо и увидела глаза, наполненные слезами. Это и удивило её и насторожило. Мужчины не плачут. Во всяком случае, в глазах Мала она никогда не видела слёз.

— Зачем, зачем же так? — почти кричал Подвизд, тряся её за хрупкие плечи.

— Я не знаю, я ничего не знаю...

— Как можно, чтобы сами своих убивали? Князь и дружину отослал, оставив возле себя только нас... Так подло, так низко...

Что могла ответить девушка, если сама ничего не понимала. Она молча смотрела на парня. Уже не боясь, вдруг почувствовав себя старше. Княжна подняла свои руки и сняла его ладони со своих плеч.

— Я пойду.

— Подожди! — Вытер слёзы рукавом.

— Не могу, устала. Да и дома заждались.

— Ещё подождут! — Зло выкрикнул. — Поедешь со мной на суд к княгине. Всё расскажешь и за всё ответишь.

— Я за собой никакой вины не чувствую.

— Значит, ответишь за вину других.

Потянул её за руку к лошади.

— Да ты что удумал? Никуда я с тобой не поеду, окаянный!

Подвизд молчал. Крепко ухватив девушку за талию левой рукой, он правой дёрнул поводья и конь рысью рванулся вперёд, унося своих всадников.

Солнце заходило за горизонт, бережно прощаясь с лесом, рекою, своими лучами, обласкивая их последним теплом перед уходом.

Пора было трапезничать. Воевода, бояре сидели в трапезной, ожидая Мала.

Разговор шёл неспешный: о будущем урожае, о ценах на торгах. Не касались темы убийства князя Игоря,

обходили стороной. Вошёл Мал, сел за стол и после жертвоприношения все молча принялись за еду.

Бояться вроде нечего — в Киеве у Игоря вдова Ольга осталась с малым сыном. Слыхивали, что гордая

и неприветливая. Любила ли его? В отцы ведь ей по возрасту годился. Из бедных, а вышла замуж за него,

потому что князь.

Да и не впервой женам русичей терять своих мужей. Найдётся десяток других до поры, пока её сын

Святослав, станет князем. Такие мысли в оправдание действий соплеменников, мелькали в головах едоков.

Мал этой бойни не хотел. Его отец знал Игоря, вместе они не раз выступали против врага. Но ведь все

князья древлянской земли решили пресечь Игоря, а в единении — сила. Это он тоже усвоил крепко.

Мал оглянулся и впервые за целый день вспомнил, что не видел Любавы.

Тревожно застучало в голове и он спросил у ключницы где сестра.

— Я её давно не видела, — прозвучало в ответ.

— Алекс, ты ведь всегда с ней...

— Утром, когда приезжал посол из Искоростеня она уехала на прогулку, а потом я её не видел. Она когда в

лесу, сама рассказывала, заходит к ведунье и они подолгу разговаривают.

Мал отослал старую няньку в комнаты к девушке, но ни в светлице, ни в опочивальне Любавы не было. Как не

было ни во дворе, ни в конюшне.

Старый пастух видел, что девушка разговаривала с отроками Игоря, а куда потом делась — не знал. Мал

собрал дружинников и велел прочесать лес. Темнело, но люди, аукаясь, оглядывали шаг за шагом

окрестности. Может волки? Тревожно было на сердце Мала. И ведь часто случалось, что поздно приходила

домой его маленькая сестрёнка и он всегда знал, что всё будет в порядке. Почему же сейчас так болит сердце?

Может волки? Но это лето было богатое на дичь и звери не подходили близко к городищу. Люди, жившие

в селениях, спокойно работали в поле. Может снова кочевники балуют? Нет, —

успокаивал сам себя.

Когда хазары или печенегы приходили, то закупы бросали свои дома, свой скарб и бежали в город, где потом Мал

с дружинниками держали оборону от врагов. Но люди вели себя так как в мирное время: спокойно работали,

весело отдыхали. Сейчас ни волков не врагов не было. Врагов... — пронеслось в голове Мала, — Здесь была

дружина князя киевского и наверное, увидев картину расправы над Игорем, кто-то из его свиты пленил

девушку. Где же теперь её искать? И сам же ответил себе: только в Киеве.

Князь решил больше не мешкать ни секунды и приказал воеводе собрать дружинников. Сам же поспешил

в оружейную.

«Зачем им Любава, зачем сестра моя? — билась тревожно, как птица в силках, мысль в голове Мала. — девчушка

ведь совсем... Я ведь отцу обещал, что никто не посмеет обидеть её...

В проходах было сыро. Свечи горели слабо, отбрасывая тени на стены и те плясали, радуясь своей ночной свободе.

В оружейной Мал увидел Алекса, разглядывающего оружие. Какая-то потаённая обида кольнула сердце. Думал,

что этому страннику нравится его сестра, а он так спокоен...

Алекс участвовал в поисках девушки, но понимал, что нужно дождаться утра и тогда может что-то прояснится.

Он прилёг, но от всяких тревожных мыслей не спалось и повертевшись немного на внезапно ставшей

неудобной кровати, парень встал и решил проделать экскурсию в оружейную.

На Земле он любил работать ночью, когда город засыпал и не слышно было звуков машин, музыки, голосов

людей. Алекс любил это время суток ещё и потому, что ночь — это встречи в выходные с друзьями после работы,

это бесконечные разговоры о той же таки работе. Хотя и давали клятву, подняв вверх руки: «Клянёмся, что

никаких разговоров о работе не будет».

Но постоянно всё сводилось к тому, что они любили и чему посвящали большую часть суток — опытам, п

роблемам, поискам. Это ведь была не просто работа, это была их жизнь.

Тревога закралась как хитрая лиса, постепенно в душу Алекса. Тревога за Любаву... Он понимал, что

девушка никогда бы не заблудилась в лесу и никто не причинит ей вреда. Одни потому что знали и

любили её, другие же просто побоялись бы мести брата, обидев её. Парень слышал разговоры дружинников

между собой, что её, скорее всего, умыкнули. Но тот кто это сделал, очень рисковал, потому что если не было

на то её согласия, то смерть ожидала похитителя.

Алексу нужно было отвлечься от назойливых мыслей и он пошёл в оружейную стал рассматривать оружие русичей, о которых он читал, а некоторые видел в музеях. Но там ничего нельзя было трогать руками, а здесь, хоть примеряй на себя: латы, кольчуги лёгкие, сделанные из кусочков металла и тяжёлые, которые могли защитить от меча. Оружие из меди и железа — длинные и острые копья, широкие секиры. Молоты, разбивающие доспехи врага. Особенно привлекали к себе колчаны со стрелами и тяжёлые упругие луки. Всё было собрано ещё, наверное, дедом Мала и хранилось этой семьей с особенной любовью.

Алекс знал, что у древлян была даже машина — самострел, которая бросала камни такие, что их едва могли поднять четыре человека.

Всё было интересно, ведь на Земле люди давно объединились в одно мирное экономическое сообщество. Воевать было не с кем. Ещё в начале двадцать первого века начались всякие природные и техногенные катаклизмы. Они случались и раньше, но не набирали таких огромных масштабов. Люди пытались обмануть и обворовать природу: в угоду золотому тельцу вырубали леса и тогда не было чему остановить снег, который быстро таял и нёсся в реки уже бурными потоками, смывая мосты и селения.

Строили заводы и тепловые электростанции. И чёрный дым из их высоких труб застилал небо, пропуская солнечные лучи к Земле и не выпуская их назад. Началось потепление. Люди прятали отходы атомного производства в свинцовые контейнеры и сбрасывали их глубоко в океан, надеясь, что похоронили их навеки. Но со временем увидели морских животных — мутантов. Проводя испытания под землёй в шахтах, дети Земли вызывали толчки в земной коре. И участились извержения вулканов. На побережья накатывали тайфуны, цунами унося десятки тысяч чьих — то жизней.

Земля всегда напоминала Алексу большую, добрую собаку, которую совсем замучили блохи. Они кусают её, их много, а она только лениво пытается стряхнуть их с себя. Вот люди в тот период и напоминали блох, которые тянут кровь из Земли, раздирая на части ласковое животное. А планете это когда-то надоест и она навсегда стряхнёт с себя всех землян.

Учёные разом заговорили о глобальном потеплении, об угрозе жизни на Земле. Многие страны подписали договоры о щадящем природопользовании. Но было уже поздно... Эпидемии, катаклизмы забрали много жизней и на Земле стало проживать три миллиарда человек.

Алекс вспомнил родную планету, ребят со своей исследовательской группы и так захотелось домой, хоть волком вой. И он в который раз подумал о том, что и эта Земля и та на которой он живёт, хотя одно и то же, но как же разнятся они! Чистые реки, свежий ароматный воздух, настоящий на травах — всё это было бесславно погублено поколением его дедов. Его размышления прервал Мал, который войдя в оружейную стал выбирать себе доспехи и оружие. На князя была ярость, а движения- резкие и быстрые.

Алекс ничего не спрашивал. Он заметил, что здешние люди разговорчивостью не отличаются и не любят лишних вопросов. А если надо что-то сказать, то тогда и скажут.

Малу надо было выговориться, а лучшего собеседника и слушателя, чем Алекс, трудно было найти.

— Как тебе наше оружие?

— Наверное, у врагов тоже отбираете?

— Нет, нам чужого не надо. Несподручно. А своё и в руку само ложиться. Мал вытянул из ножен меч и взмахнул

им наискосок несколько раз.

— Ты куда-то собираешься или...

— Я не могу сидеть на месте, когда Любава пропала. Что с ней? Где она? Одно только остаётся думать, что

возможно пленили её дружинники Игоря.

— И что ты намерен делать, Мал?

— Попрошу помощи у всех городов древлянских да и пойдём освобождать сестру!

Алексу было понятно решение Мала. Но всё же казалось, что князь горячится, а ведь он хороший тактик и

стратег. В борьбе с внешними врагами не раз одерживал победы с минимальными потерями, хотя и годами

молод. Об этом как-то рассказала, вскользь Любава, очень гордившаяся своим братом. Но сейчас под горячую

руку да такое решение... Алекс задумчиво посмотрел на Мала.

— Я думаю, что силой ничего здесь не сделаешь. Киев дань собирает со многих племён и с вашего, кстати,

тоже. Значит и дружина киевская побольше. Это во — первых...

— А во-вторых? — Мал слушал его, как ни странно.

— А во-вторых, ты не знаешь наверняка — там Любава или нет.

— Не могу я быть в неведении. Отцу обещал, что заменю сестре и его и мать, а вот не уберёг, — склонил

голову, тяжело вздохнув.

— Не хорони её заблаговременно, она девушка такая, что из любой неприятности выпутается. Даже я уже это знаю.

— Вот видишь, а я не уверен, — уныло посмотрел на Алекса.

— Может ты и не нуждаешься в моих советах, но почему ты решил, что это только твоя проблема?

— А чья же ещё, сестра ведь моя.

— Это так, но решение расправиться с Игорем не твоё. Решали князья древлянской земли. Так почему бы вам

снова не собраться на совет и не решить, что делать и как поступать дальше.

Мал думал. Не знал точно, где Любава и потому не мог просить помощи у князей. Постепенно в разгоряченной

от неизвестности голове прояснялось, выстраивалось в логическую цепочку.

— Нет, я не могу просить помощи. Вначале я должен узнать где она, что с ней. А вдруг она уехала по своей воле

и скоро подаст весточку, — с надеждой в глазах посмотрел на Алекса.

— Но не будешь же ты ждать вечно?

— Не буду, — согласился Мал. — Поеду в Искоростень, узнаю, что думает князь о дальнейших отношениях с Киевом,

а потом решу для себя...

Алекс задумался. Он никогда особенно не интересовался историей славян.

«Ну чего у них там может быть хорошего, интересного? Лучше наблюдать за историей развитых цивилизаций» —

так всегда думал парень. Алекс только со школьной программы помнил, что княгиня Ольга сожгла Искоростень.

Но ведь в те жестокие времена на удар отвечали ударом... Брат мог убить брата, а жена сжечь целый город мстя

за мужа. Как говорил классик «дикие времена — дикие нравы».

Как всё это началось, он уже видел, знал, чем всё закончится, а вот что было между этими событиями — не знал.

То была история, книжные персонажи...

Только сейчас ему было жаль этих людей, которые по настоящему смеялись, грустили, плакали, любили... Люди

не из картинок, а живые — особенно двое: Мал и Любава с которыми он подружился, которые приняли его

как своего. И которых Алекс так сейчас боялся потерять.

Он знал, что Мал примет правильное решение.

— Завтра утром поедem в Искоростень.

— Я с тобой... Можно?

— Нет, возьму воеводу и немного дружинников. Ты чужестранец, а на Совете князей городов древлянской

земли таких быть не должно. Жди, а к вечеру мы постараемся вернуться назад.

Мал кивнул головой и вышел. Ну хотя бы так — немного успокоился.

Алекс снова поймал себя на мысли, что боится за Любаву. Её острый язык как впрочем и воинское

мастерство, сейчас могли с ней сыграть злую шутку.

Если она и правд в руках княгини Ольги, да ещё и сестра одного из древлянских князей... А там узнают...

Она наверняка уже об этом напомнила.

Алекс вошёл в опочивальню, прилёг, но уснуть не удавалось. Ворочался, на секунду проваливаясь в забытие сна

и снова смотрел в бревенчатый потолок, ругая себя за то, что так привязался к совсем для него чужим людям.

Проснулся поздно, князя уже не было. Оставалось ждать вечера. А день, как назло, тянулся лениво, долго.

Чтобы хоть как-то себя занять Алекс пошёл на окраину города, где чуть поодаль от жилищ, стояла хижина гончара.

Вначале думал, почему кузнецы и гончары живут вдали от села, а потом догадался — те имеют дело с огнём.

А это небезопасно для деревянных жилищ. Если вспыхнет пожар, то может выгореть всё селение.

Он уже приходил к гончару и даже напросился сделать кувшин, глядя как легко удавалось это мастеру. И вот, что интересно — и глина та же и гончарный круг, а изделие у него получилось немного перекошенное да и, честно говоря, асимметричное. Его смущение заметил гончар и похвалил, сказав, что первый горшок у него получился не лучше, правда было ему тогда пять лет. Мастер поставил горшок на обжиг вместе со своими и пригласил прийти Алекса попозже, чтобы он смог увидеть результат своего труда. Вот сейчас парень и спешил к нему.

Открыв дверь, он сразу увидел свой горшок, который сильно отличался от других — поэтому его нельзя было

не заметить.

Гончар гостя приветливо встретил, посадил за стол и хотя Алекс отнекивался и говорил, что недавно

трапезничал, напоил его козьим молоком.

Алекс имел свои мысли относительно этого коварного животного — козы.

Коровы как коровы — пасутся себе, щиплют траву, медленно переходя с места на место.

А коза такая напасть!

Он ведь вначале даже и предположить не мог, что это такое, когда рогатое с жидкой бородёнкой уставилось

на него. Ну и конечно же решил, что это какая — то давно вымершая мелкая антилопа.

А вот когда эта «антилопа» рванула к нему и наклонив голову больно боднула в коленку, стало не

до разглядывания. Он схватил животное обеими руками за рога, развернул и пинком под зад отослал её подальше.

Но не тут то было... Она вновь бросилась в атаку, боднула его ещё раз да так и осталась стоять, упёршись лбом

ему в колени.

— Не бойся, Алекс, это коза, — раздался звонкий смех. Оказывается, это Любава, возвращаясь с прогулки, увидела

его невольное знакомство с рогатым монстром. — Возьми прутик, она этого боится!

И правда, коза отскочила, увидев прутик в руках Алекса. Смотрела издали круглыми жёлтыми глазами,

покачивая жиденькой бородёнкой.

Но молоко оказалось вкусным — густым и приятным. Алекс сел за стол, посмотреть как гончар разрисовывает горшки. Алекс тоже решил приукрасить свой горшок. Увидев на столе краску, он макнул в неё палец и провёл по ободку кувшина. Получилось не так чтобы красиво, но... А вот из чего краски он так и не узнал. Скорее всего гончар покупал их в Киеве, куда на торги съезжались и ромеи, и греки, и варяги. Мал обещал взять его на торги в Киев вот там он всё и рассмотрит.

А судя по последним событиям эта поездка будет скоро, правда цель её будет другой...

Алекс заспешил домой

— может Любава вернулась и все зря волновались.

В тереме стояла настороженная тишина- все ждали вестей, которые должен был привезти князь.

Уже заходило солнце, когда послышался топот лошадей. Из леса выехали всадники- это был Мал с дружинниками.

Алекс нетерпеливо ждал, ходил по светлице, заглядывая поминутно в окна на дорогу. А когда показался

Мал, бросился на крыльцо, чтобы узнать хоть что-то.

Князь подъехал к крыльцу, соскочил с коня, бросив поводья конюшему.

— Ну что, Алекс, не пришла Любавы? — спросил с надеждой в голосе.

Тот только отрицательно покачал головой. Мал вошел в сени, а за ним двинулись бояре. Забегали

дворовые, ключница. Нужно было кормить князя.

За столом трапезничали молча, каждый думая свою думу.

Алексу не терпелось узнать что же решил совет древлянских князей, но он понимал, что придёт время и Мал сам всё расскажет.

Так и случилось. Когда все разошлись, в комнату Алекса постучала дворянка и сказала, что его к себе зовёт

князь. Алекс, не раздеваясь/ лежал на ложе, поэтому сразу же поспешил к князю. Тот стоял в опочивальне

и смотрел в окно. «Что там можно увидеть, совсем ведь темно» — мелькнула почему-то мысль.

— Садись, Алекс, — голос Мала звучал приглушено, устало. — Я разговаривал с Тодором, он сейчас княжит в Искоростене. Приезжали князья других городов, они считают, что сейчас единственный выход отвести от нас всех беду и вернуть Любаву, это взять мне в жёны княгиню Ольгу.

— Жениться на Ольге? Ты даже её не знаешь... Или у вас так принято?

— Это не преграда для брака. Так часто делают, чтобы укрепить свои земли.

И продолжил после небольшой паузы. А Ольгу я знаю. Вернее знал и она тогда называлась другим именем. Знал тоненькую, как берёзку, смешливую, добрую. Любава на неё чем-то похожа — такая же неуёмная и жадная к жизни. Какая она сейчас — не ведаю. Вот ведь как повернуло, мы думаем одно, а боги ведь готовят другое. Любил я эту девушку... Так сильно любил... видел, что и она без меня тоже жизни не мыслит... А проведаль отец и запретил даже думать о ней, ведь из бедной семьи была — перевозила людей на долбанке через реку. Сказал, что негоже будущему князю иметь такую жену. Брак, мол должен укреплять княжество. А вот Игорь не посмотрел ни на что. Говорят, лишь только увидел — сразу попросил женою стать. Встретились мы с нею в последний раз... Мне бы не послушать отца, бросить всё и ускакать с моей лебёдушкой на край света и счастливее бы не было человека... Смалодушничал, побоялся отца послушаться и вот остался ни с чем. Никто не мил мне...

А бояре то, бояре. Тогда отцу рассказали обо всём, половина их вины в том что от него последовал такой запрет, а сейчас удумали, когда она великая княгиня, выгоду для себя искать. Никто даже из них подумать не может, как это — потерять любимого человека. — Лицо Мала исказила гримаса. — А ведь она осталась одна с сыном среди волков — бояр. Это холоп или смерд может подумать, что главный всегда князь, но это власть пополам с боярами. Слабинки не должно быть, а ведь она молодая женщина, которая всегда будет бояться за своего сына и это её слабость. Впрочем как и у меня — Любава — единственное дорогое в этой моей жизни.

Нужен ли я Ольге — не знаю, большую обиду ей нанёс и нет мне никаких оправданий. — Голос Мала звучал глухо и надломлено.

Сколько горя было в словах этого мужественного человека, что Алекс молчал не в силах сказать ни слова. Вот что власть делает с людьми. И вот что значит слово отца, способное перевернуть судьбу сына. Мал имеет сейчас власть, но счастлив ли он? Риторический вопрос.

— А если зло на тебя затаила?

— Не может она... Не было в ней ни капли зла. Я попробую выпросить у неё прощение, попрошу, чтобы стала моей женой.

— Ну раз ты так решил, то отправляй своих сватов в Киев, а пока они будут вести переговоры с княгиней, мы пойдём по Киеву. Наверняка кто-то слышал о Любаве, может кто — то что и знает. Алекс подумал о том, что вряд ли Любава жива: после расправы над Игорем, древляне стали основными врагами Ольги и она своё горе выльет на Любаву, причинив ей максимум боли. Что-бы не говорил ему Мал о доброте княгини, но он забыл о том, что прошли годы, а человек в силу обстоятельств меняется. А обстоятельства были весомыми: человеческих качеств остаётся немного, если управлять государством, да ещё и таким, где нет ни законов ни права... Но об этом, понял Алекс, говорить Малу не стоит. Не понимал он их. Почему думают древляне, что Ольга согласится на брак с Малом. На чём основано их решение? На давних чувствах? Но как говорят от ненависти до любви один шаг и наоборот.

— Ну тогда утром и поплывём. Снарядим ладью и возьмём с собой десять — пятнадцать верных людей, -

вынес решение князь.

— А не быстрее ли на лошадях?

— Здесь ведь не быстрота нужна: ещё над чем нужно подумать да и гостинцы в этом случае необходимы. Не

бедные, поди смерды. Подарки есть такие, что даже княгиню удивим.

Алекс подумал, что никакими подарками искупить вину не удастся.

Глава 5

Подвизд молчал, молчала и Любава. Достаточно отъехали от древлянской земли и парень остановился, чтобы лошадь отдохнула от бешеной скачки.

Пока животное отдыхало, пощипывая траву, парень и девушка сидели возле столетнего дуба и в каждого в голове роились такие непохожие мысли. Подвизд не знал, что делать с этой девчонкой. Чем-то она его сильно зацепила: была красивой, стройной, а ещё какой-то дикой. Это очень его пленяло. Вспомнил свежие мягкие податливые губы, шёлк косы... Всё это было рядом — вот, просто руку протяни, заграбастай в охапку, подомни под себя, почувсвуй сладость обладания и больше ничего не надо... Но его мечтания прервала мысль, новая совершенно для парня, покоровшего много женских сердец: ему не только хотелось обладать этим телом, но и завоевать сердце девушки. Но нельзя.

Девушка была древлянкой и если княгиня узнает об этом, то сразу же прикажет казнить её в отместку за своего мужа. Парень не хотел даже думать об этом, поэтому и не знал как поступить с нею. Конечно, вначале он просто хотел порезвиться с красавицей, которая сама оказалась в лесу. Потом, заглянув в её глаза, почувствовал в сердце какую-то сладкую занозу...

И он так старался её вытянуть оттуда, увидев расправу над Игорем её соплеменниками, что даже грубо накричал и принудил ехать с собой. Оставить её было выше сил, забрать же с собой означало для девушки неминуемую смерть в Киеве.

Любава устала. Устала от переживаний, от неизвестности. Она проголодалась, хотелось пить, болела

ушибленная нога... И она решила заговорить со своим теперь молчаливым спутником.

— Подвизд, отпусти меня, прошу. Дома меня заждались и наверняка переживают. Какой прок тебе от меня? Отпусти!

В голосе Любавы зазвенели слёзы и парень почувствовал нестерпимую жалость, но её сразу же перечеркнула мысль: разве можно жалеть древлян, которые убили его князя. О чём были его поганые мысли, о какой любви, о какой девушке? Нужно поскорее попасть в Киев, рассказать о страшной трагедии, которая случилась возле Искоростеня, бросить наземь перед княгиней эту девчонку. И от этой мысли стало легче, злость пересилила доброту, которая только-только стала зарождаться в его юном сердце.

Пришла ночь, а с нею и прохлада. Подвизд насобирав веток и разжёг костёр, сел поближе, чтобы согреться. Путь был не близким и хотя надо было спешить, но дорогу найти в незнакомом лесу было сложно. Парень решил переночевать возле огня, а рано утром продолжить путь. Он постелил попону возле костра и лёг, подперев голову рукой. Пламя разгоралось, потрескивали дрова. Подвизд заморожено смотрел на огонь: смотреть на небо и огонь он мог бесконечно... Наверное задремал. Проснулся оттого, что спина остыла, он повернулся, подставить теплу другую часть тела и автоматически посмотрел на место под деревом, где сидела девушка. Её не было... Сбежала... Должна была прийти злость, но её не было. Пришла усталая мысль — хорошо, наверное, что так случилось и теперь не надо думать о том, что с девчонкой делать дальше.

Подвизд подбросил в костёр дрова и снова прилёг возле него. Вдруг послышался вой волка, а через мгновение другой. Захрапел привязанный конь, забил копытом. И душераздирающий женский крик заставил Подвизда вскочить. Парень осмотрелся. Вокруг тёмной стеной стоял молчаливый лес. Он выхватил из костра небольшое горящее полено и бросился на звук вновь повторившегося крика. Пробежав между деревьев с десятков метров, увидел жуткую картину; на поляне стояла девушка, а возле него изготовились к прыжку два матерых волка.

— Беги к костру, — крикнул Подвизд и краем глаза увидел, что девушка медленно, не поворачивая головы, спиной шла к нему. Подвизд стал размахивать горячей веткой, но понимал, что это остановит волков ненадолго.

Девушка уже была за его спиной и он переложив ветку с правой руки в левую, вытянул нож из ножен, решив, что просто так жизнь свою этим зверюгам не отдаст. И не в таких переделках пришлось побывать. Люди были уже близко возле костра, когда более крупный и матерый зверь прыгнул. В своём прыжке он сбил Подвизда с ног и впился ему в правую руку. Нож выпал и затерялся в траве. Нужно было что — то срочно предпринять и Подвизд левой рукой стал разжимать пасть волка. Это ему удалось и через мгновение правая рука проникла в пасть зверя и схватила его за скользкий язык. Волк изогнулся своим могучим телом, провёл задней лапой с острыми как бритва когтями по телу Подвизда, разорвав в клочья одежду юноши.

— Эх плохо, что нет на мне кольчуги, — мелькнуло в голове воина, но истекая кровью, он продолжал удерживать волка. Внезапно его ноги зацепились за пень и Подвизд со всего размаха упал на землю, потянув за собой зверя, из пасти которого тянуло смрадом.

Человек и волк катались по земле в смертельной схватке. Волк был живуч, он не мог использовать свои клыки, потому что намертво сомкнул их на правой руке Подвизда, но зато у него были когти, которыми он рвал плоть врага. Внезапно воин почувствовал под собой нож, вывернулся.левой рукой схватил оружие за рукоять и с размаха вонзил в брюхо зверя. Волк ослабил хватку и Подвизд понял, что смертельно ранил его. Зверь дёрнулся несколько раз и затих, но зубы его замком удерживали руку. Ножом разжав волчью пасть Подвизд оглянулся. И увидел свою пленницу, стоящую возле второго волка — тот был мёртв. В

тонкой девичьей руке был его меч. А как она смогла его поднять, это боевое тяжёлое оружие, осталось для парня загадкой. И ведь не только поднять, но и убить такого матёрого хитрого зверя.

Подвизд поднялся и прихрамывая подошёл к юной воительнице. Она стояла, оцепенев от неожиданности всего происходящего. Забрав из рук девушки меч отрок взял её за плечи и подвёл к костру. Последнее что он увидел, так это отсутствие лошади, которая, испугавшись волков, сорвалась с привязи и убежала. А потом покачнулся и упал, провалившись в чёрную бездну беспомощности.

Любава вышла из оцепенения. Как опрометчиво она поступила, когда ночью решила бежать. Знала ведь, что в лесу небезопасно одной, без оружия, но понадеялась на милость Сварога. Боги всегда помогали ей, а она часто приносила на капище жертвоприношения — груши, яблоки, мёд. Её спасло только то, что не ушла далеко от костра. А как отчаянно боролся со зверем Подвизд! Она оглянулась и увидела, что юноша лежит, как ей показалось, бездыханно. Любава, пошатываясь от усталости подошла и наклонилась над ним, прислушиваясь. Спустя секунду услышала тихий стон. Слава богам, живой. Благодарности к этому человеку она не испытывала. А вот после всего случившегося, оставаться в лесу одной ночью было страшно. И она присела возле костра, подкинув в него побольше дров. И холодно не будет да и зверь огня боится.

Но при всём при этом она оставалась женщиной с присущим им чувством сострадания. Посмотрев несколько раз на не приходящего в сознание юношу, она всё же решила осмотреть его, а зная и свойства лесных трав и подлечить.

На юноше почти не осталось одежды и взору Любавы открылось красивое стройное тело. На нём были следы старых заживших ран, видно юноша участвовал не в одном сражении, и много свежих. Рваных, которые он получил сегодня. Кровь сочилась из его ран и девушка, не раздумывая, оторвала край подола своей рубашки и умело стала их перевязывать.

Старая ведунья, жившая за рекой, многому научила Любаву. Именно она принимала роды у княгини, первая взяла на руки маленькую новорожденную и потом винила себя в том, что не уберегла, не исцелила женщину. Она опекала девочку с детства и научила Любаву не бояться леса, а любить и понимать его. Ведунья часто приходила к маленькой княжне, приносила ей из леса грушки, яблочки, а когда Любава подросла, стала учить её траволечению. Но сейчас была ночь и девушка решила, что поиском лечебных трав она займётся утром. Костёр почти перегорел, Любава подбросила сухих веток, которые сразу же весело затрещали и выпустили к небу сноп искр. Она под села к Подвизду и прикрыла его плащом, чтобы уберечь от утреннего холода. Глаза её закрывались. Утро вечера мудренее, — подумала девушка и уснула.

Светало... Подвизд очнулся от того, что было холодно — костёр еле теплился. Тело болело. Постепенно, медленно он повернулся на бок и увидел рядом с собой спящую девушку. Сразу всё вспомнил: прошедшие день и ночь. Слава богам, что наступило утро и можно будет продолжить путь. Он посмотрел на Любаву, которая за такой короткий период успела принести ему сколько неприятностей.

Девушка во сне улыбнулась и кудряшка на высоком лбу затрепетала. Губы были как сочные вишни, а цвет лица указывал на то, что это жительница леса, в котором так мало открытого места для солнца. Ей не надо было белил: лицо было белое, а щеки расцветивал румянец, как нежная утренняя зорька. Немного курносый носик чудесно дополнял образ

этой прекрасной лесной мавки.

Божья коровка села ей на щеку и поползла к носу. Любава рукой смахнула её и открыла глаза. Напротив она увидела чёрные, немного раскосые, удивлённо изучающие её и разглядывающие глаза. Врага. Да, она решила, что это её враг. Это ведь он её забрал из дому, по его вине Мал сейчас переживает, а зная характер брата Любава понимала, что он это так не оставит и будет искать её. А сейчас такое время, что поиски могут плохо закончиться для Мала и в этом будет виновата она. Правда не по своей воле, а по воле этого рассматривающего её человека. Любава резко вскочила и стала подбоченясь.

Ведунья ей как — то раз сказала, что человека в беде никогда нельзя оставлять и если можешь чем то помочь, то помоги. Любава ещё ночью для себя решила, что насобирает зелья, промочит воину раны, перевяжет и разойдутся они каждый в свою сторону. А она к вечеру, если поспешит, вернётся домой. Конечно, Мал вначале заругает, а потом они с Алексом посадят её возле себя и она расскажет и о волках и об этом парне, умыкнувшем её без её на то согласия.

Девушка хмыкнула и пошла в лес. Прошла немного, а уже нашла все травки, которые помогают быстрее заживлять раны. Сорвала большой листик лопуха и вышла на поляну на которой уже зажигались ягоды земляники. Вот и завтрак, — подумала она и стала собирать ягоды. И сама наелась и раненому решила отнести. Увидела родничок, небольшой прудик возле него. Но воды зачерпнуть, чтобы промыть раны, было не во что. Ей пришлось ещё раз оторвать кусок сорочки и намочив его в воде и не выкручивая, Любава пошла к стоянке.

Подвизд спал, вздрагивая во сне. Когда девушка прикоснулась ко лбу молодого человека, рука её невольно дёрнулась назад. У парня был жар. Она не могла просто бросить его и уйти. Так было неправильно. Ну день, два, — подумала Любава, — поставлю его на ноги и уйду. Губы парня зашевелились и что-то прошептали. Девушка наклонилась ниже:

— Пить, — ясно услышала она.

Любава побежала к роднику и набрала в сложенные лодочкой руки воды, но пока прибежала назад, в ладошках почти ничего не осталось. Отбросив стыд, девушка открыла чужой заплечный мешок и порылась в нём. Среди разных вещей и безделушек она нашла серебряный кубок, с ним и пошла по воду.

Целый день Любава не отходила от Подвизда ни на шаг: промывала ему раны отваром ромашки, подлаживала ветки в огонь, чтобы ему было теплее, когда юноша трясся от озноба. Поила его отварами трав. На ночь насобирала сухих веток, принесла воды... Вконец измученная она уснула. И снился ей Алекс — его озорные глаза, взгляд, от которого сердце почему-то ухало куда-то вниз, ласковые руки, убаюкивающие её... Такой сильный и такой ласковый. Вспоминает ли он её, болело ли у него сердце, когда она пропала?

Княжна медленно просыпалась — что-то тёплое касалось её лица. Девушка открыла глаза и оказалось, что это лучик солнца прыгал по её щеке. Он проник через густую листву и как — бы просил: просыпайся, ведь мир чудесен. Любава приподнялась и посмотрела на юношу — он дышал слабо, но размеренно. По-видимому жар прошёл и дела пошли на поправку.

Скоро домой, домой — пело сердце. Девушка побежала к роднику, умылась. И так ей захотелось смыть с себя все тяготы прошедших дней, почувствовать себя чистой, отдохнувшей, что Любава не мешкая развязала пояс, сняла одежды и, подумав, распустила косу. Озерцо возле родничка было неглубоким. Вода доходила девушке до пояса, волосы сразу же веером легли на воду. Вода была прохладной, но бережно поддерживала её. И

только немного озябнув, Любава вышла на берег. Быстро оделась, заплела косу и пошла к стоянке. Там помогла юноше привстать и прислониться спиной к дереву.

— Извини, я без спроса рылась в твоей сумке — нужна была посуда для воды. У тебя есть вяленая оленина

и пшеничные лепёшки — нужно поесть.

— Я ещё и должен кормить тебя своими припасами?

— Не за себя волнуюсь. Тебе ведь сил набираться надо. До Киева пешком не близко.

Она вытянула припасы и подсев к Подвизду постелила перед ним холстинку, на которую выложила нехитрую снедь.

Парень не захотел есть один и кивнул ей, приглашая разделить с ним немудреную трапезу. Любава помнила слова Мала о том, что хлеб врага горек, но всё же заставила себя проглотить кусочек лепёшки.

— Я до сих пор не знаю как зовут тебя, девушка.

— Любава, — думая о чём-то своём, ответила она.

— Ешь, нам ещё долго добираться и нужны будут силы, — негромко сказал Подвизд. — Если бы сидела на месте, а не думала убегать, то не был бы я сейчас силою с ребёнка. Слаб я ещё, твоя помощь нужна.

Любава и сама видела это. Она кивнула и поднесла воду к его губам. Благодарно взглянув на свою пленницу, сделал несколько глотков. На лбу даже от такого незначительного усилия появились бисеринки пота.

— Да, слаб. Ну ничего, не старый дед, быстро выздоровеешь. Всё будет хорошо.

Она подтянула к себе листик с ягодами и взяв одну двумя пальцами положила себе в рот. Видя как жадно смотрит на это юноша, следующую она поднесла к его губам.

— Попробуй, правда они ещё не совсем спелые.

Подвизд приоткрыл рот и подхватил ягодку, а потом неожиданно для Любавы и наверное для самого себя, поцеловал пальчики девушки. Она одёрнула руку. Не привыкла к таким нежностям и подняла на него глаза.

Подвизд пристально смотрел на неё. А потом поднял руку и коснулся её губ.

— Ещё чего! — гневно встрепенулась, — То ты такой больной, а то руки распускаешь, туда где ненадобно.

— Да ты не бойся, я ведь не хотел тебя обидеть. Ты просто вымазалась немного ягодами. Давай я сотру.

И не успела девушка опомниться, как Подвизд наклонился и поцеловал её. Поцелуй был нежным, скорее братским и Любава успокоилась. «Ну чего в самом деле бояться, скоро всё закончится и я не увижу этого парня никогда».

Никогда? И сама себе немного удивилась. Она стала к нему привыкать. «Ещё чего, это враг. Враг мой, моего брата, моей земли и лишь только ему не нужна будет моя помощь я уйду и забуду обо всём, и о нём тоже».

— Сиди не сиди, а двигаться понемногу надо, — решил Подвизд. — Найди мне крепкую палку.

И так, оперевшись на палку, которую ему нашла Любава прошёл несколько шагов.

— Годится. Подай мне мою сумку и плащ.

— Я не пойду с тобой. Моя дорога на север, а твоя на юг.

— Любава, знаю, что виноват перед тобой, но сейчас прошу твоей помощи.

Слаб я. Хотя и не привык просить да ещё и девушку, но обещаю, как только увидим город, каждый пойдёт своей дорогой.

Любава взвесила все за и против и решила, что потеряв день, она потом его нагонит. И не может быть, чтобы на пути не встретилось какое-нибудь селение. А там уже она выпросит лошадь, её брат отдаст всё, чего пожелает владелец. И она снова будет дома.

— Хорошо, я помогу тебе.

*

Они шли уже, наверное, несколько часов, но Подвизд был даже рад этому, потому что каждый шаг оделял его от безумия, которое охватило его в лесу. Был момент, когда ему пришлось преодолевать яростное желание сцеловать с её губ всю сладость лесных ягод. И он почти поддался ему, воображая, как начнёт с её тёплых губ, как потом проделает цепочку поцелуев по её стройной шее, а потом растворится в каждой частичке её безумно желанного тела.

Боги, что же он себе думает? Какие силы вмешались в его жизнь, заставив оказаться здесь в этом дремучем тёмном лесу?

Постепенно лес уступал место полянам, поросшим травой, полевыми цветами и кустарниками. И совсем скоро они увидели речку. Это было так неожиданно — увидеть после тенистого прохладного леса солнечные поляны и реку, которая медленно и плавно несла свои воды на юг.

— Ну вот и подошли ближе к цели, — нарушил общее молчание Подвизд. — Если идти берегом реки на юг, то скоро будем в Киеве.

— Как скоро? — Переспросила Любава. Так далеко она никогда из дома не уходила. И нянькой она этому отроку не будет И мамкой тоже. То еле дышал, а сейчас какой путь прошёл, изредка останавливаясь, чтобы передохнуть. Он очень устал, выбился из сил — раны давали о себе знать, но двигался сам, не прося о помощи. Любава ещё в лесу кое-как стянула и подшила то, что когда-то было одеждой. Но, призналась сама себе девушка, даже в таком виде, Подвизд был привлекателен.

— Вот бы хорошо сейчас ладью, да ветер в парус, тогда и подгрести не надо бы. А там и Киев...

И опять задумался о недалёком будущем Подвизд. Девушку ему очень не хотелось отпускать, но что сказать отцу и старшему брату кто она? А ведь скоро придётся ответ держать. Как бы самому не покатиться вниз. Ведь мечтает каждый отрок о славе дружинника, а потом и воеводы... А спросят, почему не было возле Игоря в тот роковой час. Не скажешь ведь, что девицу обхаживал. Враз можно забыть о воинской доблести. И Любава ему мила, а просить её стать женою, — родственники не простят, что умыкнул девушку без её на то согласия.

Он опустился на колени возле реки и протянул руки к воде, которая сразу же охладила на них раны и принесла облегчение. Подвизд смотрел на воду, на её голубую, плавную, могучую поступь... Было тихо и покойно, только изредка эту тишину нарушала рыба, выпрыгивающая из воды, подставляющая серебристые бока солнцу, тревожащая водную гладь своими всплесками.

Любава куда-то отошла и он очень удивился, когда она откуда-то выбежав, стала радостно показывать рукой вниз по течению.

Подвизд отряхнул руки от воды и медленно встал. Он ещё не видел её улыбающейся. Сейчас девушка улыбалась и её улыбка озарила, зажгла ярким внутренним светом глаза. Отрок удивился, что же могло вызвать такую радость и посмотрел туда, куда показывала рукой Любава.

Возле реки по её течению высилось городище. Но не такое, которые были у полян или древлян, а ещё старых времён, до новых застроек. Ещё когда жили всем своим родом на одном месте. В центре городища стояла землянка старейшины, немного дальше от неё землянки молодых, ещё дальше — клети, ямы для всякого добра: пшеницы, ржи.

Возле реки видно было ещё одно селение — могилы с каменными статуями забытых предков. Они стояли на вершинах могил, как стража, которая оберегала тех, кто остался жить.

Здесь ладью достать было нельзя, не потому что не продали бы, а потому, что уж очень бедное племя жило здесь. А вот долбанку можно было бы достать. Мужчине договариваться легче и несмотря на свой потрёпанный вид, Подвизд пошёл искать старейшину.

Проходя по городищу, он обратил внимание, что некоторые землянки были выбеленные глиной и выглядели богаче остальных. Но юноша знал, что землянка старейшины должна была находиться в центре. Он туда и направился. Переступая в темноте через несколько каменных ступенек, Подвизд открыл тяжёлые двери и вошёл в жилище.

Посредине была яма, обложенная камнем и в ней горел огонь. На стене висели одежда и оружие. Возле печи стояла посуда: глиняные миски, кувшины. В углу комнаты — возвышение из глины, на котором ютились деревянные фигурки Велеса и Перуна.

Люди трапезничали. Подвизд взгляделся — в темноватой комнате было трое людей: пожилой мужчина и двое молодых. Наверное муж и жена.

Парень знал, что люди живут по разному: одни были богаче, другие беднее. Были рабы, которые становились рабами по разным причинам: пленные, а также те, кто женился на рабыне. Если купец не мог отдать долги... Знал, что люди такие живут очень бедно, но чтобы так, не видел.

Но как и везде на Руси, пришлый человек почитался хозяевами и старейшина гостеприимно пригласил юношу к трапезе.

Старик взял кусочек хлеба и немного еды и бросил это в огонь — это была жертва тем, кто ушёл из рода — предкам.

Подвизд увидел, что кусочек лепёшки упал на жар, огонь немного потух, а потом разгорелся.

— Жертва принята, — сказал старец. — Будем и мы вкушать еду, чтобы всегда нам было хорошо.

Все молча склонились над мисками с варевом и не спеша стали есть.

Подвизд с удовольствием хлебал горячую еду, закусывая её пресной лепёшкой. Насытившись, он поговорил немного о видах на урожай, а увидев лук и стрелы, поинтересовался, много ли зверья вокруг. И только потом рассказал, что находится в бедственном положении, попросил продать ему лодку. Он подал свою котомку, чтобы старейшина сам выбрал то, что считает нужным в оплату и вышел из хижины.

Любавы не было. Испуг оттого что может потерять её, пересилил злость. Он пошёл вверх по течению реки и услышал смех.

Тихо раздвигая камыши, Подвизд двинулся к тому месту, где кто — то смеялся. Это была княжна. Обнажённая стояла спиной к нему по пояс в воде. Коса её жила своей жизнью: струилась по спине, плавала со стороны в сторону, потому что её хозяйка не стояла на месте. Любава подпрыгивала и тогда Подвизд видел стройные бёдра; руками разводила воду, а набрав её в ладошки брызгала на себя. Капельки воды играли на солнце и миллиарды мельчайших её частиц, окружали таинственным ореолом эту прекрасную русалку.

Девушка легла на спину и взмахнув руками, поплыла по реке. Груды округлые, высокие холмиками выглядывали из воды. Любава, проплыв несколько метров встала и потянувшись руками к волосам, повернулась к берегу. Тонкая талия, упругий живот, нежный изгиб бёдер... Вода была холодная, но девушка, выросшая среди прохлады лесных озёр не замечала этого, только соски высокой девичьей груди заострились да кожа чистая зарумянилась.

Любава выходила из воды как русалка, постепенно открывая перед прятавшимся Подвиздом все прелести своего молодого тела: вот показались стройные ноги, уверенно ступавшие по дну реки, колени и, наконец маленькие стопы ступили на берег. На ноге девушки он заметил две родинки и парень порадовался — отмечена богами.

Девушка стояла на берегу и опустив руки медленно расплетала косу. Взгляд её был задумчивым, затуманенным какими — то своими потаёнными думами.

Почему-то больно сжалось сердце от мысли, что кто-то обнимал это стройное тело, кому-то оно принадлежало. Не может такая изумительная красота никому не принадлежать! Это была жгучая ревность, никогда не испытываемая Подвиздом. Он и не догадывался о таком чувстве, жил без него, жил без любви.

Любава распустила косу и встряхнула головой: волосы укрыли её как плащом и юноша обиделся на них. Ему захотелось подойти к ней, обнять и зацеловать до смерти эту мавку, покоровшую его сердце.

Подвизд переступил с ноги на ногу и какая то ветка хрустнула под ногой. Любава встрепенулась и стала быстро одеваться; улыбка на её лице исчезла, погасив свет, озаряющий изнутри девушку.

Он медленно, стараясь остаться незамеченным, пошёл назад в селение.

«Как мне унять своё сердце, стук которого слышен каждому. Как унять дрожь в руках моих и ногах», — бились птицей мысли в голове Подвизда. Боялся испугать её, боялся, что уйдёт. А он уже не хотел с ней расставаться и будь что будет.

Долбанка была маленькой и предназначалась для одного, но он знал, что никуда не поплывёт без неё, своей Любавы.

Поблагодарив старейшину, они снова двинулись пешком в путь. Прощаясь с ними тот сунул узелок с едой и сказал что ниже по течению реки есть поселения покрупнее и наверняка там найдётся подходящее для них судёнышко. Старейшина оставлял их у себя переночевать, но Подвизд видел, что места у них в землянке для посторонних не было. Возле реки волки не жили и поэтому спокойно можно было идти дальше.

Когда городище скрылось из вида, Подвизда охватил стыд. Он ведь поел, а девушка осталась голодной.

— Ты голодна? Поешь немного.

— Не надо мною опекаться.

— Почему же, ты ведь девушка. Слабая девушка...

— Плохо ты меня ещё знаешь.

— Так позволь узнать тебя побольше. Пойдём со мной и я познакомлю тебя со своей семьёй...

— Ты знаешь, у меня ведь своя семья есть и другой мне пока не надо.

— У тебя есть муж?

— Пока нет, но у меня есть брат, который сейчас за меня волнуется, не зная где я и что со мной.

— А родители? Почему ты сказала только о брате?

— Мама умерла, а отец погиб. Мы с братом живём. И вообще, я хочу быстрее закончить это путешествие и вернуться быстрее домой.

— Ты уже и сам мог бы добраться. Сил прибавилось, раз не отдыхал, а подглядывал за мной. Ведь то был ты, — посмотрела на покрасневшего парня, — Вон, зарделся как заря.

— О чём ты? Я разговаривал со старейшиной и на реку не выходил.

По тому как она с насмешливой улыбкой посмотрела на него, Подвизд понял, что сдал себя с потрохами.

— А вообще некогда мне с тобой разговоры городить. Пойдём, если у тебя получится быстрее, а поесть можно вечером.

Она пошла впереди, а он поплёлся за ней. Лучше бы он шёл впереди, тогда бы не видел этой упрямой спины, слегка покачивающихся стройных бёдер. Вдруг Подвизд услышал крик и девушка исчезла, как сквозь землю провалилась, Он бросился вперёд и чуть сам не угодил в яму, вырытую на тропе к водопою и прикрытую ветками. Заглянув сквозь порушенное прикрытие, он увидел лежащую на дне ямы девушку. Так как она не двигалась, Подвизд понял, что Любава потеряла сознание. Он сам был слаб, но снял пояс и привязав его к дереву медленно стал спускаться вниз. Яма была неглубокой, поэтому он опустил достаточно быстро и сразу в тревоге бросился к девушке. Приподнял голову, положил себе на колени. Она медленно открыла глаза.

Подвизд смотрел на неё. Затуманненные глаза постепенно прояснились и она попыталась вскочить на ноги.

— Не спеши, давай вначале посмотрим, целы ли кости.

Любава молчала и его пальцы начали свою работу. Странное ощущение покоя окутывало её. Умелые руки юноши нежно прошли по её рукам, смело касаясь каждого пальчика, потом опустили ниже и ласкающими движениями прошли по её тонкой талии. Девушка была более чем удивлена этими нежными прикосновениями. Пальцы, касаясь её скользили всё ниже и ниже.

Она нерешительно попыталась отодвинуться, слегка затрепетала, когда ей не удалось создать мало-мальского расстояния между ним и собой. В голове звенело от полученного удара при падении. Княжна ещё плохо воспринимала происходящее из-за какого-то тумана в сознании.

— Ну, а теперь давай посмотрим твои ноги — целы ли.

Он положил руку на её лодыжку и девушка вздрогнула, ощутив прикосновение.

— Спрячь куда-нибудь свою скромность, в конце концов это всего лишь ступни.

Ласковые руки продолжили свой путь и Любава стала вдруг ощущать странные покалывания там, куда они прикасались. Она изумлённо молчала, такие ощущения для неё были незнакомыми.

Неожиданное мягкое прикосновение его губ парализовало девушку.

Она забыла обо всём. Приоткрыла рот и почувствовала как его язык смело вторгся внутрь, сплёлся с её языком, прошёлся по зубам, вызвав в ней неведомые прежде эмоции.

Губы Подвизда нежно коснулись шеи Любавы, покрывая её лёгкими поцелуями, пока не добрались до ложбинки между грудями. Это её ошеломило. До сих пор она не встречалась в жизни с подобным проявлением чувств мужчины к женщине. Девушка некоторое время оставалась неподвижной. Она была так ошеломлена и напугана происходящим, что на некоторое время потеряла способность двигаться и соображать. Но всё же здравый смысл решил включиться и она восприняла это как спасение...

— Хороша, княжна, — впервые в мыслях она назвала себя так и так почувствовала. Не девчонкой, скачущей на лошади или сорванцом, собирающей горький дикий мёд. А княжной своего народа. Но сердце не хотело мириться с её разом повзрослевшими мыслями. В нём зарождалось чувство, которое она ещё не могла понять, осознать...

Любава взяла в свои руки ладони юноши и отвела их в сторону.

— Поумерь свой пыл, отрок, — высокомерно посмотрев на юношу, сказала она.

Но уже через минуту, взглянув на него, засмеялась озорно, заливисто. Это опять была простая девушка. А причиной её смеха было несчастное лицо Подвизда, да вымазанные в глину нос и лоб, сразу сделавшие его похожими на отроков, друзей Любавы, принимавших активное участие в озорных выходках в городище. А невольной воеводой всегда выступала она. Память услужливо подсказала, что если бы не Подвизд, то волки бы разорвали её в лесу безоружную. Её упрямство было тому причиной. Любава нагнулась и прикусив губу, вытерла подолом сорочки вымазанное лицо парня.

Глава 6

Ладья подплывала к Киеву, ветер надувал паруса и всё ближе и ближе сквозь дымку возносились три горы, укрытые лесами. Среди деревьев видны были проплешины — там виднелись поля и землянки. На средней горе, самой высокой, деревьев было мало. Там и расположился Киев. Вершина холма — стена с воротами, рвами, валами, а за стенами терема княжьи.

Ниже от города, кольцом вокруг него дворища бояр. Ещё ниже, в предградье — землянки, халупы простых людей.

Крутой спуск вёл к Днепру.

Алекс смотрел на Киев — мать городов русских и поймал себя на мысли, что ожидание увидеть величественный город не оправдалось. А может любопытство и исследовательский интерес ко всему пересилили тревожные мысли. Как можно ринуться в другое княжество не подготовившись вообще ни к чему?

— Мал, обычно подходя к какому-то делу, важно предугадать результат.

— Я же сказал, что всё будет хорошо. Каждой женщине нужно крепкое плечо мужчины. Ольга сейчас одна и боится всех и вся. Ну не верю я, что любила она Игоря. Вот просто не верю! Не могла меня разлюбить, ведь я её помню и до сих пор люблю... А когда я попрошу выйти за меня и стать княжной двух княжеств, то она согласится.

— Я никогда хорошо не знал женщин, да и ты смотрю тоже. И это не только потому, что молоды мы с тобой, а просто они другие, не похожие на нас. Море любви и практицизма. И нам мужчинам, никогда не понять, какие мысли крутятся в их очаровательных головках.

— Мудрёные твои слова. Но уж поверь, любовь в женских глазах я сумею прочитать.

Алекс скептически посмотрел на князя, но промолчал. Он знал много обратных примеров: когда после большой любви женщина выходила замуж за совершенно другого человека и была очень счастлива с ним.

Но снимать розовые очки с Мала он не хотел, тем более что сейчас совершенно другие нравы, и может быть и отношения к чувствам иные.

— Разве можно думать о нормальном ходе переговоров с княгиней, которая уже знает, что от рук древлян погиб её муж?

— Мы воины, а наши жёны должны быть готовы ко всему. Да и не встречал я женщины, умнее мужчины, — мрачно отвечал Мал. — Мне главное сейчас найти и вернуть сестру. — Взгляд его был тяжёлым. — Любава здесь. Я это чувствую. И она не по своей воле здесь... За сестру я готов на всё!

Мал наклонился и посмотрел на тёмную воду, которая пенилась за бортом ладьи.

*

Терем киевских князей был в два этажа, построен добротнo, по преданию, самим Кием. Все же последующие князья достраивали его и расширяли. Но порядок всегда был один: в сенях, куда можно было попасть прямо со двора, стояли день и ночь княжьи гридни, а рано утром приходили тиуны, бояре с большой надеждой — вдруг пригодятся князю.

Везде и в сенях и в переходах стояли тяжёлые светильники; камень пола был натёрт до блеска тысячами ног, звуки были глухими, невнятными.

На второй этаж терема вели широкие ступеньки, в конце которых была Людная палата. Здесь, иногда, сидя в кресле под окном, вершила суд и правду княгиня.

Если повернуть в сторону, начинались покои князей и Золотая палата: большая, светлая в конце которой стоял высокий помост, а на нём большое, украшенное серебром и золотом кресло.

Возле стен ютились дубовые лавы, а над ними висели шлемы, кольчуги, щиты. Всё оружие принадлежало покойным киевским князьям. В палате было несколько дверей, через которые можно было попасть в опочивальни князей и княжичей. А ещё и чёрный ход о котором мало кто знал.

Ольга закрылась в опочивальне. Она никуда не выходила и даже сына не хотела видеть, потому что он так был похож на отца.

Уцелевшие дружинники поведали о том, что случилось на деревской земле воеводе Свенельду и он сразу же передал эту горькую вестъ ей. Выплакала все слёзы за мужем, просталась ведъ на несколько дней, а получилось навсегда. Не знала даже где его могила. И эта мысль обжигала больше всего. За эти дни вспомнила всё. Так оказалось мало времени, проведенного с ним.

Любила ли? Любила... А разве мыслила о том, что полюбит кого-то когда — нибудь после Мала? Мал... Любовь её жизни. Это когда сердце пело и хотелось не ходить, а летать. Именно такой её встретил Игорь. А она даже и не догадывалась, что суровый и мужественный на вид человек, которого она перевозила через реку — князь киевский. Орудуюя веслом, девушка мурлыкала свою песню и казалось, даже речка, заслушавшись, помогает ей в её работе. Она ждала вечера, чтобы встретиться со своим любимым и окунуться в такие любящие и ласковые глаза. Вчера Мал сказал, что не мыслит без неё своей жизни и хочет, чтобы женою его стала. Вот только отцу скажет. А отец совсем не против будет, потому что и свою жену, мать Мала выбирал по любви.

Поэтому и горели счастьем её глаза и песня лилась из самого сердца. И видно, даже не помышляя о таком, пленила она Игоря, заставила сильнее биться его сердце, отодвинула на второй план дела державные... Это он сам ей потом рассказал и добавил, что трудно было не заметить утреннюю зорьку, весёлого жаворонка — её, Ольгу. Она же, перевезя на другой берег мужчину и забыла о нём, как и о всяком другом путнике, которых она переправляла через реку.

О следующем периоде в её жизни Ольга не могла вспоминать спокойно. Мечты о спокойной семейной жизни с любимым человеком разлетелись прахом. Оказалось, что простая она девушка, а сыну князя для укрепления княжества и жена должна быть под стать быть. Отец Мала и не против бы был, но бояре настояли на своём, много раз свои советы собирали, всё решали...А что решать. И так уже всё решено. Тогда и голос у неё пропал и глаза перестали изнутри сиять.

Такой её и увидел Игорь в следующий раз, но не вдаваясь ни в какие расспросы внимательно посмотрев на неё, спросил:

— Не хочешь ли ты девица женою моею стать?

— Не знаю я тебя совсем, — равнодушно повела плечом.

— Ну так узнаешь, коли захочешь. Времени у нас впереди много.

Хотелось подальше от этих ненавистных мест уйти, чтобы забыть о том, как здесь счастлива была с любимым человеком.

— А имя у тебя есть?

— А как же не быть, Игорем зовусь.

— Откуда же ты, Игорь?

— Из Киева. Князь я киевских земель.

— А отец то позволит? — спросила с издёвкой.

— У меня уже родителей давно нет. А кого любить мне всегда решаю сам.

Не думала больше, ничего не взвешивала, ни у кого не отпрашивалась. Сиротой была. Просто поверила этому человеку, подумала, что хуже не будет. Лишь бы подальше от Мала и от такой горькой и несправедливой любви.

Ольга плакала, вспоминая свою жизнь... Когда стала женой этого человека, избегала его, втайне вспоминая Мала и сравнивая их. И конечно, это сравнение было не в пользу Игоря: и возраст и шрамы, и молчаливость... Но постепенно она стала замечать и выделять для себя его доброту, щедрость, умение выслушать и пожалеть... И уже шрамы не казались ей уродством, она просто больше их не замечала. А когда, смущаясь сказала, что ждёт от него ребёнка, то счастливее человека не видела. Игорь подхватил её на руки и закружил, смеясь по-мальчишески весело и задорно.

— У меня будет сын. Сын! Святослав!

— Почему же сын, а если дочь?

— Только если она хотя бы немного была похожа на тебя... — Ласково поцеловал её. —

Но следующим всё равно будет сын, правда?

Вот тогда, взглянув в его счастливые глаза Ольга окончательно поняла, что любит этого ставшего близким ей человека. Думала, что счастье это ей навсегда, а оказалось ненадолго.

Ольга стояла и смотрела в окно, покачиваясь от горя и ненависти. Как могли, как посмели поднять руку на киевского князя древляне?

— Здрава будь, княгиня!

Голос Свенельда отвлёл от горьких мыслей.

— Прости, княгиня, но не время сейчас горю предаваться. Пока мал сын твой, Святослав, а врагов вокруг много. Знаешь ведь, что Игорь с двадцати племён русичей подати собирал. А вот если эти княжества почувствуют слабину, не удержаться тебе, Ольга у власти. Хорошо бы замуж тебе выйти за сильного князя, чтобы крепить землю нашу до отрочества Святослава.

Бояре ропщут. Сейчас Киеву сильная рука нужна, а ты в унынии, горю предаёшься.

Ольга круто развернулась, хотела сказать что-то резкое, но разумом понимала, что воевода прав, а сердце просило о покое.

— А пришёл, княгиня я тебе сказать, что ждут тебя бояре древлянские. Сегодня прибыли, хотят с тобой говорить.

У Ольги на мгновение отобрало речь. Древляне? Те, которых она хотела забыть навсегда и сумевших всё же сумели нанести такую глубокую рану. Как посмели они так рушить её жизнь, ломать существующие устои? Княгиня резко подняла руку, вытерла слёзы и холодно взглянув на воеводу, сказала:

— Я приму их, выслушаю, но хорошего от меня пускай не ждут. Забыли наши законы. За жизнь — жизнь.

Впервые Свенельд видел Ольгу такой — надменной, холодной, решительной.

— Скажи им, что зову завтра для чести великой. Мол, зла не держу на них.

— А ещё им скажи...

*

Древляне стояли в Людной палате и ждали княгиню, но кресло её пустовало. Роптали мужи древлянские, разговоры вели промеж собой вполголоса:

— Мужа её убили... Так он как волк расхищал и грабил, а наш князь хороший, потому, что ввёл порядок на древлянской земле. Такой порядок и здесь был бы.

Вошёл Свенельд и передал слова княгини, что Ольга рада будет их видеть.

— Хочет воздать княгиня вам честь перед людьми своими: завтра садитесь в ладью, а лучшие мужи Киева принесут вас к княжескому терему, где и воздадут вам честь по праву.

— Согласна ли княгиня замуж выйти за князя нашего?

— Думает она, завтра ответ услышите.

Радовались древляне и только воевода Стемид молчал. Не мог понять он такой покладистости Ольги. Об этом и сказал Малу, который вместе с Алексом вечером вернулись из города. Они обошли северную часть, не пропуская ни одной улицы, вглядывались в лица проходящих женщин, но Любавы среди них не было. Договорились, что пока бояр будут чувствовать у Ольги, они завтра осмотрят южную часть города. И если бы Мал меньше думал о сестре, его бы тоже как и Стемида насторожила покладистость Ольги, но ни капли сомнений не появилось в его голове: он помнил её доброй и милосердной, забывая о том, что жизнь и обстоятельства могут неузнаваемо изменить человека и не обязательно в лучшую сторону...

Наступила ночь, но спокойствия она не принесла. Алекс всё-таки надеялся как впрочем и Мал, встретить в Киеве Любаву. Эта надежда теплилась где-то глубоко в душе, но она угасала как свеча на ветру и он уже почти не надеялся, что когда-нибудь он встретит княжну...

Вода укачивала и скоро все уснули. Они даже стражей не выставляли, видя такую доброту и сговорчивость Ольги.

Когда стало светать, Мал разбудил Алекса и они, одев плащи, вышли на берег.

С рассветом просыпался киевский люд, на базары выносились разные товары: керамику, ткань, ювелирные изделия, шкуры куниц, белок. Всё это обменивалось на продукты, изделие на изделие. Люди торговались, споря до хрипоты, отстаивая свой интерес. Здесь можно было узнать о многом и о многих. Сюда и хотели попасть друзья,

чтобы утвердиться в мысли продолжить поиски Любавы или прекратить их. Мал строго-настрого приказал древлянам Ольге не перечить, вручить ей дары и просить от его имени стать княгиней земли древлянской.

Когда солнце поднялось над горизонтом, к реке подошли дружинники во главе с воеводой.

— Зовёт вас Ольга для чести великой и чтобы вы не пешком шли, ни на лошадях ехали, а таких дорогих гостей мы в вашей же ладье к терему понесём.

Ещё раз порадовались древляне за ум княгини и за всепрощение, которое ей подарили боги.

Сидели в ладье, свысока поглядывая на горожан. Тяжело в гору нести киевлянам ладью и Стемид даже попытался остановить их. Зачем им такая честь? Ноги есть. Сами могут пройти этот путь.

На подходе к княжескому терему, по обе стороны дороги стояли люди, молча смотрели на эту процессию.

Алекса и Мала удивили почти пустые улицы, изредка можно было увидеть прохожего. Остановив одного из них, князь поинтересовался, не праздник ли какой у них где, что люда в центре не видно.

— Да все, кто может ходить к князьему двору пошли. Сказывают, что Ольга одаривать гостей- древлян будет. А подарки такие, что вовек ни они, ни дети их не забудут, — засмеялся мещанин.

Алекс вспомнил, что должно было случиться. И хотя Мал решил продолжить поиски Любавы, он потянул его к княжескому терему.

— Быстрее, Мал, быстрее, может ещё успеем что-то сделать, — запыхавшись от быстрого бега, кричал Алекс.

— Постой, я ничего не понимаю...Куда мы так спешим? Вечером узнаем ответ Ольги.

Алекс пропихивался через толпу, которая молча за чем-то наблюдала. А когда смог увидеть то на что смотрели люди, ужаснулся. Посреди двора была вырыта большая, глубокая яма и ладью с древлянами несли прямо к ней. Он видел лица людей с которыми не так давно познакомился. На одних было недоумение, на других, которые уже всё поняли — ужас. На крыльце терема стояла княгиня Ольга. В длинном, белом, расшитом платье с тонкого полотна и под цвет этой одежды было её лицо. Белое, ни слезинки, губы, без кровинки, сжаты в тонкую нить. Махнула рукой, требуя тишины.

— Хороша ли вам честь? — спросила у древлян.

Те молча стояли в ладье, которая привезла их из дому к своей смерти. Алекс повернулся назад и увидел глаза Мала, который непонимающе смотревшего на происходящее. Вдруг ужас исказил его лицо. Много видел этот воин, не раз встречался лицом к лицу со смертью, но такого он даже не мог себе представить.

Мал, прибежав за непонятно почему встревоженным Алексом, нашёл глазами Ольгу и рассматривал её издали. Ведь сколько прошло времени и такие чувства были между ними... Княгиня почему-то стояла очень бледная и Мал даже заволновался не больна ли она. Но услышав внезапно установившуюся тишину, перевёл глаза на знакомую ладью и сразу же всё понял.

Княгиня взмахнула рукой и ладья вместе с людьми обрушилась в яму. А следом полетела земля. Их живьём закапывали, наказывая за смерть Игоря, хотя никто из приехавших сюда древлян в том не прилагал свою руку.

Но уже видно ненависть к этому народу переполняла вдову, да и решила в назидание другим племенам жестокость такую учинить, чтобы не смели впредь головы поднимать...

Старики встречали смерть молча, но среди древлян было два отрока, друзей Любавы, которые сами вызвались искать девушку.

Алекс не думал, что эти дети так стойко будут встречать свою смерть. Они взялись за руки, а Стемид их приобнял, прижал к себе. Только широко раскрытые глаза выдавали их ужас от происходящего.

Алекс, чтобы не видеть этой трагедии, отвернулся к Малу. Тот смотрел на Ольгу и лицо его искажала гримаса боли, а во взгляде было восхищение.

— Вот моя княгиня, — услышал шепот Мала Алекс и даже почему-то не удивился, Он вспоминая историю, понимал: жестокость и жесткость, клыки и когти — это была власть, это было первое тысячелетие из многих других...

Люди расходились, посмотрев на зрелище, которое немного разнообразило их такую размеренную жизнь.

У Алекса подкашивались ноги. Нет, он был мужчиной, но мужчиной мирного времени, когда нечего было делить. Ссоры между людьми случались, но так, по мелочёвке. Вспомнил, что когда-то поссорился с Надей, своей девушкой и очень из-за этого переживал. Обидно было когда на международном конкурсе получит второе место за свой проект, потому что в глубине души надеялся на первое. Да и все в группе наперебой расхваливали его.

Теперь это показывалось такими мелочами по сравнению с увиденным... И удивительно было слышать слова Мала, ещё совсем недавно ни о чём не думающем, кроме поисков сестры.

— Знаешь, Алекс, теперь я очень жалею, что в своё время послушал бояр и отца. Я ведь до сих пор думаю о ней. И никто из женщин так и не смог затмить в моём сердце её образ. Ах, какая женщина! Она просто рождена быть княгиней и чтобы все поклонялись ей, а она только кивала головой в знак одобрения или неприятия. Я попытаюсь снова завоевать её любовь. Она будет моей, попомнишь моё слово. Жаль, что у нас ни ладьи не лошадей. Пойдём на торг высмотрим тебе лошадь, а я останусь здесь. Поедешь, друг в город, найдёшь воеводу и отдашь грамоту, которую напишу.

— Поедем вдвоём домой, нечего тебе здесь делать. Боюсь я за тебя. Ты же видел, что Ольга сделала с твоими земляками. Тебе просто повезло, что тогда не был с ними. А как же твоя сестра, ты ведь не откажешься от её поисков? Я сам ведь не найду её — здесь всё ново для меня...

Мал смотрел на Днепр и не понятно было, о чём думал этот древлянский князь. Может о том, что жизнь так коротка и хочется в ней испытать всё, а в первую очередь любовь. А может передумал оставаться, вспомнив о том, что ждёт его древлянская земля, его народ. Его отечество, где с таким трудом устанавливал законы, соединяя ими людей.

Оказывается совсем не о том были его мысли.

— Когда я женюсь на Ольге, значит жертва, которая была сегодня не напрасна. Если бог Сварог решит, что я и моя земля достойны Ольги — принесу ему большие жертвоприношения в благодарность за его помощь. Когда же мои мечты останутся только мечтами и я погибну, то я буду не один, а вместе с моими друзьями, погибшими сегодня.

Видя такое настроение Мала, Алекс понял, что в первую очередь тому нужна дружеская поддержка, нужна была родина, чтобы подпитаться энергией её лесов, полей, озёр... И постараться жить дальше.

— Боюсь вызвать твой гнев, но всё же скажу — остынь немного. Ещё раз вспомни как поступила она с древлянами. Ведь наверняка многих она знала, но рука не дрогнула заживо их похоронить.

— Не она это сделала, не она, я знаю. Бояре киевские думают, что слаба она и отхватить хотят побольше земель, пока она в горе. Это у них, у бояр и воевод свои законы: если убьёт муж мужа, то мстит брату брат, сыну — отец, отцу — сын. За смерть всегда смерть.

— Тогда на что ты надеешься, Мал? Остались те же воеводы и те же бояре, та же Ольга... Неужели думаешь, что отгадет её сердце и впустит тебя к себе? Невольна она Княжить придётся ей, пока сын не подрастёт. И Олег и Игорь приумножали киевские богатства, присоединяли земли других племён. А Ольге придётся трудно, ведь нужно будет хотя бы удерживать эти земли, пока к власти не придёт Святослав, а тот будет великим воином, он покажет где раки зимуют и печенегам, и хазарам, и коганам.

Алекс почти кричал, размахивая руками, стараясь переубедить Мала, но внезапно взглянув на него увидел широко раскрытые, удивлённые глаза древлянского князя.

— О чём ты? Святослав ещё мальчик, откуда ты можешь знать, что будет?

— Да это же и так понятно — какой сын, такой и отец.

— А откуда ты знаешь об Олеге и Игоре, князьях киевских, о делах их?

— Ты забыл, что странник я. Ходил много и слушал. Кое — что знаю.

— А что будет, не знаешь?

— Об этом не знает никто, но думаю, что твоя попытка мира с Ольгой ни к чему не приведёт. Сердце женщины растопить можно, а сердца бояр, которые тянут жадные руки в казну княжескую вряд ли. Остынь немного, Мал, подумай. А думается всегда легче, если есть с кем обсудить. Забыл ты о сестре своей, Мал. Может, жива и ждёт тебя... А пойти сейчас к Ольге — это самоубийство. Смерть в бою — честная смерть, самоубийца — трус. По закону русских людей такого и после смерти ждёт вечное проклятие, стыд. Ты помни себя, Мал.

Алекс понимал, что ему постоянно нужно быть на древлянской земле, там где покоится на дне озера его корабль. На Земле наверняка увидели сбой системы и он верил, что за ним прилетят. А прилетят туда, где его сейчас нет. Очень хотелось домой к друзьям, к нормальному человеческому быту. Но если он не уговорит Мала, всё может закончиться плачевно для них обоих. Алекс посмотрел вокруг — они уже давно стояли одни. Люди разошлись, дети которые как груши висевшие на деревьях и смотревшие на казнь, нашли другие занятия.

Снова на Подоле, возле реки кипел торг. Издали было видно многолюдную толпу, которая заполняла большую площадь, посредине которой стояло высеченное из дубового бревна подобие животного и человека.

Туловище было человеческим с большой, почти женской грудью. Длинные руки опускались ниже колен. Голова была похожа на голову животного, кроме глаз и носа. Рот растянут до больших ушей, из него выглядывали острые клыки, а над головой торчали железные рога.

Это был Велес — бог торговли. Перед ним, на каменном жертвеннике горел огонь, на который жители клали свою дань: мёд, просо, ячмень, воск.

Возле Велеса играли на свирелях и били в бубен жрецы. Огонь горел и днём и ночью, это они подкладывали туда дрова.

Товар отдавали за товар: пшеница за соль, мёд. Мёд за лошадей...

Туда и поспешили Мал и Алекс. У Мала были в запасе гривны и резы — кусочки серебра, нарезанные с прута. За них он и хотел купить лошадь. Пока князь ходил приценивался, Алекс был рядом, рассматривал и слушал. Ему было всё интересно, всё ново. Смотрел на этот театр, где каждый что-то покупал или продавал, а третий просто ходил, смотрел, а потом спонтанно вступал в торг. Алекс даже немного отстал, настолько всё было живо и интересно. А Мал уже заинтересовано разглядывал белого жеребца: смотрел ему в зубы, поднимал ногу животного и осматривал копыта. Жеребец дико водил чёрным глазом, храпел и отступал от князя. Мал что-то ему сказал, положил руку на холку и, о чудо! Конь присмирел и доверчиво протянул морду, обнюхивая князя. Видно было, что жеребец сейчас занял все мысли Мала. Глаза его озорно сверкнули, он потрепал гриву животного и приобняв рукой голову, чмокнул его в доб. Ну ты и красавец! Уплатив деньги продавцу, он выбрал лошадь и Алексу: покладистую, гнедую. Потом купили для лошадей сбрую и отойдя немного, Мал оседлал своего жеребца, а потом повернулся к Алексу. Тот, конечно пытался запрячь свою лошадь, подсматривая, как делает это Мал, но что-то не заладилось. Князь подошёл к гнедой и быстро закончил начатое Алексом, немного насмешливо посмотрев на своего товарища.

— Да я всё пешком. — начал оправдываться Алекс и умолк, почти загипнотизированный тем, как легко Мал вскочил на коня и тот закусил узду, пытаясь сбросить седока, но князь крепко прижал пятки к бокам животного, натянул уздечку и тот успокоился. Стройная фигура царственно восседала на красавце коне.

— Ну быстрее, Алекс, — ты помог мне увидеть то, что я так упорно отметал.

Ты прав, я князь и не по чину мне унижения терпеть. Да, зацепила меня Ольга сильно — забыл о друзьях своих, о земле древлянской, забыл о сестре Любаве. Ей я должен подставить своё плечо, как и обещал своему отцу. А слово своё я умею держать. — Кричал он это уже на ходу.

Ветер развевал его волосы, теребил накидку на плечах. Ноги крепко прижимались к бокам жеребца.

Алекс поставив ногу в стремя он к своему удивлению, тоже довольно ловко сел в седло. Мал уже был довольно далеко и нужно было его догонять. Он пришпорил гнедую и лошадь тихой рысью побежала по дороге.

Как хорошо! — пела душа Алекса. А-ну быстрее, быстрее.

Лошадь почувствовала всадника, она застоялась, ей тоже хотелось бежать. Бежать туда, где есть высокая, сочная трава, подальше от шумных людей и она не уставая, несла всадника всё дальше и дальше.

Алекс догнал Мала и они вместе двинулись в путь, тихо разговаривая между собой.

Ночь была тихая, звёздная, тёплая. Если лечь неприкрытым и то не холодно, может только под утро ветерок потянет от реки и станет прохладней. А сейчас тихо, тихо. Только огонь горит, потрескивают угольки, пытаюсь разогнать темень, которая сгустилась вокруг.

Подвизду хочется отдохнуть, день вымотал его, но нельзя. Возле него под дубом спит Любава. Он бросает в огонь сушняк и ложиться на спину на землю, устремив глаза в небо: сколько звёзд, а он раньше и не замечал. Когда прибыл на службу князю киевскому было не до любования звёздами. Походы, а ночью быстрее бы забыться сном, тело молодое просило хоть немного отдыха.

А сейчас для него всё как бы внове: и этот лес, напоенный ароматами цветов, и загадочная тревожащая тишина, и высокое звёздное небо.

Он приподнялся и пошарил возле себя. Сушняк закончился, нужно было отойти немного за ним. Юноша помнил, где лежали сухие ветки.

— Ты куда? — услышал мелодичный и сонный голос.

— Веток принесу для костра, неровен час, волки учуют, а так огонь их отпугнёт... А ты, Любава, спи, завтра как только денница покажется так и двинем дальше.

Девушка снова опустила на траву и закрыла глаза. Вдруг возле них раздалось громкое уханье.

Княжна вскочила и перепугано уставилась на Подвизда.

— Не бойся, не бойся, княжна. Это мавки, лесные девушки. Видишь, уже и не слышно. У нас огонь, ни зверь, ни духи в лесу не страшны.

Девушка в испуге прислонилась к нему.

— А я испугалась. Подумать только, как будто никогда не слышала ни о мавках, ни о русалках.

— Лучше о них и не знать. а то услышишь их пение и пойдёшь за ними. Мама, когда я был маленьким, рассказывала, что русалки и мавки так умеют петь и танцевать, что люди как заговоренные не удерживаются и идут к ним.

Подвизд увидел, что своими речами ещё больше испугал девушку и сразу же поменял тему разговора.

— Почему ты так испугалась, это же наверное, филин.

— Устала я вот и мерещится всё. А не подумала бы, что умеешь так красиво говорить: мавки, русалки...

— Ты ничего не бойся, милая. Отдыхай... Смотри, какая вокруг тишина. — Он улыбнулся. — Всё же те шалуны ушли дальше. Это мы их место для хоровода заняли.

— Снова напугать меня хочешь? — сонным голосом спросила она.

— Спи и ничего не бойся, пока я рядом.

Голос у него спокойный, убаюкивающий и ночь взяла своё. Мысли начали путаться и потом оборвались совсем. Девушка спала. Подвизд смотрел на Любаву и боялся пошевелиться, чтобы не разбудит её.

Впервые так доверчиво и по детски позволила обнять себя... Утром, когда проснётся, снова отдалится от него и будет такой неприступной.

Жар огня понемногу остывал, становилось темнее и Подвизд, глядя на девушку, почувствовал, что пьянеет, а темнота разбудила в нём желания и не мог больше бороться с

собой: он наклонился над Любавой и впился страстным поцелуем в её полуоткрытые губы.

Княжна не сразу поняла, что случилось. Попробовала встать и не смогла. Кто-то большой, сильный горячим поцелуем накрыл её губы. Спросонок никак не могла понять, где она и что с ней.

В его поцелуе сквозила неприкрытая страстная чувственность, которая грозила переполнить её до краёв. Она целиком отдалась во власть этого огня. Юноша обхватил её за талию, приподнял и поцеловал в грудь. Девушка слабо охнула, когда он бережно положил её на зелёную молодую траву. Любава не понимала, что с ней происходит и это беспокоило. Не означает ли это, что она теряет над собой контроль и беспрекословно поддается, подчиняется ему, чего ей вовсе не хотелось, но было, если говорить правду, так приятно.

Мысли путались, стали разрозненными, нечёткими, сосредоточиться она не могла. Накатывали странные волны радости, нет — блаженства. Потом отступили, чтобы снова нахлынуть. Они зависели от действий его губ и рук. Дрожь наслаждения пронизывала её. Нс когда рука Подвизда поползла выше по бедру, он почувствовал как прошла по телу пугливая дрожь. Любава резко оттолкнула его и села. То что произошло, поразило её и встревожило. Сколько прекрасных ощущений: его тёплые ладони, его жаркие губы, льнувшие к груди и волны восторга, наплывающие друг на друга. Как это сладко, когда тебя целуют по настоящему.

Княжна заставила себя поднять глаза и посмотреть на него. И такое у неё в эту минуту было выражение лица, что Подвизд озабочено нахмурился. Любава смотрела на него не то чтобы с ненавистью, но так, словно искала чего-то и не находила. Или напротив, увидела такое, чего видеть не хотела. Или ещё что — не разберёшь. Во всяком случае что-то её расстроило. Девушка присматривалась к Подвизду. Припухшие от поцелуев губы приоткрылись, чёрные брови пыливо, недоуменно изогнулись. Он тоже молчал, чувствовал, что горит от стыда, гнётся под тяжестью своей совести: испугалась или просто отвергла как недостойного? Как, у него оказывается есть ещё совесть? Чувство, о котором он так давно не вспоминал и которое загнал так глубоко, зная, что в этом мире лучше быть без совести, чтобы чего то достичь. Почему же так больно и стыдно?

Он не может понять нрава княжны. Он княжий человек и думает по своему, чего то не понимает, в чём-то ошибается. Отвергла его как недостойного... Да, да и это наиболее всего вероятно. Отрок князя... Вот она причина мук его. Она княжна, ей негоже знаться с такими как он. Как мотылёк полетел на свет и обжег крылья. Вот это правда. Но как больно обжётся, кричать хочется.

Подвизд повернул голову и тихонько прошептал:

— Прости меня, княжна.

Она молчала, покусывая стебелёк травы.

— Мила мне очень, не хотел я тебя обидеть, веришь?

— Ты забыл кто я, отрок. Ты пытался украсть то, что тебе не принадлежало.

Любава лукавила, это «воровство», которое пытался устроить юноша, её странно волновало, тревожило, беспокоило. Можно было ещё придумать много разных слов, но никак нельзя было назвать неприятным.

Она представила глаза Мала, если бы рассказала о её путешествии с этим юношей, о двух таких чудесных, волнующих попытках добиться её и хмыкнула: о таком рассказывать стыдно. Алекс! Как давно она о нём не вспоминала. Странно... И такая светлая улыбка озарила её лицо, что даже свет костра, казалось не был таким ярким.

Подвизд заметил эту улыбку и странная, непонятная не изведанная никогда раньше боль, обожгла его сердце.

— Ты любишь другого?

Любава молчала, она не могла разобраться в своих чувствах. Но сейчас с уверенностью сказать, что она любит Алекса значило обмануть себя.

На небе появилась утренняя заря. Денница. Первыми проснулись глухари и то не все сразу, а по одному. Взмахнёт крыльями, покричит на сонный ещё лес и снова тихо. Но уже ненадолго, потому что проснулись дикие голуби. Серееет на сосне, клювиком почистила крылышки и завела: во-дич-ки, во-дич-ки...

В чуть розовом небе пролетели лебеди на голубые глади озёр. А потом начали свои трели соловьи, застучали по дереву дятлы в красных шапочках на макушках.

И звуки дятла и пение птиц где-то там высоко-высоко. Все звуки касались слуха чуть-чуть легко и нежно ложились на сердце и мысли становились вялыми, сонными, разбросанными и хотелось нырнуть в этот сладкий сон, потому что в этом чудном зелёном шатре так спокойно... И вдруг какие-то голоса и топот копыт разрушил это очарование. Инстинктивная потребность не дать в обиду, сковала все унылые мысли Подвизда и он вскочил на ноги. Открыла глаза и Любава, прислушиваясь к приближающимся голосам. Вдруг на её лице появилась улыбка, которая становилась всё шире. Подвизд посмотрел на неё и в который раз поразился смене настроения девушки. Любава вскочила и бросилась навстречу топоту и если бы не мастерство всадника на белом коне, она бы попала под копыта. Тот резко натянул поводья и лошадь с громким ржанием стала на дыбы, отступив от княжны.

Легко спрыгнув на землю, всадник подбежал к девушке и обняв её за плечи, встряхнул.

— Любава, сестрёнка! Вот ты и нашлась, а я где только не побывал, разыскивая тебя. Слава Перуну — ты живая!

В его голосе звучала такая неподдельная радость, что Подвизд, который бросился за девушкой, испугавшись, что она может попасть под копыта коня, остановился. Значит не один он такой, кому безумно дорога эта княжна. И порадовался за неё, потому что у него таких близких не было.

Когда восторг от первой встречи прошёл, к Любаве приблизился и второй человек. Он тоже ласково улыбался девушке и в глазах его ясно читалась нежность и беспокойство. Юноша обнял Любаву и закружил её вокруг себя. Окончательно лес проснулся от весёлого, беззаботного смеха этой троицы. Волнения и неизвестность этих дней прошли и они снова были вместе, были втроём.

И тут Любава вспомнила о Подвизде, который стоял и молча наблюдал за ними. Она повернула к нему лицо, ещё озарённое улыбкой и туда же устремили свои взоры Мал и Алекс.

Юноша среднего роста, лицо обрамляли густые вьющиеся тёмные волосы, прямой нос, чуть раскосые чёрные глаза, упрямо сжатый рот.

— Это Подвизд, он спас меня от волков. Это отрок киевского князя. Мы встретились, когда я заблудилась в лесу и он помог мне.

Мала это насторожило. Он знал, что Любава в лесу потеряться не могла. Она, как будто читая мысли брата продолжила.

— Волки гнались за мной, а я ведь с собой не взяла никакого оружия... Лошадь понесла. Я упала на землю. А когда пришла в себя, то оказалась одна в лесу и если бы не

этот отрок, плохо бы мне пришлось.

Подвизду не понятно было это враньё. Но ясно было одно, что она почему-то выгораживает его. И это давало какие — то надежды на будущее. Но скорее всего Любава стеснялась того, что была какое- то время с простым отроком и это перечёркивало всё...

Мал всегда верил своей маленькой сестре. Он даже не спросил, как они отошли так далеко от дома.

— Помощь не нужна? По внешнему виду вижу, что хорошо тебя серый потрепал...

— Да изрезал его так, что крови немало потерял вот и пришлось выхаживать травами. Бабушкина наука пригодилась...

— Что же спасителю помочь не грех. Если что нужно, проси.

— Далеко ли Киев?

— Нет, несколько часов пути... Но если ты слаб, то наверное больше.

В разговор вмешался Алекс и по взгляду, который бросила Любава на этого человека Подвизд угадал в нём соперника.

— Недалеко отсюда есть большое селение, оно возле реки и оттуда легче будет добраться в Киев. Если Мал и Любава не против, то я бы смог тебя туда подбросить...

— Если не далеко, то я и сам доберусь. Не хотел ни в чём зависеть от этого человека.

— Ну вот и ладно. Не будем больше терять времени- скорее едем домой.

Мал кивнул Подвизду и усадив Любаву впереди себя, тронул коня и медленным шагом всадники двинулись вперёд.

— Я буду бороться. За имя своё, за честь и за княжну. Я пройду через всё, чтобы быть достойным её, — прошептал истово Подвизд...

Всадники были уже далеко, увозя его только родившуюся любовь.

— Слышишь, Любава? — громко прокричал он и эхо в лесу повторило:

Слышишь, слышишь, слышишь...

Глава 8

Рано утром в тереме князя собрались самые прославленные и храбрые мужи древлянской земли. С градов и городищ прибывали старейшины, посадники.

Окна в тереме высокие, светлые. В углу жертвенник и открытый огонь, который можно зажигать зимой для отопления этой залы.

На стенах щиты, луки и боевые стрелы, а между окнами — олени рога.

В стороне от жертвенника — кресло, в котором восседал князь, принимая подвластных ему людей. Державные мужи не впервые бывали в этой светлице, но всегда останавливала на себе взгляды роспись на передней стене: белый конь в прыжке — грива развевается на ветру, а глаз животного дико косится вниз, туда, где гонят его два матёрых волка, вот-вот готовые вцепиться в бока этому прекрасному животному.

На коне всадник, который выпрямившись в седле и опустив поводья, целится из лука в преследующего его зверя. Красное корзно развевается за ним, мускулистые ноги прижались к бокам коня и кажется, что это единое целое — животное и человек.

Эта картина завораживала и всегда вызывала удивление у посетителей княжеских хоромов.

Князь Мал, подождав, пока наступит тишина, обратился к собравшимся

— Братья мои, храбрые мужи древлянской земли. Дела державные, неотложные заставили меня позвать вас сюда. Вы уже знаете, как поступила княгиня Ольга с нашими послами. — Князь немного помолчал, опустив голову. Не мне напоминать, что убили мы Игоря за непомерную жадность, и уже заплатили непомерную цену. Хочу напомнить о том, что решение относительно киевского князя было принято сообща, хотя я и не считал это правильным. Но ещё наши отцы говорили, что в единстве сила. И мы были едины, но нажили себе большого врага — бояр киевских, которые всё сделают для того, чтобы снова подмять нас под себя. И сделают это так, чтобы потом другим неповадно было. Вчера прибыли послы от Ольги — она согласна женою моею стать и просит послать самых лучших людей нашей земли сватами к ней в Киев. Что скажете, други мои?

В гостиной послышался вначале шепот, дальше недовольный гул, как будто пчёл побеспокоили в бортах. И тут один из мужей, не выдержав, крикнул:

— Хороша же жена будет нашему князю, если так поступила с послами?

Все одобрительно закивали головами — Ишь, чего удумала: из грязи да в князи, а сколько жестокости...

Поднялся седой как лунь старейшина и все замолчали, почтительно склонив головы, прислушиваясь к его словам.

— Наказала нас Ольга и то правда... Но всё как сказано: за убийство — убийство. Так гласят наши славянские законы. Но вокруг нас много врагов и если мы заключим союз с Киевом, то станем сильнее и можем противостоять всем. А лучший способ привязать нам к себе Киев — взять князю Малу за жену себе вдову Игоря.

В гостиной стало тихо и только взгляды нескольких десятков глаз устремились на Мала.

— У меня есть свои мысли и взгляды на это. Мне любя княгиня как женщина, но я хочу знать мысли мужей славной древлянской земли. Ведь Ольга временно на княжьем престоле, пока подрастёт её сын Святослав. Потом он возьмёт бразды правления в свои руки и будет править и киевской и древлянской землями. Мой сын, которого родит Ольга не будет

наследником, потому что вы знаете о праве старшинства. Мы станем зависимой землёй, как стали по той или иной причине многие славянские племена.

Мужи притихли, то ли размышляя над речами Мала, то ли сомневаясь в них.

— Может княжьи люди выскажут свои мысли? — спросил у ратников. Вперёд выступил воевода Сварг, приосанившись, взялся за рукоядь своего меча, как бы набираясь сил и поддержки.

— Тогда нужно ли нам всё это? Древляне привыкли быть вольным народом. Дань отдать — одно дело, а землю свою положить — другое. Лучше на родине костями лечь, чем на чужбине быть в почёте.

Снова наступила тишина. Каждый обдумывал слова Сварга, Мала... Все они стояли перед выбором, который был очень нелёгким. Один раз обжегшись дуют на холодное. Отсылали ведь послов с миром к Ольге и ничем хорошим это не закончилось. Что замыслила она в этот раз? Может заплакала слёзы за Игорем и поняла, что нуждается в сильном мужском плече, чтобы управлять Киевом до полнолетия Святослава? Может готова омыть ноги будущему мужу своему — Малу?

*

Любава ждала Алекса в сенях возле закрытой двери. Там была полутьма и он заходя со двора, где яркие лучи солнца омывали каждую травинку, не сразу увидел девушку. Княжна позвала его тихим голосом, и Алекс повернув голову, увидел непохожую на себя Любаву. Всегда была весёлой и беззаботной, а сейчас она нервно теребила руками конец своей косы и это выказывало беспокойство.

— Сейчас брат разговаривает с князьями и боярами древлянской земли. Я случайно подслушала, что княгиня просит присылать к ней сватов и что она готова выйти замуж за Мала. Что будет, Алекс?

Он задумался. Вот черт, надо было больше уделять изучению истории славян... Была же какая-то причина, что Ольга сожгла древлянский город. За смерть мужа своего она ведь уже отомстила... Что же ещё случилось такого? Как ни крути, но был единственный выбор — принять предложение княгини и отправить сватов в Киев. Но Алекс не мог взять в толк, что изменилось за те несколько дней, которые прошли. Так жестоко поступить с древлянскими послами... А не принять предложение Ольги — значило накликать на себя гнев княгини.

Он видел, что Любава ждёт ответа, что в душе её борются страх за брата и гордость за то, что он не безразличен могущественной княгине. Ведь что не говори, а в этих краях более сильного и богатого народа нет. В этом с ними нельзя даже близко сопоставлять древлян. Все платят дань Киеву, только северные люди — северяни избежали этой участи.

А вот Алекс никак не мог понять и оправдать жестокость и древлян и киевлян по отношению друг к другу. С таким он, к счастью для себя, сталкивался впервые.

— Не знаю, Любушка, не знаю... Давай подождём, не будем ничего домысливать, а разъедутся все и Мал нам всё расскажет. Парень приобнял её за плечи и Любаве стало уютно и ничего не страшно.

На следующий день, лучшие бояре и князья поплыли в Киев. К этому путешественник собрали подарки: меха, золотые и серебряные эмали, резные шкатулки с резами и гривнами. Собрали всё лучшее, чтобы не подумала Ольга о бедности их князя, а ещё втайне надеялись, что простит им смерть Игоря, увидев богатые дары.

— Всё таки едешь.

— А по другому нельзя. До сих пор люблю её. Думал, что всё прошло и былём поросло,

а веришь- увидел и как будто не было этих лет и этой разлуки. Судьба у меня такая: и рядом с ней тяжело, а без неё ещё хуже... Не знаю... Как отказать, если я сколько лет мечтал её видеть возле себя, иметь детей и растить их. Вместе состариться и вместе умереть.

— Не боишься? Видел ведь как она расправилась с послами...

— А двум смертям не бывать. Да и не хочу я думать, что совсем сердце у неё окаменело.

И от такого союза древлянским землям большая польза будет.

Но о чём прошу, Алекс. Вижу как вы близки с Любовой. Я заметил, что она очень тебе доверяет и вижу братское к ней отношение с твоей стороны. Прошу тебя, пока меня не будет, присмотри за ней, будь вместо брата. Заметил я, не слепой, как льнёт к тебе, но чувства её обманчивы, она скоро сама в них разберётся и найдёт себе достойного мужа.

— А я значит недостойный. — пошутил, пытаясь разрядить обстановку Алекс, которому почему-то не нравилось настроение Мала.

— По твоим чувствам ты скорее хороший друг, брат и вот я доверяю тебе свою сестру. Не бросай её никогда, поддерживай... А ты не чувствуешь, что будет дальше? Когда-то ты сказал, что у тебя бывают видения, — надежда звучала в словах Мала.

— А ты всё равно не верил... С такими настроениями нельзя никуда ехать.

— Я должен и значит поеду, ты же меня уже немного знаешь. Ну вот и прощай, и помни о чём я тебя просил.

Во дворе Мала уже ждала Любава, чтобы попрощаться.

— Смотри же, в лес не ходи и волков не пугай — пошутил, обняв её крепко. Скоро сестру тебе привезу, жди.

Любава проводила Мала. Была тихая и настороженная как воробушек. А когда осталась одна, подалась к ведунье в лес. Давно не была в гостях у бабушки, но всё же без особого труда нашла еле заметную тропинку. В этом году было много цветов, они как-то сразу расцвели и княжна руками поглаживала почти каждый цветочек, который встречала на пути. Возле небольшого озерца стояла избушка, немного покосившаяся набок и девушка направилась к ней. Навстречу вышла чистая, опрятная старушка в вышитой сорочке, плахте.

— Детонька моя, совсем забыла ко мне дорогу. А я всё жду, жду... Но раз пришла, значит случилось что?

Они вошли в комнату, которая была увешана сухими травами, цветами. Были от всех хворей, да и не только: много девчат и молодых женщин прибежали в лес — первые за приворотным зельем, другие за отворотным для своих мужей. Старушка могла и о прошлом и о будущем рассказать, хотя и предупреждала, что этого знать никому не надо и может накликать гнев богов, которые предназначали судьбу каждого человека.

— Бабушка, волков много в лесу и злые они сейчас, хотя еды им в дубравах много.

— Дитя моё, я сама уже это заметила. Боги присылают волков туда, где будет битва большая, а на поле брани останутся многие храбрые воины.

— Но ведь мирно живём, никого не трогаем, — волновалась Любава.

— Вот поэтому и лакомый кусочек для всех: раз мирно, значит не воюем, не гибнут мужи на войне. Ведь смерду дай землю, он и себе заработает и князю дань заплатит. А брат твой, хоть и молод, справедливые законы установил — его и бояре и древлянские князья уважают.

— Бабушка, чует моё сердце зло какое-то, не пойму к чему.

Ведунья посмотрела на Любаву, подошла к жертвенной печи, расположенной в углу комнаты и сняла что-то со стены. Немного пошептала и протянула девушке руку: на старой

морщинистой ладони лежала вырезанная из кости фигурка женщины, поднявшая вверх руки, взывающая к богам.

— Возьми, Любава, этот оберег и постоянно носи его с собой. И днём и ночью. Он поможет тебе и убережёт от зла. Этот оберег передаётся по женской линии. Когда у тебя будет дочь, передашь ей, а она — своей.

— Бабушка, — засмушалась Любава.

— Дитя моё, ты красива и стройна. Наверное не одному отроку голову вскружила?

— Бабушка, а можешь мне рассказать о моей судьбе?

— Знать это никто не должен, но есть у тебя на сердце радость и затаённая печаль.

Думаешь об отроке. Близок он тебе.

— Алекс, — мелькнуло в голове и стало светло и радостно. — С ним мне уютно и тепло, с ним я могу говорить на любые темы.

И тут предательская мысль постучала в голову и жаром обдала тело. Какая-то непонятная слабость появилась в ногах.

«Подвизд... Но его нет и мы больше никогда не встретимся. Хотя если бы Мал женился на Ольге, то почему бы и не случиться такому. — Подумала девушка и тут же встрепенулась и недоуменно пожала плечами. Ей был так близок по духу Алекс.... Но как забыть те ночи в лесу? Девушка честно пыталась это сделать, вычеркнуть эту страничку со своей жизни, но память предательски возвращала её назад. Туда, где что-то ласковое шептали его губы, восторженно смотрели глаза. В такие минуты она явственно ощущала на себе его руки... Ну, ладно, хватит, — прервала свои мысли девушка.

Несколько последующих дней были днями ожидания, но никто из дворовых не затрагивал эту тему. Как бы запретной она была. Любава ходила на капище и приносила богам жертву: из клетки взяла мёду, сушеных груш, яблок... Несколько раз отправлялась в лес, пытаясь успокоить сердце от такой неопределённости. От Мала не было никаких вестей. Какая-то грусть, тревога переполняли девушку и даже Алекс не мог её успокоить. Она отдалялась, отмежевывалась от всего.

Парень, чтобы отвлечься от ненужных мыслей и домыслов с удовольствием наблюдал за занятием жителей: учился ловить рыбу, стрелять метко стрелами и бросать прицельно копье. Но часто перед глазами Алекса прокручивалась одна и та же картина: большая яма и ладья, засыпаемая сырой землёй. Он не понимал, почему нет никаких вестей от Мала и в голову закрадывались самые плохие мысли.

Алекс привык к Малу, ему нравился этот храбрый человек с доверчивой душой ребёнка. Он мог понять страсть, стремление того владеть красивой женщиной, желание стать не только князем древлянской земли, но и киевской. Это было тщеславие или желание большого ребёнка иметь самые красивые игрушки, но Алекс это оправдывал. Ему самому в прошлой жизни, хотелось большего, хотелось быть лучшим... Зачем обиженной сейчас на всех и вся Ольге нужен этот человек, что она задумала?

Вместо Мала с князьями и боярами, однажды утром приехали посланцы из Киева от Ольги. Повелевала она приготовить медовуху и угощение у того города, где умер её муж, чтобы поплакаться на его могиле и сотворить тризну. Древляне возрадовались, что Ольга приедет, почему-то все решили, что приедет посмотреть на землю эту, её людей. Познакомится со своими будущими владениями. Алекс хотел напомнить, что это она всё знает и помнит, а вот то, что Мал не дал о себе знать, должно было бы всех насторожить. На совет князей, который собирался теперь в Искоростене поехала Любава.

После приезда она взяла на себя обязанности брата и под её руководством дворяне готовили всё, что необходимо было отвезти на тризну по Игорю. Девушка старалась сделать всё как лучше, чтобы не стыдно было перед братом и перед своей будущей невесткой.

Алексу всё это ой как не нравилось. Почему Мал сам не прислал гридней, чтобы приготовить всё к встрече гостей? Почему они не приедут в город с княгиней, а останутся возле захоронения Игоря? Много вопросов было у Алекса, вот только не было Мала, чтобы ему их задать...

Любава старательно одевалась, ей не хотелось ударить в грязь лицом перед княгиней Ольгой, своей будущей невесткой и сестрой. Девушка надела снежно-белое платье из тонкого полотна. По горловине и краям рукавов была широкая, тёмная полоса. Золотая цепочка охватывала тонкую талию, плечи прикрывала лёгкая красная накидка из тончайшего шёлка. На ноги обула сафьяновые сапожки. Косы заплела туго, а на голову пристроила тонкий золотой обруч — змейку. На шею никаких украшений не надевала: у неё под платьем там висел оберег.

«Ох и красавица, — подумал Алекс, когда Любава лукаво взглянула на него.

— Ну как я? — И повертелась вокруг, весело смеясь. Ямочки на щеках, звонкий смех. Алекс читал в её глазах радость от предстоящей встречи с братом, радость от того, что ему не придётся стыдиться такой сестры, и будет горд ею. Алекс не догадывался, что ещё одна

причина движет Любаву к тому, чтобы выглядеть наилучшим образом — она подсознательно надеялась на встречу с Подвиздом, ей так хотелось испытать снова, такие волнующие ощущения поцелуя...

И эта своенравная девчонка, решила не откладывать в долгий ящик свои чувства, и проверить свои чары на Алексе.

А так как она делала всегда то, что сама хотела, то подошла к Алексу, стала на цыпочки, положила руки на плечи и попросила:

— Поцелуй меня, Алекс!

В его улыбке была нежность и восхищение. Любава закрыла глаза... Он поднял её руки к своим губам и поочередно поцеловал ей ладони.

— Приезжай побыстрее, сестричка.

И развернувшись ушёл, оставив её размышлять над своими словами. Она почему-то не испытала никакого для себя потрясения, втайне не ожидая ничего большего. Потому что какая-то нежность, но отнюдь не страсть связывала их. И это чувство тоже было приятным, и его она тоже приняла своим сердцем. Так кто же ей ближе — Алекс со своей нежностью или же Подвизд с бурей страсти в жгучих чёрных глазах?

*

И снова наступило утро. В дымке над лесом виднелись верхушки деревьев и казалось, что они плавают в огромном озере. В лесу проснулись птицы. Завораживая и своих птах и людей пением.

Подвизд ехал на своём Соколе, который сам вернулся домой и ничего не слышал, и не видел вокруг, чарующей красоты леса.

Княгиня призвала его в терем и он рассказал то, что случилось с Игорем, вернее только подтвердил то, о чём рассказывали другие. Умолчал об одном — о причине своего опоздания.

Все отроки, кто остался в живых, добрались по одному — двое до Киева, а он пришёл, опоздав на целых двое суток.

Сколько дней и ночей прошло с тех пор, как он возвратился. А покоя на сердце как не было так и нет.

Отроки после возвращения с древлянской земли, собрались вместе, пили медовуху, обнимали девушек с посада.

Горислава, подруга Подвизда, тоже не отставала от парня ни на шаг. Она смеялась и ямочки на щеках чудесно украшали её. А курносый носик и искристые глаза выдавали в ней весёлую смешливую натуру. Всё это располагало к себе, притягивало. Отроки были веселы, что остались живы, хотя и знали, что если бы они не защищали князя, остались живы бы и другие. Такая у них служба — защищать, быть везде возле князя и княгини. Но не было войны, а князя не стало. Они не уберегли его, но оправдывали себя, что ведь под случайную стрелу себя не подставишь, а что могли — сделали. Отроки пытались оправдаться перед собой, но понимали, что долг их был — сложить голову вместе с князем.

Горислава, взяла за руку Подвизда, он поднял на неё глаза и увидел лукавую улыбку на пухлых губах и пальчик, который лежал на них:

— Тихо, пойдём со мной...

Он вышел из-за стола и пошёл, увлекаемый девушкой. Горислава привела его к

голубятнику, возле которого лежала небольшая копна, пахнувшая ромашками, зверобоем. Сено ещё недавно было травой, его свезли сюда с луга всего пару дней назад.

Девушка присела на стожок и потянула парня за руку к себе. Было темно, ведь с наступлением темноты никто в городе не имел права зажигать свечи. За этим зорко следила стража — дома были деревянными и легко мог возникнуть пожар. Свечи мерцали только в окнах княгини.

То что они под голубятней Подвизд понял по воркованию голубей, которых невольно потревожили.

Он опустил на колени перед Гориславой, а потом не удержавшись, упал на бок.

— Милый, милый, — услышал шепот возле своего уха и почувствовал горячую девичью руку на своей щеке. Палец нежно прошелся по его губам, вернулась назад и Подвизд почувствовал горячее дыхание девушки на своём лице.

— «Не хочу я ничего помнить», — пронеслась мысль в хмельной голове. — «Хватит, уйди». — Мысленно приказал Любаве, образ которой постоянно преследовал его.

Подвизд приподнялся и охватив голову Гориславы двумя руками, поцеловал её сначала нежно, потом крепче и она ответила ему, тесно прижавшись к его жаждущему ласк телу. От неё исходила волна жара, и он истово сжимал её в своих объятьях, не отрываясь от губ, пахнувших мёдом.

Горислава схватила его руки и ещё крепче прижав к себе, простонала

— Хочешь, я буду твоей рабой?

Подвизд отпрянул, но она снова прикинула к нему, изводя его влажными, мягкими губами. Она продолжала целовать его, переполненная страстным желанием.

Парень снова прижал её к себе и она почувствовала ни с чем несравнимое наслаждение, которое ей дать мог только он. Прильнула к нему, переполненная нетерпением и страстью.

Прикосновения твёрдых ладоней вызывали у неё волнующие ощущения, поцелуи стали более страстными, и она перевернулась на спину, увлекая его за собой. Её рука медленно погладила его плоский сосок и безволосую грудь, замерла на талии.

— Ты мой, — выдохнула жарко, стаскивая с него одежду, — я хочу это доказать.

Подвизд потянулся к девушке, плоть восстала во весь рост и он на миг закрыл глаза. И тут же увидел Любаву, укоризненно смотрящую на него своими восхитительными карими глазами.

Он повернулся на бок, резко встал и одевая на ходу одежду, спотыкаясь о что-то, ушёл, мысленно кляня девушку, наверное колдунью, которая так смогла привязать его к себе, что весь мир был ему не мил..

А на душистом сене, плакала давно влюблённая в него Горислава...

Если бы только знать, что всё потеряно, что не мил он Любаве. Подвизд уже винил себя, что сразу полез к ней с поцелуями и ласками, видно испугав этим совсем невинную девушку. Почему же он сразу, как только почувствовал, что она пленила его не сказал о своих чувствах? Почему побоялся, а как тать полез к ней исподтишка? Понадеялся на свою неотразимость, постоянный успех среди женщин? Если бы знать, что они больше не увидятся, он бы тогда постарался забыть её, забыть всеми силами.

Вот бы вернуть время назад, чтобы он не затронул её тогда. Не увёз в лес, не увидел её прекрасного обнажённого тела на озере и такую мужественную и беззащитную в лесу. Не утонул бы навеки в чарующих глубинах её глаз.

Подвизд тогда понял, что любит княжну, когда лишь одно воспоминание о ней бросает

сердце куда-то вниз, а биение его, кажется слышно всем. Вот только бы пальцем поманила — бросил всё и на край света ушёл бы за ней.

Неужели боги дали ему то, что так редко встречается у людей — любовь?

Но тогда почему они подарили ему это чувство, но не дали взаимности? Наверняка княжна и не вспоминает о нём. А их путешествие приняла как забавное приключение в лесу и со смехом рассказывала о нём тем двоим, которые с такой любовью и лаской смотрели на неё. Мал понятно, брат. А тот, второй, кто он? Сразу же израненное сердце заполонила жгучая ревность. Он так громко застонал, что его напарник Микула, который ехал впереди оглянувшись через плечо: не случилось ли чего с Подвиздом. Он уже заметил, что после побоища с древлянами, его друг сильно изменился. Раньше это был отрок, который не пропускал ни одной чарки, ни одной юбки. Бесшабашно, часто рискуя жизнью шёл на врага, первым бросался в любой кулачный бой. А сейчас стал задумчивым, тихим. Микула, краем глаза видел, как в Киеве на пиру Горислава тихонько увела с собой Подвизда и ухмыльнулся этому, ждал, что скоро придёт его друг весёлый и бесшабашный, но парень так и не возвратился назад. Вернулась только Горислава — глаза её были красны от слёз, платье примято... Но это видел только он, вся братия не обратила на это никакого внимания. Они были заняты другим: разговорами и медовухой.

А наутро воевода их призвал и приказал ехать в древлянскую землю, чтобы приготовить всё к тризне по Игорю, следом на ладье отправится Ольга с дружинниками.

Отроки во главе с воеводой Сванельдом отправились напрямик к месту гибели Игоря. Спешили, перелетая на лошадях речушки, объезжая вековые дубы. И только на привалах вели разговоры.

— Едет Ольга вершить расправу над древлянами...

— Людей много, не могут они жить в полном понимании друг друга.

— И потому убивают? Может не могут поделить славу, может защищают свою честь, честь близких? — горячился самый молодой отрок.

— Если не могут поделить славу, заслуженную на поле брани. Но если есть у кого-то слава, он её уберёжет сам, честь свою и своей жены, детей тоже уберёжет.

— Из-за чего распри на Руси между городами, землями?

Молчал Сванельд. Он знал, что пройдёт ещё пара лет и эти молодые отроки станут дружинниками, будут воевать за свою землю и никто больше из них не спросит и даже не задумается: почему люди убивают друг друга.

Когда подъехали к древлянским землям, Подвизд показал место гибели Игоря. Он бы не нашёл его, всё случилось так быстро... Но место от кострища на большой поляне, указывало на то, что древляне сожгли тело Игоря по своим обычаям.

Разные обряды были у древлян, особенно тризны по умершим. Северяне считали, что человек чистым приходит на землю, чистым и уходит, а очищает его огонь. Поэтому сжигали тех, кто уходил у Вырий. Киевляне же выкапывали глубокую могилу и вместе с умершим туда складывали его любимую лошадь, одежду, оружие и ещё многое чего, что будет необходимо в царстве мёртвых. Игорь был похоронен по законам древлян, очищенный огнём.

Сванельд отправил двух отроков в Киев, рассказать об увиденном Княгине. А другим приказал подготовить, расчистить поляну, чтобы потом можно было бы поставить шатры.

Когда дело было сделано, Подвизд с разрешения Сванельда, оседлал коня и поскакал к небольшому озерцу, которое, он знал, находилось недалеко отсюда в лесу, чтобы умыться да

и побыть немного одному.

Время у Любавы было и пока древлянские гридни свозили к месту предполагаемой тризны Ольги медовуху, мясо, рыбу, она решила наведаться к своей берёзе.

Она подъехала к деревцу на опушке. Спешилась и подошла поближе. Погладила молоденький ствол, почувствовав тепло, как от живого существа. Решив немного посидеть и подумать, девушка сорвала стебелёк травы, и стала его покусывать, так ей легче думалось. А думы в её красивой головке роились разные: и о Мале, которого она наконец сегодня увидит, и об Алексее, вернее его невинном поцелуе. А ещё для неё было странным и приятным думать о Подвизде.

— Неужели он мне нравится? Но, конечно это не любовь... Пора признаться себе, что такой стихии чувств, которые он мне дал, я не испытывала никогда. Даже не думала, что поцелуи могут вызывать такое. Мне было очень хорошо с ним и это правда. Но я ведь княжна, а он отрок: что скажет брат, княжьи люди, старейшины?

Она улыбнулась.

— Лада, богиня Лада, а разве не всё равно, что скажут люди, если сердце бьётся быстрее, если ланита краснеют, лишь только вспоминаю о нём, о его ласковых руках...

Любава умолкла, а потом, качнув плечом, спросила то ли у себя, то ли у берёзы:

— А он то меня любит? Или похоть просто была и всё равно, кого ласкать? Ведь никого в лесе, кроме нас и не было. Была бы на моём месте другая он бы её обнимал...

Девушка сомневалась. Неопытна была и не знала подобных чувств. Любовь стучалась в её сердце, а она боялась его открывать.

Вскочила на лошадь и полетела навстречу открытому простору. Впереди лесная речушка. Княжна опускает поводья и умное животное как молния взлетает в воздух и одним прыжком преодолевает неширокое речище. Летит княжна, ветер бьёт в лицо и все ненужные мысли тоже летят из головы вон. Поляна суживается, а за поворотом ещё больше можно разогнаться, радуется княжна и видит всадника, который тоже несётся наперегонки с ветром. Вот ближе он, ближе... Что-то знакомое в фигуре. Посадке... Ещё ближе. Подвизд. Непроизвольно она натягивает поводья и конь сбрасывает ход, недовольно хрипя и кося глазом на хозяйку: мол, чего останавливаемся, ведь так приятно лететь наперегонки с ветром. Но хозяйка не замечает недовольства, она смотрит вперёд на всадника, который тоже приостанавливает своего жеребца.

Глаза юноши смотрели на Любаву и от этого взгляда покалывания прошли по телу девушки и вышли на щёки густым румянцем. И это не осталось незамеченным юношей.

— Ты зарделась, Любава.

— Просто очень быстро неслась, вот и загорелись щёки.

Их лошади ходили по кругу, узкому кругу, друг возле друга. Хрипя, закусывая удила. А всадники их тоже смотрели друг другу в глаза. Подвизд так, что Любава горела под его взглядом. Он манил к себе, притягивал, обещал и давал, просил и прощал.

— Ты скучала по мне, милая? Тогда я не успел сказать, как дорога мне почему-то стала. Я постоянно вспоминал о тебе и мечтал о нашей встрече. А ты, вспоминала?

— С чего бы это? Ты что мне брат или отец?

Но это же было неправдой и так её задевали его речи. Как можно только от красивых слов, что человек по тебе скучал, чувствовать себя самой красивой и желанной.

— Я по тебе скучал и так рад был, что княгиня меня сюда отправила. Ведь думал, что больше тебя не увижу.

— Ну да, я же живу за семью морями...

— А причина какая? Сидел бы где-то в лесу дожидаясь тебя, не зная придёшь когда или нет. И вот же встретились. Значит это судьба?

— Всё решают боги, но нам и не надо встречаться.

— Я догадываюсь, это из-за того парня, который был с твоим братом. Я видел, как сияли твои глаза, когда ты его увидела. Ты его любишь?

В словах парня сквозила ревность. А Любава в который раз задумалась — что для неё Алекс. К этим двум парням она испытывала совершенно разные чувства — большую нежность к Алексу, желание защищать его, быть сильной. А к Подвизду её влекло, хотелось, чтобы он никогда не выпускал её из своих крепких объятий. Она чувствовала себя в них защищённой. Так что же из этих чувств — любовь? Нельзя ведь любить двоих...

— Я не знаю, — растерянно прошептала. Спешилась, и взяв за повод коня, подошла к небольшому дереву. Напряжённое молчание стало почти осязаемым, когда Подвизд подошёл к ней.

Княжна заглянула в его сразу потемневшие глаза почувствовав слабость перед этим человеком, вновь покраснела.

— Если хочешь, я оставлю тебя. Знаю, что у нас нет будущего — ты княжна, а я отрок. Кем я буду — дружинником... Но знаешь, если бы ты только захотела я бы достиг всего, чтобы быть тебе ровней!

Любава не думала о будущем — оно так далеко. Ей важен был этот миг.

— Одно слово и я оставлю тебя...

Подвизд коснулся завитка волос на её виске, нежно провёл кончиками пальцев пр щеке. Любава закрыла от этих прикосновений глаза, улетаая куда-то ввысь.

— Можно ли поцеловать тебя? Позволь мне ощутить вновь вкус твоих губ. Это желание не даёт мне покоя вот уже сколько дней.

Подвизд замер, почти касаясь губами её рта. Он ждал, не смея настаивать. Ждал, хотя его захлестнуло нетерпение. Медлил, предвкушая. Девушка чуть придвинулась и Подвизд мгновенно отреагировал, нежно прижавшись губами к её рту.

Внутренний голос подсказывал, что она сразу убежит, если почувствует как он её хочет. Его захватывала сила, названия которой он не знал, и когда губы девушки раскрылись навстречу, почувствовал, что никто кроме неё ему не нужен.

Поцелуй Подвизда привёл Любаву в изумление, заставил почувствовать себя по настоящему желанной и любимой.

Несмотря на то, что соприкасались только их губы, а тело парня застыло в нескольких сантиметрах от неё, между ними образовалась как — бы прослойка раскалённого воздуха. Княжну терзали противоречивые чувства: она страстно желала оказаться в его объятиях и боялась того, чем это может закончиться. Однако Подвизд не отрывался от её рта, и Любава, задыхаясь, поняла, что он сумеет преодолеть её страх, если будет просто целовать, ограждая от всего мира.

— Любава, ответь мне, — прошептал.

Она приоткрыла губы и нежно ответила на поцелуй.

Подвизд начал медленно гладить ей спину, потом осторожно положил руки девушки себе на грудь и Любава, ощутив под ладонями быстрые удары его сердца, ещё сильнее прижалась к нему.

Он сознавал, что эти мгновения могут оказаться для него единственной возможностью

прикоснуться к её невинности, что эта встреча под сенью векового леса будет преследовать, мучить запретным соблазном. Голова кружилась. Тело напряглось, откликнувшись на её безыскусную реакцию. И вдруг он почувствовал её сопротивление и испуг, сразу же ослабил объятия, хотя поцелуй стал ещё более пылким.

Подвизд хотел отпустить девушку, чтобы его необузданное желание не испугало её и не сумел.

— Любава, до чего же ты прекрасна, — прошептал, задыхаясь.

Тёмные ресницы приподнялись.

— Пожалуйста, отпусти меня.

Подвизд сразу опустил руки, поражённый резкостью её тона.

— Мне не следовало тебе позволять. Ты не должен больше прикасаться ко мне.

Он стиснул зубы — они отдалялись друг от друга, и острая, почти физическая боль лишила его обычного спокойствия.

— Но ты получила не меньшее удовольствие, чем я.

— Да, ты прав. Но совершенно же очевидно, что у тебя очень большой опыт такого общения с девушками.

— А я этого и не скрываю. Просто я впервые испытываю чувства, которых раньше не знал...

— Ну да, ты же мастер срывать поцелуи в темноте.

Лёгкость, с которой она поддалась ещё раз доказала, как просто мужчинам добиваться своего. И насколько она слаба.

Подвизд мрачно усмехнулся. Слова девушки подтверждали её невинность, ведь он лишь чуть-чуть приподнял завесу над своей страстью.

— Я бы хотел большего, можешь не сомневаться...

— В моей жизни нет места человеку вроде тебя и даже не потому, что ты всего-навсего отрок, — она поморщилась, заметив мелькнувшую в его глазах боль. — Мы очень разные, а нас объединяет только физическое влечение друг к другу и только. Наверное потому, что ты опытен в этих делах, ты вызываешь ответные чувства в моём теле и сердце.

Подвизд смотрел на неё. Его страсть достигла опасного уровня, когда эмоции грозились вырваться наружу и за это он ненавидел себя. Он оттолкнул её ещё тогда, в первый раз... Эта девушка имела над ним власть. Будь на этом месте другая женщина, он бы повалил её на эту густую, зелёную траву, удовлетворив своё вожделение, но Любава — чистая, невинная.

Подвизд и Любава отошли к своим лошадям, и не смотря друг на друга разъехались в разные стороны.

— Беги, милая. Потому что если мы снова встретимся, я могу поддаться искушению и уже никуда не отпущу тебя, — подумал Подвизд, глядя вслед девушке.

А Любаву расставание обидело больше, чем она могла предположить. На скаку, взяв повод одной рукой, она закрыла глаза, прижав ладонь к губам, ещё горячим от поцелуев.

Подвизд, удаляясь, вспомнил, как его рука обнимала стройную фигурку девушки, и понимая, что не должен этого делать, поднёс руку к лицу и вдохнул запах Любавы, оставшийся на его руках. Он ненавидел и страстно желал её. Но больше он к ней не подойдёт — слишком всё тяжело и безнадежно.

Темнело. Алекс посмотрел на небо — рано ещё, а уже темно, отчего бы это.... А просто собиралась гроза. С запада двигались чёрные тучи и проходя над лесом своими тёмными днищами, как корабли по зелёному океану, они сглаживали волнение леса и деревья притихли в ожидании свежего, волнующего.

И вдруг ворвался ветер. Он свирепо гнал тучи дальше и дальше, сталкивая их друг с другом. Раздался треск и на небе появилась змея молнии, золотым зигзагом объединившая землю и небо.

— Пошто стоишь, парень? Беги в терем, прячься, — услышал он слова старой няньки. — Ить вот как Перун гневается.

Алекс с любопытством посмотрел на неё.

— Так это дело Перуна?

— Ну да, посмотри как мечом своим по небу крешет. Нельзя в такую пору в лесу быть. Видишь, как сердит. Собрал над лесом чёрные тучи, вызвал ветры из далёких краёв и бросает на землю свои стрелы.

А гроза приближалась всё ближе и ближе к городу. Стало совсем темно, только молнии ярко озаряли мир. И вдруг тучи разрешились дождём. Крупные капли сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее устремились на землю.

Земля ждала их, затаившись и устремив к дождевым потокам зелёные ростки трав и кустов, подставляя им плечи деревьев.

Алекс побежал в терем и через несколько метров уже вымок до нитки. На душе почему-то было гадко и тревожно.

«Наверное, гроза тому причина, — подумал он, отжимая на ходу одежду. — Да, лучше наблюдать за грозой под крышей, хотя терем деревянный да и дома вокруг такие же. Спокойно могут загореться, если молния попадёт».

Он стоял в сенях, наблюдая за грозой. Уже начал скучать за книгами, компьютером да и вообще за всеми благами цивилизации.

Если днём есть чем заняться: и рыбу пробовал ловить, и на охоте побывал. Понравилось утром росную траву косить, силки на зверя ставить. Всё интересно в охотку, потому что ново. Но когда приходит вечер, заняться и нечем. Вот если дома Мал и Любава, то вечер быстро переходит в ночь. Разговоры текут как вода. Мал бывал везде. Сколько всего мог рассказать. А девушка, та ещё рукодельница. Вышивая, сколько легенд вспомнит, что заслушаешься. Оглянуться не успеешь как и ночь наступает. И так тепло на сердце стало при воспоминании об этой девушке, их совместных вечерах...

Как она там? Понравилась ли княгине? Да и как она может не понравиться, скворушка звонкоголосая?

Вдруг стукнула входная дверь и Алекс повернулся посмотреть, кто вошёл. Поникшая фигурка Любавы сразу же насторожила. Парень почувствовал беду.

— Да что же ты в такую погоду решила ехать домой? Почему Мал не остановил, разве не видел, что надвигается гроза?

Любава молчала. Алекс взял её за плечи.

— Посмотри, промокла совсем. Пойдём, проведу тебя в опочивальню и няньку позову, чтобы помогла тебе переодеться.

— Не надо, не хочу...

Он не понял. Перед ним была Любава, а голос вроде не её.

— Да что случилось? — встревожился Алекс, заводя её в светлицу, знаком показав дворовым девушкам и няньке выйти.

— Присядь сюда, голубка.

Она как робот делала всё, что он говорил. Это его поразило, это была не Любава — своенравная, умеющая постоять за себя девушка. Она сидела с наброшенным им на плечи платком, покачиваясь со стороны в сторону — капли дождя на лице никак не хотели высыхать. Алекс опустился перед нею на колени и заглянул в лицо. Сейчас, пока не было Мала, он чувствовал свою ответственность за девушку и уже видел, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Любаву начала бить дрожь, зубы её стучали. Лицо девушки было белее муки. Алекс позвал няньку, чтобы та её передела. Та уже стояла перед дверью наготове. С сухой одеждой. А позади неё дворянки готовили тёплую купель с травами, чтобы отогреть княжну.

Алекс вышел и стал ходить из угла в угол, теряясь в догадках.

— Боги, помогите мне, боги! — услышал крик девушки. Она обращалась к богам, просила их помощи. — Вы не можете помочь? Молчите... Что вы теперь можете сделать... А вы уходите все, уходите прочь!

Её голос срывался, звенел как натянутая струна на самой высокой ноте и падал в бездну отчаяния.

Алекс вошёл в комнату и остолбенел.

Любава стояла посреди опочивальни в одной сорочке. Из глаз её потоком лились слёзы, но она их не вытирала. Сколько было безнадёжности и горя в этой фигуре, что он не думая уже, что мужчина, а она девушка и люди по-всякому могут это воспринять, обнял Любаву и крепко прижал к себе, пошатываясь вместе с ней, как бы успокаивая и убаюкивая. Он ни о чём не спрашивал, знал, что сама расскажет. И он не ошибся. То ли ветерок пронёсся, то ли шёпот девушки

— Мала больше нет. — И протяжный душераздирающий стон.

— Как нет? Где же он, ты что, его не видела? Да что случилось, говори!

Он побывал во многих передрягах, но горе этой девушки было таким неподдельным. Его самого начало трясти от плохих предчувствий.

— Когда приехала княгиня, я вместе с другими князьями нашей земли встречала её. Она оплакала мужа, а потом приказала совершить тризну. наших мужей не надо было долго приглашать: выпили дружно с отроками Ольги, настороженность сменилась разговорами... Велела своим отрокам пить за их честь. А потом...

Она умолкла, глотнула побольше воздуха и закончила.

— Княгиня приказала своим дружинникам убить наших мужей... А они и не сопротивлялись: кто спал, кто тоже совсем ничего не видел от выпитого...

И зашлась в горестном плаче.

Если сказать, что Алекс испытал шок — не сказать ничего.

— Ты Мала видела?

— Нет...

— А как ты уцелела, как сумела спастись?

— Я вначале была со всеми, а когда стали пить медовуху и брагу, я вышла к реке, хотелось первой встретить брата. Я соскучилась за ним, а княгиня сказала, что он следом

плывёт. Ждала его, ждала, а ладьи всё не было... А когда я пришла назад... — Любава не смогла закончить. Перед её глазами снова стоял тот ужас.

— Ты сказала, что Мала нет, он что, так и не приехал?

Как бы это не звучало, но Алекс стал немного привыкать к жестокости, которая царила в эти времена и без особой истерики выслушал рассказ девушки. Правда, он ещё не до конца осознавал произошедшее. Ведь всякое может быть: может мужики упились да вповалку на земле лежали, а ей могло показаться, что они мёртвые. Парня всё время мучил другой вопрос: где Мал, почему они не встретились с Любавой и он не успокоил её, не развеял все эти страхи?

Девушка встрепенулась, подняла на Алекса глаза и вот только тут он ужаснулся: зрачки расширились и на него смотрели два глубоких чёрных колодца, в которых плескалась боль, страх, гнев и ...надежда.

— Я пыталась зайти к княгине в шатёр и остановилась возле входа. У неё там кто-то был и я решила подождать. Вначале не прислушивалась к разговору, но когда услышала имя брата, все остальные звуки вокруг меня замерли и только слышала я мужской голос, который что-то с ноткой веселья и некоторой гордостью рассказывал княгине.

— Ужо больше не придут к тебе свататься... Вольными себя показать хотели! Да вон северяне и те решили под руку киевского князя стать. А эти! Подняли головы. Эдак и другие будут смотреть и начнут перечить тебе, княгиня. А казна пустеть будет, когда вокруг одни враги. Дружинников кормить, поить надо, — голос как — бы оправдывался, — отбивать врагов.

— Всё равно, чувствую свою вину. — Отвечал женский голос, — но последую стопами Игоря и приобшчу к киевскому столу древлян, чего бы это мне не стоило. Начало положено, больше голов не поднимут. Должна я, пока сын мой в пору не войдёт, сохранить всё так как при князе было. Пусть пока думают что Мал остался в Киеве, пока я здесь...

— Зря ты, княгиня уехала. Посмотрела бы какой костёр был! Огнём древляне очистились и тризну по ним уже справлять не надо. Из земли вышли в землю и ушли! Когда баньку им истопили, решили, что чистыми их хочешь видеть с дороги... А я и приказал дверь входную закрыть и поджечь баню со всех сторон. Когда огонь запыхал, то пытались они дверь выбить. Но приказал я брёвнами хорошими их подпереть, чтобы уже наверняка. Недолго банька и горела, одни угли остались и от неё и от Мала с древлянами.

— Уволь меня от этих подробностей, — сказал усталый женский голос.

— Пожалела что ли их, княгиня? Не жалеи. Думай о себе да сыне лучше. Не будешь волю нашу боярскую исполнять, выгоним из Киева. Куда пойдёшь? Может опять людей перевозить?

— Не пугай меня, не надо. К работе я привычная, сам знаешь. За сына боюсь. По праву ведь ему княжить надлежит.

— Вот то- то же. Поэтому никакой жалости быть не должно. С врагами надо разбираться, чтобы другим не повадно было.

— Алекс, скажи, ведь Мал им врагом не был. Он просто любил Ольгу. Я же это видела. Ведь неправда всё это? — с надеждой в голосе спросила Любава. Не могли они сжечь Мала. За что? Просто так, только потому что... — и голос девушки умолк. Она не могла понять причины. А значит не могла поверить в то, что сделали с её братом. Всё это не вмещалось в голове. Сердце не принимало это, рассудок противился.

— Ой, Любушка, Любушка тебе всё это послышалось. Они разговаривали о чём то

другом, а ты уже надумала такого! Вот придет Мал, во всём разберётся, всё тебе расскажет. А завтра солнышко поднимется и все страхи уйдут, запрячутся. — Алекс тихим голосом шептал Любаве, поглаживая её по голове. Она притихла и он решил, что успокоилась...

Но внезапно Любава вскочила, схватилась обеими руками за голову и закричала — Нет, нет так оно и было. Боги! Почему вы отвернулись от нас? Разве мы плохие дары вам приносили, разве не почитали вас и не следовали вашим законам?

Она зашаталась и рухнула на пол. Алекс подбежал к ней, поднял на руки и положил на кровать. А в дверь с плачами и причитаниями уже бежали к бесчувственной девушки нянька, дворянки.

Алекс вышел из терема. Гроза миновала и тучи плыли далеко у горизонта. Лес стоял чистый, умытый и спокойный, чего нельзя было сказать о мыслях Алекса.

Он не мог понять, где в словах Любавы был вымысел, а где правда. Девушка была сама не своя, придумать она не могла такого и Алекс решил с ответами подождать до утра. Авось что прояснится. Эти люди, их обычаи оставались для него загадкой. После мирной жизни, из которой прилетел, перед ним раскрылась непонятная и необъяснимая реальность. Где всё как-бы просто, но в то же время сложно так, что вовек не понять. Ладно, пойду спать. Утро вечера мудренее.

По пути в свою опочивальню он зашёл к Любаве. Возле неё дремала старенькая нянька, а девушка спала. Её сон был тревожным...

Утро не принесло ни ясности не успокоения. Алекс заметил, что в городе сейчас только старики, женщины и дети. Постепенно к обеду стали сходитья дружинники, отроки. Но их было немного и из обрывков разговоров Алекс понял, что то, о чём рассказывала Любава — правда. Киевские дружинники перебили многих захмелевших древлян, которые будучи в хмельном угаре даже и не сопротивлялись. И самым главным ударом для Алекса был рассказ о том, что они тоже слышали похвальбу о сожжении самых достойных мужей во главе с Малом в бане по приказу княгини Ольги. Всё постепенно становилось на свои места и вырисовывалась общая картина, но дальше анализировать не пришлось, потому что прибежали девушки — дворянки и стали голосить. Алекс едва разобрал, что плохо с Любавой.

Он и сам уже недоумевал, почему этой ранней пташки ещё не видно, но ничего дурного и подумать не мог.

Когда вошёл в комнату девушки, то сразу же в глаза бросилась необычайная белизна её лица и только щёки горели как после мороза. Положив ей руку на лоб, сразу почувствовал жар. Вчера к нервному потрясению, подкосившему девушку, добавились гроза, дождь, под который она попала.

Алекс попросил принести холодной воды для компрессов, чтобы сбить жар. Он внезапно понял, что если то, о чём поведала Любава правда, то ждать ей помощи неоткуда.

Парень каждый день надеялся, что его найдут, спасут и скоро он будет дома, где так спокойно и почти всё предсказуемо. Где много друзей, которые поддержат и помогут. Мир, в котором есть мама и отец, любящие и любимые.

Он не вмешивался ни во что, полагая, что всякое вмешательство, может изменить ход истории. Алекс просто с любопытством наблюдал за всем, как в кино за сюжетом, в котором были и прекрасные моменты и жестокие, но вот какой конец этого фильма... Познавая этих людей, он верил, что окончание будет хорошим. Во всяком случае о пожаре в Малине он не читал, а Искоростень был для него каким-то просто мифическим городом, о котором он

ничего не знал да и по правде говоря, и не пытался ничего узнавать. Когда приезжали оттуда послы, они, наверное, походили на всё остальное население, к которому он совсем не собирался привязываться.

А вот сейчас ему самому придётся, наверное, решить многие проблемы.

«С каких это пор Любава стала называться проблемой? — с долей сарказма подумал Алекс... Ну что же, пора брать всё в свои руки, и первым делом постараться выходить Любаву. Потому, что она княжна... И снова мысли о Мале, горечь и неприятие утраты друга, ведь успел принять в своё сердце древлянского князя. И вот того уже нет, зато осталось слово данное ему, что будет опекать Любаву... Мал предчувствовал свою кончину? Почему его просьба перед отъездом звучала так странно?»

Сейчас, как и предполагал Мал, Любава осталась одна. Это она сейчас вместо брата, и пока что-то новое не решат бояре, им придётся принимать эту девушку, как свою княжну. Исходя из рассказов отроков и дружинников, пострадали все города и городища древлян. Нет, их не разрушили, просто своеобразно срубили головы. Ведь самые храбрые и почитаемые этим народом, были заживо сожжены, захоронены. И десятки, если не сотни их полегли на тризне по Игорю. Даже при мысли об этом у Алекса предательски поползли мурашки по спине. И это было не проявлением страха, а скорее неприятие того, что он о сейчас видел вокруг. Только какие-то надежды народа Малина слабо цеплялись за Любаву, сейчас беспокойно метавшуюся в беспамятстве.

Алекс провёл возле девушки день. Она не открывала глаз и только потрескавшиеся губы что — то шептали... Чтобы как-то сбить жар, он обкладывал Любаву полотном, намоченным в родниковой воде. Но и полотно, и рубашка, в которой была девушка очень скоро становились сухими и горячими.

Вдруг он увидел новое лицо. Это была опрятно одетая пожилая женщина. Она подошла к Любаве и дворянки испугано расступились перед нею.

Женщина подошла к девушке и притронулась тыльной стороной ладони к её лбу. Строгим голосом, не терпящим возражений приказала всем выйти.

— Ты останься, — посмотрев на Алекса сказала она. — Я знаю кто ты...

Алекс в испуге отшатнулся: что такого она может знать? То что было в его прошлой жизни?

— Любава не рассказывала, но я давно живу на свете и знаю, что ты друг. Ладно, поговорим потом, а сейчас нужно спасать девочку...

Она приказывала и Алекса удивило, что все её слушаются и всё исполняют, притом очень быстро: принести горячей воды, ступку, чистые тряпки...

Женщина вынула со своей холщовой сумки какие-то травы. Одни измельчив, бросила в горшок и залила кипяченой водой, другие истолкла в ступке до состояния порошка. Движения её были быстрыми, уверенными.

— Помоги — ка, молодец, поднять голову Любавы. Нужно напоить её отваром. Если не собьём жар, ой худо будет...

Алекс бережно поднял голову девушки и они общими усилиями влили ей немного жидкости в рот. Любава глотнула и закашлялась.

— Давай милая, давай моя пташечка ещё немного, ещё... Умница ты моя.

Алекс очень обрадовался, что он не один, что есть человек, знающий своё дело и наверняка выравняет ситуацию. На Земле проще — там врачи, лекарства. А здесь ничего под рукой, что бы спасло жизнь.

Он намочил холстинку в воде и бережно стал вытирать Любаве лицо, виски.

В вырезе девичьей рубахи увидел странное украшение — образ молящейся женщины.

— Оберег это, — услышал возле себя голос. — Хорошо, что он при ней.

Алекс уже где-то это видел... Но память подводила — он не мог вспомнить где. Решил что это сейчас не актуально, можно напрячь память попозже, когда в доме снова станет по прежнему, хотя и понимал, что при любом раскладе «по прежнему» уже не будет.

Ночь прошла беспокойно. Наступило утро, а улучшения состояния девушки не было. Любава тряслась от озноба и сразу же ведунья набрасывала на неё лёгкое из лебяжьего пуха, одеяло, а через некоторое время девушка срывала его с себя, сгорая от жара, сжигающего её изнутри.

Ведунья не сдавалась — через ровные промежутки времени поила девушку отваром трав, окуривала чем-то помещение, шепча какие-то заклинания. Женщина настояла, чтобы Алекс немного поспал, а сама осталась возле Любавы.

Это был не сон... Отрывками проносились спокойное лицо Мала, искажённое болью и непониманием, лицо Любавы. Алекс поворачивался на другую сторону, но были снова и снова те же картины в той же последовательности.

От безнадёжности парень ударил кулаком о подушку, чтобы не закричать. Он привык к Малу, считал его своим другом, а Любаву младшей сестрёнкой. Своей семьёй. И вот всё рушилось- дорогие ему люди уходили: сначала Мал, а теперь Любава...

«Нет, этого не может быть... Почему это случается со мной: вначале авария корабля, а теперь потеря друзей?» — птицей билась мысль.

Он вскочил и бросился в опочивальню Любавы. Ничего не изменилось: девушка так же металась в горячке. Но Алекс увидел, что устала ведунья, не так быстры были её движения.

— Расскажите, что за чем делать, а сами отдохните. Я всё сделаю как надо. А вы немного наберитесь сил, они нам ещё понадобятся.

Она хотела возразить, но увидела в его взгляде непреклонность и решимость, поэтому благодарно кивнула, но далеко не пошла — постелила себе одеяльце возле стены, легла и притихла.

Алекс поменял свечи и присел возле Любавы. Она лежала спокойно, видно жар немного спал. Ресницы откидывали глубокие тени на её лицо и парню вдруг показалось, что она умерла. Он наклонился к её губам и прислушался. Нет, девушка дышала...

— Слава Богу. Прошу тебя, Любушка, борись, не сдавайся. — тихо попросил.

Любава видела озеро, но оно было не бирюзово-голубое, а красное...

Она приближалась к нему, её обдавало жаром. Было больно. Что-то толкало её вперёд и она падала, летела, парила, но яркие языки пламенного озера доставали её, обжигали. Было трудно дышать и тогда чьи-то ласковые прохладные руки уносили её оттуда, от этого озера, которое превращалось в красный глаз, неусыпно следивший, когда же устанут руки и выпустят её снова.

Любава поднимала голову и видела возле себя женщину, очень молодую и красивую. Она манила к себе, смотрела нежно и успокаивающе.

«Мама... Мама? — вспоминала, совсем не видя и никогда не зная...

— Мама! — Любава тянула руки к ней, вот всё ближе, ближе... А женщина, как видение всё отдалялась и Любава падала в раскалённое озеро.

Холодная влага, орошающая её губы. не давала захлебнуться озёрным пламенем и далёкий голос подбадривал.

— Борись, ты сильная, не сдавайся, сестричка.

Но это голос не Мала, удивлялось её сердце...

И снова озеро... А вместе с красивой женщиной на берегу её брат. Но почему он такой хмурый? Неужели я что-то сделала не так? Мал, поддержи меня за руку, не отпускай!

Любава металась в горячке, шепча слова, которых она никогда не произносила. Мама, мамочка, помоги мне!

Алекс наклонялся к губам девушки, чтобы понять, о чём она говорит, что просит. Но в большинстве случаев это были бессвязные слова...

— Ничего, она молодая, справится, — говорила ведунья, но в её глазах Алекс уже читал сомнение. Прошло несколько дней, а состояние Любавы не улучшалось. И тогда он решился, хотя раньше был убеждён, что вмешиваться радикально ни во что не будет. Но девушка была ему очень близка и он не хотел, не имел права её терять. Её жизнь сейчас была в его руках и он понимал это как никогда ясно.

Утром он запряг свою покладистую лошадь, и никому ничего не сказав, выехал из города. Воздух был свежий, прозрачный, на небе ни облачка и только небольшой ветерок игриво шевелил листьями.

Алекс ехал в лес. Ему надо было попасть на озеро, на то озеро, откуда он пришёл. Боялся только одного: найдёт ли его, ведь был то там всего один раз.

Как ни странно, но найти водоём не составило большого труда. Оно было там, где ему и надлежало быть — посреди леса, лениво перемигиваясь с небом.

Алекс спешился, привязал лошадь, медленно разделся. В его сердце были сомнения, а правильно ли он поступает? Но и большого выбора не было. Ясно, что он здесь или надолго или навсегда. А если умрёт Любава, самый родной здесь человек, то останется он совсем один... И как он может изменить историю, если спасёт простого человека? Девушку. Алекс врал себе, он знал, во всяком случае читал в фантастических рассказах, что даже убив бабочку, можно повлиять на эволюцию. Но никто этого не доказал, потому что до него, никто не бывал в прошлом. Так что будет что-то изменяться в будущем не факт. А хороший человек не должен умереть.

«Один раз и всё, а потом буду просто наблюдать», — пообещал он себе.

Чтобы медленно не заходить в холодную воду, Алекс прыгнул, распугав диких уток, которые похлопав по глади воды крыльями, перепугано и тяжело взлетели. Но он этого уже не видел, потому, что набрав полные лёгкие воздуха, нырнул. Он плыл среди зелёных водорослей, которые колыхаясь в воде, притрагивались своими холодными отростками к телу. Чуть поодаль увидел размытый силуэт своего корабля.

Пройдя через шлюз, Алекс оказался внутри и сразу же защемило сердце от такого всего знакомого и до боли родного, надёжного. Он сел в кресло, посмотрел в иллюминатор, провёл рукой по панельной доске. Как давно он мечтал об этом! «Вот сейчас, — закрыв глаза, думал он, — всё снова засверкает огоньками и такой родной голос компьютера скажет:

— Маршрут проложен, можно лететь!..

— Ладно, не буду раскисать... Пора делать то зачем пришёл.

Алекс встал и подошёл к аптечке: весь джентльменский набор от многих напастей был собран в маленьком белом чемоданчике.

Но ему нужно было только одно — антибиотики. Знал, что есть шприц с разовой дозой, поэтому он недолго копался, а сразу нашёл нужное.

— Бог его знает. На земле это редко используют, всех микробов и вирусов убивают излучением разных диапазонов, а для путешествий на всякий случай берут это старинное снадобье. А вот этот всякий случай, наверное и настал., - Алекс пытался себя убедить в правильности того, что делает.

Он ещё раз оглянулся, и с тоской, как при разлуке с близким человеком, погладил стенку корабля.

Обратный путь к берегу проделал быстрее, но когда вышел, то зуб на зуб не попадал — такая была холодная вода. Или может от волнения со свидания с прошлым... Решив быстрее выехать на солнышко, он тронул лошадь, которая его честно дождалась и проезжая возле дерева, где совсем недавно встретил Любаву, приостановилась. Как будто это было только вчера, а сколько произошло событий.

Зайдя в терем, он быстрым шагом вошёл в опочивальню Любавы и увидел всю ту же безрадостную картину.

— Ну как она?

— Худо, ой как худо...

— А снадобья не помогают? Вроде бы вчера она спокойнее дышала...

— Нет, всё по старому. То в горячке мечется, бедная, а то такой же полусон. И травы у меня хорошие, ведь всем помогали, да уж больно её, голубушку подкосило.

— Ладно. Вам ведь отдохнуть надо, а я посижу возле неё.

— Да я ненадолго. Не хочу дитяtko оставлять одну. Выйду на улицу, немного воздуха свежего хлебну.

Когда ведунья вышла, Алекс подошёл к Любаве. Бледное лицо с появившимися синюшными тенями под глазами.

— Я правильно решил, дальше тянуть нельзя. Лишь бы помогло.

Он вытянул шприц, нажал на кнопку и приложил его к руке девушки — целительная жидкость медленно входила в организм. Оставалось только ждать результата. Всё, что от него зависело он сделал.

Алекс положил, мокрый кусок ткани на лоб девушки. Нужно подождать, нужно всего лишь немного подождать...

— Ты не смеешь умирать, девочка! Ты сильная, ты выдержишь.

Вдруг Любава открыла глаза и застонала.

— Потерпи, совсем немного потерпи...

— Не оставляй меня, Алекс, не оставляй.

И снова закрыла глаза. Дверь отворилась и вошла ведунья.

— Слышала голос её, думала войду, а она сидит, такая же как прежде, — у старушки на глазах застыли слёзы.

— Теперь всё будет хорошо, она открыла глаза и узнала меня.

— Это, сынок, ещё ни о чём не говорит. Улучшение может быть и перед смертью...

— Ну что вы, в этом случае всё будет хорошо.

— Хорошо, что ты веришь в лучшее, и я буду в это верить.

— Вот и будем вместе только о хорошем думать, а наши мысли помогут Любаве подняться быстрее. Я ведь вам сказал, не надо волноваться. Давайте по очереди возле девочки дежурить. Я уже отдохнул, а вы валитесь с ног. Пора немного успокоиться и отдохнуть. Ночь впереди и мы не знаем, что ждёт нас.

Алекс сидел возле Любавы и смотрел на красивое, измождённое личико. Его

успокаивало то, что она стала дышать глубже и ровнее, хотя и была бледна как смерть...

— Алекс...

— Что, Любушка, чего ты хочешь? Может попить?

— Ты по-прежнему здесь...

— А куда же я от тебя, ты ведь как младшая сестрёнка моя.

— Что со мной, почему такая слабость?

— Заболела ты, видно когда под дождь попала. — И отчаянно боясь, что она сейчас спросит о Мале, попросил, — Любушка, слаба ты очень. Попытайся поспать немного. Ты хочешь водички?

Любава кивнула и он поднёс ей бабушкиной травяной настойки: душистой и целебной. Девушка хоть и слаба была, но сразу поняла, кто её приготовил.

— И бабушка здесь?

— А где же ей быть, если ты болеешь. Она ведь постоянно сидела возле тебя.

Алекс, не успел закончить, как увидел, что Любава уснула со счастливой улыбкой на губах. Он тоже задремал, опустив голову на руки.

Девушка медленно выходила из забытья, разбуженная солнечными лучами, заглядывающими в окошко. Когда её глаза привыкли к свету, она увидела, что Алекс сидит рядом и крепко спит. Любава подняла руку и положила ему на голову, ощутив под пальцами упругий шёлк спутанных волос.

Скрипнула дверь и ведунья просунула голову в комнату. Заметив, что Алекс спит, она на цыпочках подошла к Любаве, счастливо улыбаясь.

— Проснулась, наконец, дитяtko?

Алекс открыл глаза.

— Любава! Ну наконец... Как ты чувствуешь себя?

— Слабой, как котёнок, но живой, — тень улыбки скользнула по её губам. — По крайней мере я предполагаю, что жива, раз вижу вас. Долго я уже здесь?

— Несколько дней. Детонька моя, это, наверное, боги не дали тебе умереть... Только сейчас признаюсь, что уже теряла надежду.

Женщина повернулась к Алексу и в глазах её была такая преданность и благодарность, что парень даже немного засмутился.

— Если бы не он... — старушка покачала головой. — Может немного покушаешь?

— Нет, воды дайте попить и я ещё посплю. Слаба очень.

Пока Любава спала, ведунья, теперь бесконечно доверяя Алексу, шепотом, напоминая журчание ручейка, рассказывала о девочке, которую знала с рождения.

Она принимала этого ребёнка, но случилось так, что княгиня умерла при родах... Отец Любавы, князь древлянской земли, понимал, что в распрях славянских племён его жизненный путь не долог. Поэтому вместе с Малом, начал обучение княжны воинскому искусству, как только ей исполнилось девять лет. И уже буквально через год, а к тому времени князь погиб, она довольно умело управлялась с небольшим мечом, представляющим точную копию подлинного оружия. Кроме того, Любава понемногу стала вникать в хозяйственные дела городища, постепенно перебирая на себя обязанности княгини. И это в тринадцать — четырнадцать лет... Девочка к тому времени владела не только мечом, но и могла стрелой поразить бегущего зайца. Она стремилась быть во всём первой, побеждать соперника, класть на лопатки своих противников — ровесников. К тому же, Мал начал учить её тому, что знал сам — чтению. Князь привозил сестре книги переведенные с греческого на

старославянский. Он постоянно держал её возле себя, когда приходили старейшины и рассказывали об урожаях, о планах на будущую весну. Он научил её считать и мыслить. Девушка впитывала науку брата, как губка. А вот сейчас ей, наверное, придётся взвалить все тяготы княжества на свои хрупкие плечи. Это при том, что многих дружинников и отроков нет в живых. А ещё хуже, что нет крепкой мужской руки, Мала.

Ведунья замолчала, погладила спящую Любаву по бледной вялой руке и закончила, — а ещё ей надо сказать о брате.

— Нет, — не согласился с нею Алекс, — она слишком слаба сейчас, чтобы слышать такую весть.

— Ты наверное прав, её память притупилась и ей сейчас кажется, что всё увиденное — плохой сон... Подождём, пока немного окрепнет.

Они помолчали. У Алекса в жизни не было больших утрат. Мама и отец живы, они молоды и здоровы. И как бы он перенёс весть о потере, вернее скольких потерях, он даже не предполагал. А это была молодая девушка... Алекс очень боялся за неё и жалел. В нём жило двойное чувство: ему очень нравилась Любава — красивая, стройная, независимая. Нравилось смотреть когда она думает о чём — то, сосредоточенно покусывая стебелёк травы. Из-под ладошки, прижмурив глаза смотрит на солнце, а оно лучиком находило незащищённую тенью часть лица и рисовало причудливые узоры на зардевшейся щечке. Как бесстрашно она летела вперёд, слившись в одно целое со своей лошадьёю..

У неё были сочные губы, но Алексу, как ни странно, не хотелось их попробовать на вкус. У неё были глубокие с искорками веселья глаза, но ему не мечталось в них утонуть. Зато приятно было видеть в них одобрение, если что-то у него получалось. А ещё слышать её весёлый звонкий голос.

Алекс испытывал какие-то двойные чувства к этой девушке. Конечно, как отъявленный сердцеед на Земле, он видел, что вызывает большую симпатию Любавы, но старался ей в этом не потакать, а быть просто другом. Не знал он, понимала ли его она, ведь сам пока не мог разобраться в своих чувствах и ощущениях. Одно, что он точно знал, так это то, что именно сейчас нужно быть возле неё. Они с братом приняли его, пора и ему тоже принять на себя частицу боли и горя Любавы.

— Я видела её судьбу. Непростая, очень непростая... Не закончились ещё её тяжёлые тёмные дни. Двойкой была её дорога, потому и боялась. Даже не знаю, что было бы для неё лучше. Виделись и смерть и тяжёлые испытания, — с тревогой посмотрела на Алекса. — Боги ей помогли, вернули к жизни, но ещё проведут по изломам судьбы. Будь возле неё. Подставь ей плечо своё, хотя она и думает, что сильная.

Вижу, что ей лучше и теперь спокойно могу уйти к себе. Оставлю травы, снадобья. Расскажу, что делать. Но помни, если понадобится, зови. Она знает где меня искать.

Любава выздоравливала медленно. Болезнь насколько подкосила её, что Алексу приходилось под руку выводить княжну на улицу. И только через несколько дней, видя немой вопрос в глазах девушки, он решился.

— Да, Любушка, тогда ты всё слышала верно. Мала больше нет...

Алекс боялся, что за этим последует. Может потеря сознания, может крики и стоны, но он ошибся. Любава молчала, а состояние её души выказали тонкие пальцы, которые впились в руку Алекса, да вмиг побледневшее лицо, на котором отобразились разные чувства: горечь, ужас, беспомощность. Последнее так не соответствовало этой девушке, что Алексу захотелось обнять её, приласкать, утешить. Но он сдерживал себя. Так с этой девушкой

поступать нельзя. Она должна сама всё пройти. Она ведь воин, она боец.

Несколько дней Любава молчала. Нет, конечно, если её о чём — то спрашивали она отвечала, но ответы были скорее автоматическими. Алекс уже начал волноваться: почему так, что она замыслила, о чём думает.

Однажды утром, зайдя в опочивальню девушки, он не увидел её на прежнем месте, где она уткнувшись носом в подушку лежала часами. Любаву он нашёл в трапезной. Это была не вчерашняя девочка — тихая и задумчивая. Глаза её ожили, движения стали уверенными. Она прочитала вопрос в его глазах

— Если ты не против, то давай сначала поедим, я очень проголодалась, а потом задавай свои вопросы.

Дальше она повторила всё, что делал за трапезой Мал. Когда принесли сочиво, куропаток и другую снедь, встала и немного набрала еды в миску, а потом подойдя к жертвеннику положила всё на горячие угли. Мал не делал этого сам, а она сделала, как бы принося, или вернее передавая еду своему умершему брату. Угольки обьяли кусочки еды, сердито шипя. Как кошка которой совсем не хочется делиться с кем — то своей мышкой.

— Ну вот, принесла жертву. Чтобы первые покушали Мал и его друзья.

Развернулась, села за стол и стала, пересиливая себя, и Алекс это видел, есть. У него впервые за сколько дней отлегло от сердца.

Закончив трапезу и омыв руки, она встала и пошла к выходу, едва кивнув пригласительно Алексу.

Возле крыльца уже стояли запряженные лошади, покусывающие удила. Они давно уже не были на прогулке.

— Садись, Алекс! — И не ожидая его, рванула поводья, — догоняй!

— Тебя догонишь...

Но ему самому хотелось скорости, ветра и поэтому, вскочив на лошадь, бросился вдогонку Любаве.

— Эге-гей, догоняй, — неслось впереди.

Но как не старался Алекс, догнать её не мог, не было ещё у него нужных навыков. За поворотом дороги, он увидел её и спешил. Любава ходила по лугу, среди васильков и ромашек, собирая их в букет. Алекс невольно залюбовался этой картиной, присев на широкий пенё. Лошади рядом пощипывали траву.

— Устал? Эх ты, девчонку не догнал, — шутливо поддёрнула девушка парня.

— А ты хитрая. Нужно было вначале сказать, что мы соревнуемся, а то бегом вперёд, а уже потом мне — «Догоняй, Алекс», — засмеялся он.

— Алекс, я хочу тебя поблагодарить, — сразу стала серьёзной.

— За что, Любава? Ничего такого я не сделал.

— Ты не знаешь, а меня спасали твои прохладные руки, когда я была там, на огненном озере. Они не дали мне упасть в пламя. Я очень боялась, что ты меня бросишь, уйдёшь как мама, отец и Мал, а я останусь совсем одна...

— О каком озере ты сейчас говоришь?

— Я видела его, когда мне было плохо, когда, я знаю, умирала. А ты был рядом.

— Не я один, я бы не справился... Это ведунья приходила, сидела с тобой.

— Я знаю, я её тоже чувствовала. — Голос Любавы дрогнул, — вы оба. Но я буду сильной, вот увидишь, потому что...,- она задумалась и продолжила, — я скажу тебе одному. Никогда и никому не прощу смерти брата. Я слышала голос в шатре и найду этого человека.

— Брата ты не вернёшь, а себя погубишь. Помни, что ты княгиня этих земель и отвечаешь за людей, живущих здесь. Да, да вот тех самых стариков и детей, которых не сожгли и не закопали заживо.

— Я снова начну тренироваться, — не слышала она его, нужно набраться сил, и тогда у меня всё получится.

— Чем я тебе могу помочь, я ведь не воин.

— Так стань им, — ответила она и сразу добавила, — мне очень нужен друг.

Алекс промолчал, он надеялся, что эти мысли скоро пройдут у девушки. Найдётся достойный человек за которого она выйдет замуж, родит детей и будет с любовью их воспитывать, забыв об этих временах как о страшном сне.

Но как только рассвело на следующий день, его разбудило Любава и потянула с собой на знакомую поляну, совершенствовать воинское мастерство.

Ей было приятно общество Алекса, с ним не только можно было поупражняться но и поговорить. Каждое утро они отправлялись на поляну: сражения между ними на мечах стали проходить с переменным успехом, а не как вначале, когда Алекса постоянно атаковали, а он шутливо поднимал руки, мол, сдаюсь. Тренировки шли им обоим на пользу: у Любавы появился румянец, руки стали крепче, чем даже были, а у Алекса, как после спортзала наливались мышцы.

Сегодня бой шёл с переменным успехом: Любава делала выпады, наступала на Алекса, а он отчаянно защищался. Потом же сам не ожидая от себя такой прыти, стал теснить своего прекрасного соперника...

Они были так увлечены боем, что не заметили наблюдающих за ними троих всадников.

— Красивый бой, не правда ли? — Спросил тот, что был постарше.

— Да, видно отроки умения набираются.

— Нет, ты только посмотри, какие выпады. Особенно когда тот, который пониже, перебросил меч в левую руку, а правой выхватил из голенища нож, — с уважением сказал второй всадник.

Третий просто молчал и с интересом наблюдал за боем.

Соперники опустили мечи и рассмеялись. Юноша, который был повыше, мощнее, взял другого за плечи и встряхнул.

— С тобой страшно враждовать. Особенно когда ты проводишь эти выпады с мечом и ножом. Я за тобой не успеваю.

— А ты попробуй, — и ещё раз показала ему этот приём. — Тренируйся, а я немного проеду на лошади. Она застоялась да и мне хочется сейчас скорости.

Любава сняла шапку, под которой для удобства в бою прятала свою косу и всадники с удивлением увидели, что ошиблись: из двух соперников один был отроком, а второй — девушкой. Она птицей взлетела в седло и пришпорив лошадь, ринулась наперегонки с ветром. Девушка так владела мечем и была такой искусной наездницей, что первый из всадников, зацокав языком от восхищения, повернулся к третьему своему спутнику и изумился ещё больше: на лице того отразилась целая гамма чувств — от восхищения до открытого вожделения.

Мужчина повернулся в седле и произнёс внезапно охрипшим голосом:

— Непременно нужно узнать кто она такая.

Алекс смотрел на приближавшихся всадников с недоверием. В свете развернувшихся событий, постоянно нужно было быть настороже, а этих людей он не знал.

Конечно, он успел бы вскочить на лошадь и ускакать в город, время было. Но где-то упражнялась в выезде Любава, а он боялся оставить её одну с этими тремя неизвестными всадниками. Черт его знает, какие у них мысли.

— Доброе утро! — приветствовал Алекса всадник помоложе.

Второй с улыбкой склонил голову.

— Доброе утро, — ответил Алекс, успевший заметить настороженный взгляд третьего.

— Хорошо владеете мечом.

Алекс, почувствовав неприкрытую лесть, промолчал. Он знал свои успехи, у него только что-то начало получаться, но по сравнению с Любовью был ещё большим профаном.

«Что им в конце-концов надо? И где Любава, может что-то с ней случилось? А если кроме этих троих в лесу ещё есть всадники»? — заволновался Алекс.

— А как зовут ту девушку, кто она? — наконец прозвучал вопрос.

— Любава, княжна здешних земель, — не счёл нужным скрывать парень.

Послышался топот и Алекс издал предупредительный свист. Любава, а это была она, придержала лошадь и не спешиваясь, вопросительно посмотрела на Алекса. Видно было, что ни с кем разговаривать она не хочет.

Махнув Алексу головой, девушка тронула поводья и на полном скаку, преодолев поваленное дерево, устремилась по дороге к городу.

Парню не оставалось ничего другого, как тоже взгромоздиться на лошадь. Правда он был вежливым человеком и кивнув незнакомцам головой, последовал за Любовью.

— Кто они, Алекс? — любопытство сквозило в голосе Любавы.

— Не знаю я. Коли такая любопытная то сама и спросила бы, — подшучивал Алекс. —

А то увидела новых людей и скорее как мышка в норку бежать.

— Да не боюсь я сейчас ничего, ты же знаешь... Хуже, чем было уже, наверное, не будет. Но как — то попасть в Киев мне надо. Брал брат меня туда несколько раз, но ведь ничего там и не помню. Ну терема, хоромы красивые. Много людей.

— Зачем тебе в Киев? Я то думал, что забыла ты детские те глупые мысли о мести. Кому ты собралась мстить, княгине? Да к ней тебя даже не пропустят. Ну надо же когда то закончить эти безумные правила, в которых кровь за кровь, — почти кричал Алекс.

— Нет, я не могу забыть того, что случилось. Тот голос постоянно слышу и те страшные слова, сказанные так спокойно, как будто не людей лишили жизни, а сорвали и выбросили цветок. Всё не мило мне, ничего не хочу. Я жажду только отмщения. У меня больше нет в семье мужчин, значит это долг мой.

— Ты лучше вспомни слова Мала: твой гнев — друг твоего врага. А озлобленному человеку никогда не победить своего хладнокровного соперника. А ты сейчас как мыслишь? Ты готова пойти против Киева? С чем? С мечом? Уймись, Любава. Я тоже любил Мала и мне его искренне жаль. Но его уже не вернёшь. А народ древлянский, вернее то, что от него осталось, хочет спокойствия. Посмотри же вокруг. Люди живут: под десницей Киева или без неё. Вчера в поле я видел дружинника, который корчевал пни, а на меже лежали кольчуга его, шлём и меч. Он готов к войне, но знает, что нужно есть, пить, жить. И ты нужна и ему и другому и третьему. Народ ждёт сколько дней. Ведь на княжий двор приходят люди, просят суда и правды. Князь один и ему надлежит творить эти самые суды и правды.

Алекс посмотрел на Любаву и увидел в её глазах неподдельное горе. Любава вспомнила своего брата Мала, своего отца... Она была маленькой и потому смутно помнила его дела и заботы. Когда же вершил Мал суд, сидела возле него, слушала и смотрела. Князь был мудрым, хотя и молодым. Брат не мог понять того, кто трусил в бою и бежал назад, а не вперёд со всеми. Когда сын не слушался отца, когда девушку выкрадывали без любви, и её на то согласия. И за это он судил и карал беспощадно.

Она вспомнила, что даже с небольшими жалобами люди шли на суд к князю: за воровство мешка зерна или угон какого-то животного со двора. Это ей тогда казалось, что это мелочь. Сейчас она уже понимала, что это жизнь. И девушка заплакала.

Алекс не успокаивал её, понимая, что это слёзы, очищающие душу, снимающие понемногу непомерный груз боли, который так внезапно свалился на эту юную княжну.

В это время на ступенях, ведущих в сени послышались голоса. В высоких шапках в светлицу вошли бояре и низко поклонились ей.

— Здрава будь, княжна! — молвили они.

Алекс увидел как Любава выпрямилась, незаметно вытерла рукой слёзы и горделиво повела плечом.

— Здравы и вы будьте, мужи достойные. С чем пожаловали?

— Да пора бы тризну провести по князю нашему. — Вышел вперёд один из них. — Боги не примут Мала. Ты болела, княжна. Мы тела всех отроков и дружинников погибших предали земле, помянули их дела, как и полагается. А Мал был предан огню...

— Видел ли кто, а не по слухам, что случилось с братом моим?

— А вот как раз боярин приехал из Искоростеня, брат младший их князя Тодор. Был он в то время в Киеве, видел как..., - и умолк, заметив как побелело лицо княжны и хрустнули сжатые в кулачки пальцы.

— Он и сам, если позволишь, расскажет по какой причине прибыл сюда.

Бояре расступились, пропустив вперёд троих незнакомцев.

Алекс сразу узнал их. Это были те всадники, которых они встретили на поляне.

— Здрава будь, княжна.

— Здравы и вы будьте, добрые люди. Что привело вас к нам?

— Приехали мы с земли искоростеньской, чтобы сказать, что разделяем мы твоё горе. И это утрата не только ваша но и всех древлян. Наш князь тоже плох — ранили его киевские дружинники, еле отроки вынесли с той памятной для нас всех тризне по Игорю. Лежит сейчас в горячке, не знаем, оставят ли его боги нам или заберут...

— Да невосполнимые потери земли нашей. Хотя бы враги не прослышали про беду, враз поймут что слабы мы, нападут, а обороняться то некому.

— Вот потому и приехали, чтобы силы объединять да как- то крепить границы наши. Нужно собирать совет да и решать, что делать будем. Может даже придётся на поклон Киеву идти...

— Вы решайте как хотите, но с Киевом мы брататься не будем, — выслушав, отрезала Любава.

Алекс посмотрел на прибывших и от его внимания не ускользнуло то, как пристально смотрел Тодор на Любаву, не сводя с неё глаз. Это был взгляд не державного мужа на княжну, а взгляд мужчины на женщину.

— Спаси боги вас за то, что разделяете горечь нашей утраты. Завтра сотворим тризну по князю нашему — Малу. Прошу вас остаться. А сейчас извините, меня ждут дела.

Любава легонько склонила голову и посетители не спеша и тихонько переговариваясь между собой вышли со светлицы. Последним выходил Тодор и Алекс увидел как тот приостановился и посмотрел на княжну. Этот взгляд парню был знаком. Взгляд желания, восхищения, страсти. Любава тоже заметила. О, как девушке было знакомо это! Сколько раз она вспоминала такой же взгляд, только чёрных, чуть раскосых глаз Подвизда.

Только вошла денница, ключница накрыла на стол белую скатерть и пригласила княжну на трапезу. Любава уже была готова и по пути зашла за Алексом, сразу же его предупредив, что необходимо вставать раньше, потому что каждый день начинается с восходом утренней зари. А она хотела бы видеть его возле себя, начиная новый день. Трапеза длилась не долго. Нужно было решать дела, беспокоившие древлян.

В сенях уже полно народа: тот первым хочет поприветствовать княжну, а тот рассказать о своих бедах, иной с просьбой. Сколько людей, сколько и забот.

Любава заняла в светлице место брата на кресле возле окна. На ступеньках прогремели шаги и гридни втолкнули на суд княжны побитого, с заплывшим от кровоподтёка глазом, человека.

— Что случилось?

— Воровство, княжна. Этот человек украл мешок ржи из клетки боярина.

— А зачем же побили его? Самосуд устроили? — слышится гнев в голосе молодой княгини.

— Не думали мы, что сможешь судить, в горе ведь и болезни была...

— Ты зачем полез в чужие закрома?

— Так ведь, матушка, есть у меня совсем нечего. До нового урожая осталось немного, а дети голодные сидят, — плачет и кланяется холоп.

— Знал ведь, что в рабство пойдёшь за воровство!

— Знал, ох знал. Да нет мочи смотреть, как дети тянут за полу и просят кушать, — стонет мужчина.

— Что решим, бояре?

— В рабство его, в рабство! — разом зашумели. — Это так к нам каждый будет лезть в клетки!

— Правда ваша, бояре. — И подумав немного Любава огласила своё решение.

— Работать будешь у боярина год. Три дня у него, три дня у себя. Да смотри, больше не воруй. Законы наши суровы и я буду следовать им: за воровство вся семья пойдёт в рабство.

Бояре закивали головами, соглашаясь со словами княжны.

Она же наклонилась к Алексу и прошептала:

— Узнай, где живёт этот человек и прикажи отнести туда тайком мешок зерна. Должно хватить до нового урожая.

*

Тризна нужно было совершать до захода солнца, чтобы душа не потерялась ночью и нашла свой путь. Поминание начала Любава. Она бросила в огонь жертву, плеснула вина. Все смотрели, как огонь поглощал мясо.

— Садитесь, люди! — пригласила княжна.

Дворяне разливали вино. На столах уже стояли мясо, каша, рыба... Пахло чабрецом, ещё какими-то пряностями.

Горожане пили, ели, прославляли Мала. Любава как хозяйка, оглядела стол. Хватит ли всего? В такой день никто не должен голодать. Тризна... Ей был знаком этот обычай. Когда убили отца тоже была во дворе их тризна. Князя, как и всех важных людей древлянской земли сожгли. Помнила плач женщин, слёзы на глазах Мала. А потом всё так же пили вино, славили отца и чем больше пьянели, тем веселее становились голоса. Только Мал был строгим, ничего не пил, а склонив голову думал и думал о чём-то.

Снова всё повторяется, только вместо отца — брат и она одна...

Любава почувствовала что-то тревожащее и подняв голову, обнаружила, что с неё не сводит глаз сидевший неподалёку мужчина. Это почему-то вызвало у неё лёгкую дрожь. Однако девушка не стала задумываться о причине её проявления. Мужчине было около тридцати лет, золотистые, чуть курчавые волосы ниспадали до плеч. Брови густые, а тёмные ресницы стрелами обрамляли глаза. Косая сажень в плечах, высокий лоб и упрямо сжатые губы.

— Алекс, этот тот Тодор, который с Искоростеня? — Шепнула, наклонившись.

— Ну да, и один из тех, которых мы встретили на поляне. Знаешь, от меня не ускользнул взгляд, которым окинул он тебя тогда. Мне кажется, достойный мужчина. — Алекс улыбнулся. — Я ведь расспрашивал потом о нём. Оказывается два или три года тому назад при родах умерла его жена, которую он очень любил. Говорят, долго страдал и впервые за эти годы тоже заметили его внимание и интерес к женщине — тебе. Так что Любушка, присмотришь к парню

— Что такое любить. Алекс? Ведомо ли тебе это чувство? — любопытство сквозило в вопросе Любавы.

— Любить женщину, имеешь в виду?

— Ну да, там откуда ты пришёл, была ли любя тебе девушка? Я ведь многого о тебе не знаю. Ты видишь меня, наша жизнь у тебя как на ладони. Что-то советуешь. Я же тебя слушаю, а бывает, что и нет. И вот сейчас ты говоришь о любви Тодора к своей жене. Разве бывает такое, чтобы навсегда привязаться к одному человеку? Ведь это не мать, отец или брат. Не думай, я не маленькая и понимаю, что мужчина и женщина, как часть природы живой, сходятся, чтобы продолжить свой род. Они живут вместе, чтобы потом растить детей.

— Но любовь это не только стремление к продолжению рода. Я думаю, что в мире есть две половинки: мужчина и женщина и если они подходят друг другу, то становятся одним целым. Вот как мои родители. Уже тридцать лет вместе, а всегда рядом: в театр, на вечеринку...

— А что такое театр, вечеринка? — сразу ухватилась за незнакомые слова девушка.

«Надо выкручиваться и впредь контролировать свою речь», — мелькнуло в голове Алекса. — Ну это...когда заходит солнце, вместе смотреть на закат, лес. Вот они сядут вместе на опушке и молча наблюдают за этим, держась за руки. — «Боже, что я несу, услышал бы меня отец».

— Как красиво вместе с кем — то смотреть на закат, положив ему голову на плечо и взявшись за руки, — мечтательно вздохнула Любава.

Алекс удивился перемене: целый день перед собой он видел молодую женщину, которая творила государственные дела, а сейчас перед ним была девушка, которая всей душой хотела любви, как впрочем и все девушки на его родной планете.

На миг она позволила себе поверить захотеть мужа, семью, но в следующее мгновение лицо её ожесточилось, мечтательное выражение ушло. Ей видно никогда не придётся выйти замуж по любви. Княгиня должна всегда помнить, что муж, это в первую очередь укрепление земель, ну уже потом, если очень повезёт — любовь.

Вначале она мучилась оттого, что так привязалась к отроку киевскому Подвизду. Девушка понимала, что Мал никогда не поймёт и не одобрит этого. Подвизд... Любава часто вспоминала его губы, руки. И сейчас, даже только вспомнив имя этого юноши, чувственные сцены сразу возникали у неё в мозгу, она их не хотела, противилась им. Но они всё равно появлялись. Почему именно этот человек, почему именно он? Раньше она понимала, что Мал не разрешит ей никаких отношений с простым парнем, хотя и обещал отцу отдать её тому, кто люб ей будет. Сейчас она сама не хотела, чтобы в её жизни появлялся мужчина, тем более кто-то из Киева. Любаву постоянно мучил вопрос: был ли он среди тех, кто убивал на тризне по Игорю её знакомых, родных. Парень ведь знал о приказе Ольги и не предупредил. Или не знал, а как и все киевские отроки просто наливался вином вместе с древлянами...

Эта любовь — запретная. Да и никакая это не любовь, просто притяжение друг к другу двух молодых людей. Не должно к врагу быть никаких чувств, — так думала Любава о юноше, разбудившим в ней чувственность. Надо искать помощи в борьбе против Киева, плечо, на которое можно опереться. И прочь всякие чувства! Любви нет, если она такая горькая и непредсказуемая.

Алекс с любопытством поглядывал за калейдоскопом выражений лица своей подруги.

Какая же она ещё девочка. Всё можно прочитать на лице: нежность, страх, боль.

— Я почему-то вспомнил сейчас юношу, с которым мы тогда тебя встретили. Твоего, ты рассказывала, спасителя.

Девушка никогда не рассказывала о своих приключениях в лесу, а мужчины Алекс и Мал и не настаивали. Жива, здорова — чего же ещё? Но Алекс заметил тогда ревнивый взгляд, брошенный на него. И кажется угадал. Любава опустила голову и её густые ресницы бросили глубокую тень под глазами.

— Я его часто вспоминаю...

— Просто как спутника? — Улыбнулся лукаво.

— Я, Алекс и сама не знаю. Может оттого, что были только вдвоём в лесу, немного сблизилась и он мне стал не совсем посторонним человеком.

Алекс удивлённо поднял брови. Любава заметила это и её щёки запылали.

— Нет, нет это совсем не то о чём ты возможно подумал. — У парня ещё выше поползли брови. — Я ведь не маленькая и знаю, что может произойти между мужчиной и женщиной.

Наступила неловкая пауза.

— Он меня целовал и это было не неприятно...

Алекс улыбнулся.

— Эка невидаль. Такое дело довольно часто случается между мужчиной и женщиной, если они нравятся друг другу. Другое дело, чтобы потом помнить себя. Знаешь, Любушка, сейчас я чувствую за тебя ответственность. И Малу обещал, да и без него хочется тебя уберечь. Ты, конечно, и из лука стреляешь и на лошади скачешь лучше меня, но вот в делах любовных я немного поопытней. Красивая любовь больше девушкам нужна, а для парней что-то другое. Поэтому берегись и думай.

— Он мне очень нравится, но он всего лишь отрок княжеской дружины...

— Ну и что? Ты знаешь историю своего брата?

— Как же не знать, ведь я сестра его и вся жизнь Мала проходила перед моими глазами.

— Почему-то мне кажется, что важный жизненный период твоего брата прошёл мимо тебя.

— Я всё о нём знаю, — упрямилась Любава.

— Тогда ты знаешь и об Ольге.

— О какой Ольге ты говоришь?

— Девушке, перевозившую людей через реку и которую любил твой брат.

— Ты что-то путаешь, Алекс. Он не мог любить простолюдинку. Мал постоянно мне твердил, что выходят замуж и женятся для укрепления земель.

— Вот видишь, ты была совсем маленькой и это прошло мимо тебя. Значит, пришёл черёд рассказать тебе то, чего ты не знаешь о Мале, чтобы не повторить тебе его ошибки.

— Мал никогда не совершал ошибок, он был добрым и справедливым и его все любили, ты же сам это видел!

— Я ведь не спорю, Любушка. Он совершил ошибку, о которой потом очень жалел. И это в дальнейшем очень сильно повлияло на его судьбу. Я почему-то даже думаю, что всех событий, которые случились недавно, могло бы и не быть, если бы он тогда по другому решил.

Видя немой вопрос в глазах девушки, продолжил.

— Знаешь, они ведь любили друг друга, не мыслили себе жизни по отдельности. Мал и

та, которую впоследствии нарекут княгиней Ольгой.

— Ты выдумываешь, Алекс. Мал мог делать всё, что хотел и жениться на той, которую хотел.

— Может и так, но отец твой, а вернее всего бояре, поставили условие: либо княжество, либо девушка. И Мал, переломив себя, выбрал первое. Я так думаю, чувствуя свою вину перед сыном, твой отец попросил его не перечить судьбе и принять твой выбор, каким бы он ни был. Лишь бы ты любила и была любимой.

— То есть, кого бы я не полюбила, Мал бы это принял?

— Думаю да. Только потому, что он был князем и твоя судьба не влияла на развитие древлянских земель. Но теперь его нет и тебе всё придется решать самостоятельно. В том числе и твоё супружество.

Любава надолго задумалась, покусывая кончик косы. Алекс ждал вопросов

— Не мог он любить Ольгу. Она злая, недобрая...

— Может быть... Но ты ещё очень молодая и не знаешь, как могут обстоятельства менять людей, ломая их устои. Помыслы. Поэтому не суди огульно.

— Это она приказала убить брата, а как можно это делать с любимым?

— Мы не знаем, что случилось. И, наверное, никогда и не узнаем. Этому, что произошло не может быть никаких оправданий... Я так понимаю, что сейчас она защищает своего маленького сына, чтобы никто из бояр не мог даже подумать о какой-то её слабости и забрать киевское княжество, по праву принадлежащее Святославу.

— Не оправдывай её, Алекс.

— Я не могу этого делать, после того, что своими глазами видел в Киеве. А ещё потому, что Мал стал мне другом, а слышать о смерти друга, поверь, для меня большое потрясение. Просто я не хочу продолжения... Особенно плохого в отношениях с Киевом.

— Какое может быть продолжение, месть свершилась... Так думает Ольга.

— Но не ты, правда ведь? А ещё я скажу, что нет у тебя к тому парню никакой любви. Потому, что если любишь, то наплевать кто он и что он. — Сказал и вспомнил Мала, его желание воссоединиться с юношеской своей любовью.

— Я не думала, что мне нужен муж. А просто он мне люб.

— В данный момент тебе нужно сильное мужское плечо, чтобы опереться.

— Алекс, но ты же всегда будешь со мной рядом.

— Пока был Мал, он закрывал рты боярам, которые роптали, что он меня к себе очень приблизил. Сейчас Мала нет, и я не знаю, что будет дальше.

— Я сейчас всё здесь решаю!

— Да, ты умница. И я всегда буду тебе другом и всегда помогу. Ты только позови. Но тебе нужен муж. Если считаешь, что тот парень достоин быть твоим мужем, твоей поддержкой и ты будешь с ним счастлива, то никто не должен переубеждать тебя в обратном. Несчастья не закончились. Киевское княжество подмяло под себя много князей, многие земли им дань платят. Свободных и непокорных Ольга так не оставит... Один выход — примириться со всем и жить дальше.

— Никогда! — Взмахнула рукой, как отрезала.

— Я знал, что ты так скажешь. Но время лечит и ты поймёшь, что я был прав.

— Всё что было у нас им отдали. Лучших мужей земли древлянской извели... Не пойду я к Ольге на поклон.

— Я, Любава, думаю что она сама сватов пришлёт, чтобы замуж тебя отдать за кого-то

из своих бояр или воевод. Для усиления власти своей на древлянских землях.

— Не посмеет, — притопнула ногой девушка. — Я сама буду решать за кого мне выходить замуж.

— Хочешь возродить свою землю, будь мудрой и хитрой. Земли ваши дравлянские всё равно разрозненные. И что интересно, как Игоря убить, просто Мала в известность поставили, а потом же им и прикрылись...

— Знаешь, Алекс, — успокоилась немного девушка, — я об этом уже думала... И хотя Подвизд мне очень мил, — она проглотила комок в горле, — я постараюсь забыть его.

— Смотри сама. Если уверена в его чувствах и своих, его надёжности, то решайся. Это будет хороший союз и его одобрит княгиня. На землях древлянских наступит мир.

— Княгиня? Одобрит? Я не прошу её одобрения и покровительства. И союз с Киевом мне не нужен!

Девушка кивнула Алексу и вышла. Он даже знал куда. Если нужно было для себя что-то решить, Любава садилась на лошадь и ехала в лес. Быстрая езда помогала ей освободиться от тревог, принять правильное решение.

Он угадал. Девушка вскочила на лошадь и умное животное сразу поняв настроение хозяйки, рвануло вперёд. На сердце княжны лежал большущий камень. Но чем быстрее была езда, тем он становился легче и уже совсем скоро Любава ощутила такую привычную лёгкость в теле и на душе.

— Эге-гей! — чувство независимости и свободы переполняли её и повернувшись назад, закричала ветру:

— Догоняй!

Когда после прогулки вернулась домой, Алекс порадовался её весёлому настроению и жизнерадостности. Он смотрел из окна на девушку и в очередной раз удивился силе её характера.

Любава поставила лошадь в стойло и провела рукой под попоной. От быстрой езды бока животного были влажными. Девушка сама вытерла лошадь и достала щётку, чтобы расчесать гриву.

— Красавица ты моя, умница, — гладила свою любимицу и та спокойно стояла, помахивая роскошным хвостом.

Любава и не заметила, что была не одна. За нею наблюдала пара голубых, а сейчас немного потемневших глаз. Девушка расчесывала гриву лошади, нежно проводя по ней тонкими пальчиками. А глаза невольного наблюдателя становились всё темнее и темнее.

Лошадь забила копытом и девушка засмеялась

— Опять хочешь на свободу? Потерпи, милая, отдохни.

— Вы прекрасно сидите на лошади, — прозвучавший внезапно голос нарушил идиллию. Любава вздрогнула и обернулась. На неё смотрел один из приехавших на тризну древлян — Тодор.

— Вы меня напугали, — с улыбкой сказала она. — Я с детства люблю ездить верхом.

— А вот моя жена не очень хорошо держалась в седле. Ей больше нравился дом, цветы. Заряна любила вышивать, а когда вышивала, то тихонько напевала, — голос его немного запнулся.

Любава беспомощно посмотрела на него. Как успокаивать взрослого мужчину совершенно не знала.

— А вы знаете, я тоже напеваю, когда вышиваю. И цветы очень люблю, это наверное

слабость всех девушек, — улыбнулась она.

А Тодор сам не мог понять, почему он при чужой девушке вспомнил Заряну. Рана ещё сильно кровоточила, хотя со дня смерти жены прошло уже довольно длительное время. Он подошёл к лошади Любава и положил руку ей на круп. Животное косило на него глазом, но стояло на удивление тихо.

— Лошадь большая для такой миниатюрной девушки. И смотрю, что не очень покладистая.

— Да по покладистости мы с ней схожи, — улыбнулась княжна.

Крупная мужская рука с длинными красивыми пальцами прошла от крупа до холки смиренно стоявшей лошади. Красивый мужественный человек и такая нежность в движениях. Картина завораживала. Лошадь мордой стала тыкаться ему в шею и Тодор весело, по-мальчишески засмеялся.

— Вот шалуныя! Стой, стой. Наверное хочешь на выездку?

— Да я только что её поставила. Пусть отдыхает до завтра.

— Если не возражаете, — он повернулся и серьёзно посмотрел ей в глаза, — я бы мог составить когда-нибудь компанию.

— Хорошо, поедем. Вы меня расхваливали. Вот и посмотрим, как ваш конь слушается своего хозяина. А сейчас извините, мне нужно идти.

Он промолчал и Любава, кивнув, вышла из конюшни.

В тереме её уже поджидала большая деревянная лохань, выскобленная добела и наполненная водой, благоухающей любистком и чабрецом. После скачек наперегонки с ветром, так хорошо было смыть с себя пыль и стать снова чистой и свежей.

Девушка попробовала рукой воду, хотя можно было бы этого и не делать. Дворянки знали толк в купании и температура воды была такой, какую любила княжна. Она быстро сбросила с себя одежду и ступила в воду. Пахло травами, было тихо. Любава почувствовала себя как в детстве: счастливой и защищённой. Ей почему-то хотелось и плакать и смеяться... Девушка от полноты чувств провела ладошками по воде, которая стала расходиться кругами, вокруг стройного тела. Потом, совсем не соответствуя приподнятому настроению, пришли другие мысли. Любава вспомнила слова Алекса о том, что не вольна она будет выбирать себе мужа. Сделает это за неё киевская княгиня и никто из бояр Ольге перечить не станет. Отдадут её, лишь бы их самих никто не тронул. Все, кто был верен Малу уже у предков. Остались немногие, и те захотят за счёт неё выжить, быть в милости у княгини киевской. Тогда народ древлянский не только дань будет платить, а станет просто маленькой частью, приложением к Киеву.

А сама она и княжить долго не сможет. Вот если бы была мужней женой, а потом вдовой, то княжила бы до совершеннолетия сына. Но у неё ни мужа, ни сына. И кто его знает, как поступят старейшины и бояре. Вернее всего, что посадят её на стол древлянский. Но заставят выйти замуж за выгодного для княжества нелюбимого, незнакомого человека. И она не вольна ничего сделать. Капелька солёной влаги капнула на спокойную гладь воды. А потом вторая, третья. Ах, Мал, Мал! Вот если бы ты был сейчас со мною рядом, то не ведал бы я печали. А росла бы в радости. И любимого моего ты бы одобрил, как одобрял всё, что я делала...

Любава плакала. Но сейчас плакать было можно, потому что никто не видел, как она кулачком вытирала глаза и хлюпала носом, жалея себя... За дверью зашелестели девичьи шаги, и прежде чем дворянка вошла в купальню, Любава вытерла слёзы.

Решение всяких дел города заняли первую половину дня, ну а потом Любава вспомнила о разговоре с Тодором и пошла на конюшню. Там её уже поджидал Алекс.

— Ну что, поедем, потренируемся? Но знай, что сегодня я положу тебя на лопатки, Любушка.

— А Тодора здесь не было?

— Вот его-то как раз и не было. Странно, — с улыбкой взглянул в лицо девушки, — о других ты что-то не вспомнила.

— Перестань, — равнодушно ответила княжна, — Это он вчера напрашивался со мной на выездку. А я согласилась, чтобы показать, что не слабее. Не отказываться же, тем более что сама это люблю. Наверное, другие дела помешали. Наши люди гостеприимные, так легко от них не отделаешься. А ты с каких пор таким смелым стал?

— А пока ты суды судишь да с боярами воюешь я руку набиваю, чтобы наконец и тебе преподать урок. А то совсем себя непобедимой считаешь, — ерничал Алекс.

— Ну и как, набил?

— А вот скоро сама и увидишь.

Пока они вели словесную перепалку, их руки тоже не ленились: запрягали лошадей. В этот раз Алекс первым вырвался на дорогу и передразнивая Любаву, закричал:

— Догоняй!

Девушка прикусила от досады губу и птицей взлетела на лошадь.

— Ну погоди, я тебя всё равно догоню. Научила на свою голову!

Алекс был уже на поляне, когда она подъехала туда.

— Ну что, сразимся и ты выиграешь поединок или я не так поняла?

— Своих слов я назад не беру, — усмехнулся Алекс.

Она быстро спешила и меч сразу оказался в руке. Алекс даже растерялся от быстроты её реакции, но тут же пришёл в себя и бросился в атаку. Княжна с лёгкостью парировала его удары, но прибегла к тактике обороны, чтобы как следует распознать его силы и сноровку.

Он сражался умело, не допуская явных промахов, а она ожидала именно их. И дождалась наконец. Парень сделал выпад влево и ей открылась возможность для удара, который она и не преминула сделать, остановив свой меч буквально в сантиметре от Алекса.

Алекс упал, но подбил ногой её ноги и она неловко приземлилась возле него, едва успев отвести меч в сторону, чтобы не поранить друга.

Вскочил и подал девушке руку. Любава руку приняла и быстро поднялась.

— Алекс, это было не честно, — нахмурилась она.

— А где ты видела бои, чтобы там всё было честно? — улыбнулся и сразу стал серьезным.

— Никто не будет ждать, пока ты встанешь, а продолжит бой. Будь готова ко всему. А вообще сестричка, сегодня прекрасный летний день, даже и драться не хотелось. Поедем домой или ещё немного побудем здесь? Я бы совсем не против поваляться немного на траве.

— Поваляйся конечно если хочется, только без меня. Я ещё немного проеду, а то и вправду скоро буду отставать от тебя.

— Прошу заметить, что ты уже стала отставать.

— Ты просто поступил нечестно, поехав вперёд, не подождав меня.

— Кто бы говорил... Ну ладно, лучше помолчу. Не гоже ведь с княжной ругаться.

— Вот и помолчи, помолчи...

Но Алекс не слышал последних слов, он упал в густую траву и раскинул руки. Так хорошо смотреть в чистое небо и думать, что покажется внезапно отливающее серебром тело космического корабля и приземлится недалеко. Он будет просто смотреть, как оттуда выйдут его друзья, бросится к ним, чтобы уже не расставаться так надолго никогда. "Только не забудьте обо мне" — мысленно попросил. — А я буду ждать сколько надо.

У Любавы было много мыслей в голове, одна мелькала за другой и потому княжна не сразу заметила фигуру всадника, которая маячила впереди. Подъехав поближе, девушка узнала Тодора и удивилась, почему он здесь.

— Ты не позвала меня с собой, Любава, а ведь обещала.

— Я подумала, что ты передумал и уехала с Алексом. У нас с ним постоянные во всём состязания. Он уже очень хорошо владеет мечом, ну конечно хуже, чем я, — похвасталась.

Любава не знала о чём говорить с таким взрослым, почти незнакомым мужчиной, а Тодор тоже не знал с чего начать разговор, чтобы не испугать девушку своим напором. Этого он боялся больше всего.

— Я хорошо знал твоего брата, — неуверенно начал он.

Девушка вопросительно посмотрела на Тодора, ожидая продолжения.

— Знаю как трудно тебе было, когда он погиб, трудно сейчас...

— Не надо обо мне так говорить. Пострадали все семьи, нет такого рода, где бы кто-то не погиб: отцы, братья, сыновья... Мне сказали, что ты вместе с Малом в Киеве был и видел собственными глазами как всё случилось. Мол, можешь обо всём этом рассказать... А я не могу этого слушать. Мне хочется узнать другое: где ты был в это время и почему погиб мой брат, а ты остался жить?

— У меня были на то причины.

— Какие могут быть причины? Вы уехали вместе, все заживо сгорели, а ты остался жив.

— Ну, извини, что не бросился в огонь.

— А я вот бы бросилась...

— Ну и чем бы это кому помогло? Сама бы просто сгорела...

— Значит ты просто трус?

— Нет, всё значительно проще: у меня есть сын... А не было меня с ними только потому, что не пошёл я в баню мыться, а отправился на торги, чтобы Ярополку гостинец из Киева привезти. Когда пришёл назад всё уже заканчивалось, даже криков не слышалось. Вот так всё и было...

Некоторое время они ехали молча и Тодор заметил, как украдкой девушка вытерла слёзы, а потом подняла голову и посмотрела на него.

— Я, наверное, была не права, каждый решает сам за себя.

— Знаешь, я ведь приехал сюда, чтобы вместе со всеми помянуть Мала и не думал, что могу кому-то ещё когда-то задать такой вопрос... Я не умею красиво говорить, я больше воин... Но... Не хочешь ли ты стать моей женой?

Любава потеряла речь от неожиданности, но через минуту пришла в себя и решила всё принять за шутку.

— Так-так... Наперегонки, значит, не получилось и решил вначале испугать.

У Тодора замерло сердце. Значит он так неприятен этой девушке, что только сам вопрос о замужестве с ним так её пугает? Зря он начал этот разговор сейчас. Уже понял, но было

поздно что-то менять. Назад время не воротишь.

— И правда боишься меня?

Любава поняла по его интонации, что это была не шутка и её захлестнула волна возмущения, но девушка постаралась придать своему голосу спокойную уверенность.

— Я ничего не боюсь, а замуж выходить пока ни за кого не собираюсь.

— Тогда просто успокойся и послушай, что я тебе скажу. У вас просто нет выбора. Сейчас, когда Киев так силён вам нужна поддержка всех древлянских городов.

— Она и так всегда у нас была, потому, что в единстве сила.

— Да, было так, но сейчас, когда все мы понесли большие потери, каждое княжество будет стараться зализывать раны отдельно, не пытаясь объединиться с другими племенами, чтобы не навлекать на себя гнев княгини. И снова так же исправно будут платить дань. И если кому то из киевских бояр покажется что отдали не всё, то они опять придут и заберут последнее, — со злостью в голосе закончил он.

Любава с интересом посмотрела на Тодора. Значит не она одна вынашивает планы мести Киев? Но замуж за совсем незнакомого человека? Да никогда!

— Я почему не пришёл к тебе утром. Мне сказали, что брат мой, князь Искоростеня умер от ран, а я займу его место в это такое беспокойное время. Я воевода, умею воевать и защищаться. Но как человек я слаб. У меня есть сын и больше кроме него теперь нет никого на свете. Сыну нужна мать и я прошу ещё раз тебя стать моей женой, а сыну моему — матерью.

Любава, как норовистая лошадь, взмахнула головой и только открыла рот, чтобы что-то сказать, как Тодор закончил свою речь:

— Это дело решенное. Старейшины и бояре дали своё согласие.

— Если дали, то пускай замуж за тебя сами и выходят! Как посмели без меня и за меня решать мою судьбу? Чтобы жить с человеком, надо его любить! А я тебя даже не знаю!

— Не обязательно любить, можно просто привыкнуть друг к другу, а потом может и любовь придёт...

— К тебе?! — Любава надменно посмотрела на мужчину. Да что он себе позволяет? И чтобы Тодор поскорее отвязался от неё выпалила:

— Никогда я тебя не смогу полюбить, потому что люблю другого.

— Можешь даже не говорить кто он. Я заметил, что вы очень близки с Алексом. Но мне ведомо мнение старейшин: они ропщут, что пришлый человек без роду и племени имеет на тебя большое влияние.

— А вот его я не променяю на всех их вместе взятых, — зло крикнула Любава и подстегнув лошадь бросилась вперёд, чтобы Тодор не увидел её слёз, которые застили глаза.

Обида, горечь, злость всё перемешалось и только в голове стучали маленькие молоточки: «Нет выхода, нет выхода, нет выхода"... Что же делать? Вот и случилось то, чего боялась. Ведь врала себе, что Подвизд ей безразличен, врала... Вот он — рядом. Руку протяни. Но уходит всё дальше и дальше. А придётся жить с нелюбимым человеком для блага древлянской земли... Или всё-таки сдаться на милость княгини — она ведь рада будет, если Любава станет замуж идти за Подвизда... Простой отрок, а смотри какой кусочек отломил. Ну и пускай бы думала. Зато ведь так милы объятия любимого... Мал... Останется не отмищённым как и все остальные, кто погиб. А она будет обниматься с любимым, забыв обо всём?

Тодор преследовал её, он видел, что девушка расстроена, потому немного поотстал.

Знал, что выхода у неё нет, и успокоившись, она все-таки сделает тот шаг, на который надеются бояре и старейшины, а больше их всех вместе он сам. Потому что это он сразу влюбился в эту маленькую княжну, а заполучить её можно было только через чувство долга перед Малом и народом деревским.

И вдруг увидел, что Любава несётся прямо на ветку, которая низко опустилась над дорогой. И как следовало ожидать, та выбила девушку из седла.

Тодор остановил жеребца и спешился. Его первым желанием было поднять девушку на руки, обнять, но вместо этого он опустился перед ней на колени и прислонил ухо к её губам. Слава богам, она дышала. Тодор тщательно и осторожно ощупал руки и ноги княжны, определяя нет ли переломов, но ничего плохого не обнаружил.

«Боги, она ведь могла умереть», — с ужасом подумал.

За эти несколько дней, когда впервые увидел её на поляне, шутливо дерущихся с Алексом, его захлестнуло волшебное чувство. И это чувство дало корни и начало расти. Но сам Тодор ещё не подозревал об этом. Он вначале насмехался сам над собой и утешал себя тем, что эта возникшая симпатия просто плотское влечение. Ведь каждый день видел её — такую статную и красивую. Естественно, что княжна должна была как-то занимать его мысли. Он волновался, ожидая её увидеть или любовался сменой эмоций на её выразительном лице, грацией её стройного тела.

Сейчас, как кажется никогда раньше в жизни, Тодор был напуган. Почему она не открывает глаза?

— Любава, — позвал негромко, наклоняясь к самому её лицу. — Любава, — повторил и похлопал её немного по щекам, но девушка в сознание не приходила.

— Очнись, милая, очнись! — просил он.

— Не нужно кричать, — прошептала девушка, открывая глаза, — очень болит голова, — притронулась к виску маленькой ладошкой.

— Лежи спокойно, я постараюсь тебе помочь.

Тодор только сейчас начал понимать, что имеет дело не только с красивой, желанной, но и сильной женщиной. Любава испытывала острую боль и при этом не жаловалась и не плакала, как это обычно бывает у девушек да и не только у них.

— Я боюсь сейчас тебя куда-то перемещать, поэтому полежи спокойно и помолчи.

Он подложил под голову свою накидку и поправил ей косы. А когда она закрыла глаза, украдкой коснулся губами волос девушки. И вдруг так некстати внутри вдруг разгорелся огонь желания. Тодор стал целовать лоб, щёки и наконец нашёл губы. Ох, как они были сладки и желанны.

О нет! Любава оттолкнула его, поражённая настолько, что забыла о головной боли.

А мужчина отвернулся, злой сам на себя, чувствуя себя похотливым, грязным самцом.

Девушка, оттолкнув его, села. Голова болела но уже не так сильно. Княжна медленно поднялась на ноги. Тодор не пытался даже помочь ей. Он встал и посмотрел ей в лицо, чувствуя себя очень неловко. Наконец промолвил:

— Прости, Любава, я потерял голову. Пора добираться домой, постарайся удержаться в седле.

Он подвёл ей лошадь и помог взобраться в седло. Каждый шаг отдавался болью в голове. Так они и ехали медленно, рядом, а Тодор ещё и придерживал девушку, когда она покачивалась в сторону.

— Извини меня, Любава. Если я уж так противен тебе, то не буду ни на чём настаивать

и мы скоро уедем.

Девушка молчала. У неё всё ещё болела голова и немного тошнило.

Алекс уже поджидал их. Он волновался, что Любавы долго нет и хотел уже ехать навстречу. А когда он увидел эту пару: высокого коня и крепкого всадника рядом с лошадьёю, покачивающуюся Любаву на ней, то вначале онемел, а потом ринулся вперёд, враждебно посмотрев на Тодора.

— Что ты с ней сделал? — прорычал.

— Не волнуйся, Алекс, со мной всё в порядке, просто я немного упала.

— Любава, нельзя немного упасть. Тебе плохо?

— Мне плохо, Алекс, но совсем не от того, что я упала.

Тодор, который ехал сзади, невольно слушая разговор этой пары, убеждался в том, что слухи и разговоры о близости этих двоих правдивы. И не зря старейшины так спешат найти мужа княжне, чтобы она не досталась человеку без рода и племени.

«Со мной она разговаривает не таким тоном, — ревность просыпалась в сердце Тодора. — Нет, я не откажусь от этой девушки! Даже если она любит и близка с этим парнем».

А Любава и Алекс о чём — то тихо разговаривали и искреннее соучастие звучало в голосе парня. Они демонстративно не обращали внимания на присутствие постороннего.

Приехав домой парень передал княжну дворовым девушкам и они охая и ахая повели её в опочивальню, уложили на ложе и напоили ромашковым чаем. Скоро девушка уснула и в этом коротком сне приснился ей Подвизд, ласково обнимавший её. Он шептал жарко: «Ох и мила ты мне Любава, вот так бы и не выпускал из своих объятий...». Но приходил Мал и укоризненно качал головой. Девушке так хотелось услышать родной голос, даже ругающий ей, она бы даже не сердилась... Но Мал молчал и только укор в его глазах охлаждал девичье сердце.

Тихая ночь. Звёзды рассыпались по небу, а за небольшим облачком прячет своё лицо луна...

Город спит. На валах, слышны шаги и тихие голоса. Там ходит стража. А в теремах, избах- темно и тихо. Только не спит кто-то в княжьем тереме: мерцает пламя свечи и отбрасывает на стену тень женщины.

Не спится Любаве. То калачиком свернётся, то выпрямится. Уже и подушку несколько раз взбивала и тихонько мурлыкала себе под нос нянькину колыбельную, а сон не шёл. Почему приснился Мал, чем он так был недоволен? Она вскинулась вся в холодном поту и с тех пор вот уже половину ночи не может уснуть.

Мысли, одна хуже другой не давали покоя. Девушка зажгла свечу на столе и стала возле окна. Тихо, тихо и только на воде реки лежит чудная лунная дорожка да всплески доносятся, это рыба играет или русалки хороводы водят, завлекая к себе, чтобы потом не отпустить. Любава вздохнула и чудная мысль мелькнула в голове: бросить бы всё и побежать к речным девушкам, стать с ними в хоровод и забыть обо всём на свете.

Любаве долго не спалось, и только за полночь девушка забылась коротким тревожным сном. Но лишь взошла денница по привычке открыла глаза. Немного понежилась на постели. А потом вскочила, плеснула в лицо холодной водой, посмотрела в свичадо: «Снова день, а в моей голове так ничего и не прояснилось». Провела гребнем по волосам, а они заискрились, пышным облаком легли на спину и укрыли её почти до колен. Девушка быстрыми движениями заплела косу и выбрала голубую ленту. Надела белое платье с позолотой возле выреза, опоясала талию красным пояском в тон накидки. Голова почти не болела, только стучали молоточки о наковальни где-то в висках. Как она могла так неосторожно нестись на лошади! И вообще для неё какие-то дни тревожные настали... Постоянно жди каких-то неприятностей. Ещё это странное предложение Тодора, которого она совсем не ожидала. Почему её хотят использовать как разменную монету в чьей то игре? Сначала отправили в Киев Мала, потому, что дескать так нужно древлянской земля, а теперь точно так поступают и с ней...

Только вошла в трапезную, ей низко поклонилась знать, которая уже поджидала. Но взгляд княгини натолкнулся на троих людей, которые только опустили перед нею головы. Это были посланцы Искоростеня.

Трапеза проходила в полной тишине. Слышен был только стук деревянных ложек о миски да приглушенное чавканье мужчин.

Девушка съела кусочек рыбы: аппетита совсем не было, потому что напротив сидел Тодор. Стоило ей поднять глаза, как она видела пристальный, вопрошающий его взгляд. Было неловко, казалось, что все замечали это явное внимание к ней. Алекс, сидевший рядом, с аппетитом поглощал еду, но заметив состояние княжны, наклонившись к ней прошептал:

— Ты как, голова болит?

— Ну да, немного, но лучше бы она болела сильнее, но только от удара.

— Принимай всё проще, сестричка!

— Ну я же всё ему вчера сказала...

— И особенно ему понравилась та часть, где ты сказала, что любишь другого. А он сразу видно решил, что ты имеешь ввиду меня. Теперь я один на один с ним встретиться боюсь. То

и гляди, что можно нож в спину получить, — попытался пошутить Алекс.

Но девушка оставалась серьезной и даже не улыбнулась.

— Будь рядом, Алекс. Меня поставили в известность, что Совет должен решить сегодня важный вопрос. И это странно, потому что обычно князь должен собирать Совет.

— Я знаю уже об этом. Вернее не знал, но сейчас думаю, что меня специально отправляют в соседнее село. Я ведь давно хотел посмотреть на работу резчиков, но только вчера мне сказали, что соседняя община готова меня принять и показать резные плиты. Поэтому сразу после трапезы я отправляюсь с двумя сельчанами туда.

Любава тревожно посмотрела на него.

— Не бойся, — продолжал шептать Алекс, — что может случиться за день? Завтра я приеду назад и потом поговорим. Она взяла под столом его руку и пожалала.

А в глазах мужчины, который сидел напротив, закипала ревность. Тодор, конечно, заметил перешёптывание Любавы и Алекса и чёрная игла доселе незнакомого ему чувства дырявила сердце и застилала глаза завистью при виде своего успешного соперника.

После трапезы собрался совет в гостиной зале. Чинно сели бояре на тяжёлые скамьи, а Любава заняла привычное для неё место на кресле возле окна. Окинув взглядом присутствующих, обратилась к ним.

— Здравы будьте бояре мои и все мужи. Дела народные как всегда собрали нас чтобы совет держать. Вначале. видя наших гостей из Искоростеня, которые собрались в дорогу, прошу их принять наши соболезнования. Я вчера узнала, что князь ушёл к предкам, как и наш князь Мал. Пусть боги милостиво примут этого человека, — она склонила голову и её примеру последовали все присутствующие.

— А теперь начнём наш совет. И как обычно я прошу остаться только жителей нашей земли. — С вызовом посмотрела на своих гостей. — Им нужно спешить. Народ искоростеньский ждёт их, чтобы достойно провести своего князя и увидеть нового.

— Нет, княжна, решение совета касается и их.

И тут в Любаве снова проснулась дерзкая девочка.

— И всё же я настаиваю на том, чтобы гости подождали наше решение за пределами этой гостиной. Думаю, что они не обидятся.

Те может и обиделись, но вида не показали, а склонив головы, вышли.

— Я догадываюсь, какие дела сегодня будут решаться. Вчера я уже краем уха слышала о них. Знаю, что вы без меня и за меня решили найти мужа мне. Ваша забота для меня лестна... Но, — голос её постепенно накалялся, — почему за моей спиной? Разве моя семья, а потом и я хотя бы раз шли вразрез с мнением большинства? Молчите? Тогда я скажу. Нет. Если вы считаете, что так нужно земле древлянской, то так тому и быть. — Голос девушки умолк на самой высокой ноте. Она была на грани срыва. Окружающие её люди знали Любаву с детства. Старшие были под началом её отца, те кто помоложе, дружили с её братом. Любили за мудрость не по годам, красоту девичью, сноровку воина.

И сейчас, видя как девушка мучается, большинство не понимали причин этого. Тодор был красив, богат, имел большую дружину, которая не пострадала так, как дружины других княжеств. Чего ещё надо этой девочке? Такой союз был необходим городам древлянской земли.

— Ты наша княгиня, — молвил седобородый старейшина, — и ты первая должна подумать о судьбе древлян.

— Но разве города древлянские не могут просто объединиться? — возмутилась Любава.

— Могут. Но залогом крепкого союза будет, да благословит это Лада и Купала, супружеский союз.

В зале воцарилась тишина. Все взгляды устремились на юную княжну. Последнее слово должно было быть за нею.

Любава думала... От Тодора она узнала мысли старейшин и ночью почти не спала. Размышления были о том, как уравнивать между собой долг перед своей родиной, выросившей и вскормившей её, и любовью, которую она больше не познает. Княжна воспитывалась воином и сама им была, поэтому на первое место ставила не себя... Но маленькую лазейку она всё же оставила.

— Я согласна, — по залу прокатился шелест одобрения. — Но вначале я хочу лучше узнать этого человека и потом решу.

— Они сегодня должны уехать, а человека никак нельзя узнать, если он далеко. Что делать будем, мужи? — снова подал голос старейшина.

— А ты, Любава, поезжай в Искоростень. Посмотришь сама, так ли ладна дружина там, или это только разговоры. Хороши ли укрепления. Да и от нашей земли поклонись праху князя погибшего. Вместе с нами ведь стояли против врага.

Девушке хотелось выиграть немного времени, а там может всякое случиться, и ей не придётся жить с нелюбимым.

— Хорошо, я поеду. Кто же будет в моё отсутствие вершить дела народные?

— Не волнуйся, княжна, езжай спокойно. Не навсегда же. Посмотри, присмотришь ко всему. Пойми, не заставляем тебя, но видим в этом выход.

— Тогда объявите ваше решение. Зовите искоростенцев.

Те, видно, ожидали в сенях. Вошли в залу в покрытых бархатом островерхих шапках с мечами у пояса. Нервничал Тодор, правая рука крепко держала рукоять меча, да так, что побелели костяшки пальцев. В его глазах был немой вопрос, которого он не мог скрыть.

Любава стояла и гордо приподняв подбородок, смотрела на вошедших.

— Желая укрепить наши земли перед наступающими опасностями мы принимаем ваше предложение об объединении наших усилий и наших дружин. И в залог образовавшегося союза мы отдаём вам нашу княжну.

Любава видела, как с лица Тодора слетела маска показного спокойствия и он широко улыбнулся.

— Но мы никогда не заставляем силой наших девушек выходить замуж. Есть закон, что умыкнувший девушку без её на то согласия будет наказан смертью.

Поэтому Любава, не связывая себя пока ни словом, ни клятвой поедет с вами в Искоростень. Если люб ей будет Тодор, то боги благословят этот союз, если же нет, то так тому и бывать. — закончил старейшина свою речь.

— По сему и быть, — выступил вперёд Тодор. — Правильное решение. Насильно мил не будешь. Пусть погостит у нас княжна. А вам, князьи люди, спасибо за приют и ласку. Чувствовали мы себя как дома. Но пора и честь знать.

Закипела работа в княжьем тереме: бегали дворовые девушки, собирали в дорогу Любаву. Чтобы и поесть и одеться.

Княжна стала искать Алекса, но он уже уехал. Она порою ему удивлялась: такой чудной. Всё парню было интересным. Разглядывался вокруг, во всё вмешивался, ко всему хочет приложить свою руку. Девушке необходимо было с ним встретиться, потому что эмоции переполняли, но парня в городе уже не было.

Выехали, когда солнце уже поднялось. Любава не привыкла за кем — то пыль глотать и поэтому вырвалась вперёд. К ней присоединился Тодор. Двое других немного отстали, видимо, чтобы дать молодым немного поговорить.

Молчит Любава. Не спешил начинать разговор Тодор.

Ветерок проносится над дорогой, захватывает своим дыханием росы и отряхивает их с тоненьких стебельков травы, которая облегчённо поднимает свои зелёные побеги к небу. Возле дороги, среди травы очень много цветов: особенно приветливы колокольчики — под копытами земля подрагивает и они кивают и кивают всадникам.

В траве стрекочут кузнечики, а в высоком небе завёл свою песню счастливый жаворонок. Дорогу перебежала лиса и остановилась кумушка посмотреть, это кто там пожаловал.

Но всадники ничего вокруг не замечают. Прядут свои мысли. У кого они с надеждою, а у кого печальные... Совсем заела тоска Любаву, так хотелось повернуть лошадь назад, но нельзя. Дала слово.

— Далёк ли наш путь?

Тодор встрепенулся. Ну слава богам, молчание прервано. Оно тяготило и чувство вины не покидало.

— Да нет. Скоро будем на месте.

— А что там? — показала девушка рукой. — Меня Мал брал в Киев, а севернее нашего города никогда бывать не приходилось.

— Тебе понравится, потому что всё такое же вокруг: леса, поля, озёра. Большие просторы.

— Да, земля у нас одна... Простор такой, что дух замирает.

Когда солнце стало в зените, всадники остановились и спешили под высокой могилой.

Воевода достал куски оленины, порезал и поджарил на костре, который они развели. Первый кусочек подал Любаве. И хотя кушать ей не хотелось, но не отказалась. Потому что от мяса очень так аппетитно пахло дымком. Поджаристая корочка поблескивала от выступавшего жира. Долго не сидели, хотелось побыстрее попасть в город. Но и шаг не ускоряли. Лошади не устали и чувствуя скорый конец путешествия, сами рвались вперёд.

Солнце уже начало заходить за верхушки деревьев, когда перед девушкой вырос город. Четверо всадников остановились и Тодор, взмахнув рукой, сказал:

— Ну вот мы и приехали.

Они въехали в ворота и направились по дороге к терему, отвечая на приветствия всех встречных.

В тереме открылась дверь и на пороге появился крепыш. И хотя как помнила княжна ему было три года, но выглядел он выше и крупнее своих сверстников. В карих глазах плескались хитринки.

— Папа, — малыш подняв руки кинулся к всадникам.

— Ярополк! — за мальчиком выбежала девушка. Она подхватила малыша на руки и остановилась, ожидая пока всадники спешатся.

Тодор соскочил с коня и сделал несколько шагов им навстречу. Мальчик протянул руки и буквально прыгнул к нему в объятия. Мужчина подхватил ребёнка, который сразу же маленькими ручками уцепился за него, и спрятал лицо у мужчины на груди.

— Соскучился, сынок? А куда это ты бежал?

Мальчик молчал. А за него ответила девушка.

— Места себе не находил уже два дня. Сегодня целый день высматривал в окно, а когда увидел, что вы заехали в город, то не смогла я его удержать.

Тодор передал девушке вырывающегося малыша, а сам повернулся к Любаве. Девушка сидела на лошади и с любопытством глядела на эту идиллию: отца и сына. На лице её блуждала улыбка, искрившаяся доброжелательностью.

Мужчина придержал лошадь и Любава легко соскочила с неё.

— Это Милана, моя сестра.

Та вопросительно посмотрела на Тодора. Ехал на тризну, а привёз с собой незнакомую девушку. И смотрит на неё так, что понятно — привёз неспроста.

— Меня зовут Любава, — не захотела ждать, пока её представят.

Княжна протянула руку и погладила мальчика по голове.

— Ну, а с Ярополком я уже знакома, — подмигнула мальчику, который с любопытством уставился на неё.

— Любава — сестра Мала и приехала проводить брата нашего в долгий путь к праотцам, — сказал Тодор.

Девушке понравилось, что больше он не рассказал ничего. Да и время было не то, чтобы говорить о будущем.

— Всё ли готово к тризне, сестра?

— Как будто. Но посмотришь сам. Надо ведь сделать всё как лучше, чтобы никаких обид у него на нас не было.

Любаве такое спокойствие показалось странным. Вспомнила, как тяжело сама переживала потерю брата, а здесь всё так спокойно-буднично. Она удивилась, что люди могут так контролировать свои чувства.

— Любава у нас немного поживёт, проведи её сестра в гостевую светлицу.

Милана передала мальчика няньке и взяв княжну за руку, повела в дом.

Тодор проследил за их уходом, повернулся и отдал распоряжение дворянам позаботиться о лошадях и ужине.

Любаве очень понравился этот терем. Он напоминал ей родной дом. Здесь были и гостиная зала, и трапезная, широкие переходы, опочивальни.

— Вот здесь ты можешь отдохнуть, — открыла Милана дверь опочивальни: светлой, богато убранной с зеркалами в окружении свечей в подсвечниках.

— А в том крыле покои брата.

Любава вошла в комнату, осмотрелась. Ложе было большое и так хотелось поскорее вымыться с дороги и зарыться в его перинах.

Милана проследила за взглядом Любавы.

— Это комната Заряны — жены Тодора. А вернее сказать. опочивальня княгинь. Здесь жила наша бабушка, а потом мама. Ну, а когда брат привёл сюда жену, то эти покои стала её. На этом широком ложе появилась на свет я и мои братья. Здесь родился и Ярополк, сын Тодора. Наш старший брат не был женат. Он всё больше времени отдавал княжеству, ведь был гораздо старше нас, а наследником так и не обзавёлся. Поэтому сама понимаешь, каким значимым событием должно было стать появление на свет человека, который когда-то продолжит наш род. Но случилось, то, о чём не могли даже подумать. Заряна умерла при родах... Ребёнок оказался слишком крупным для неё. А она была маленькой и хрупкой.

— А нельзя ли меня поселить в другую светлицу. Уж очень не хочется быть здесь. К

вашей семье я не принадлежу. А девушку мне откровенно жаль.

— Почему же нельзя. Просто это самая просторная и удобная комната. Боишься? Но ведь много времени прошло. — Удивилась девушка. — А впрочем, у нас много красивых комнат и конечно мы найдём такую, где тебе будет уютно и спокойно. Милана опустила голову и помолчав, добавила:

— Тодор очень любил её. Когда пришло время родов — не было на свете счастливее человека. Он обнимал меня, и шептал: «Представляешь, сестра. Скоро сын у меня будет. Сын от любимой женщины!». А когда Заряна не могла родить, и крики её раздавались всё чаще и чаще, отбиваясь от стен и возвращаясь от эха назад ещё более усиленными, он бегал из угла в угол, как раненый зверь, искусав себе от внутренней боли и тревоги за неё, губы. Я его таким раньше никогда не видела. Счастье, которое вначале изнутри высвечивало его померкло. Остались в глазах ожидание и надежда, которые потом сменились болью и ужасом, оттого, что ничего нельзя изменить и исправить. А когда ему сказали, что Заряны больше нет, он как-бы закаменел.

Тело за давними обычаями нужно было отдать огню, потому что только он может освободить человека от злых духов...

Пока готовили княгиню в последний путь — приказал изготовить помост. Широкий, просторный. Даже посмотрел сухие ли дрова, чтобы лучше горело кострище и всё что лежало с телом.

Милана села на краешек ложа и продолжила:

— Всё он сделал как положено для тризны. Вот только ничего не мог сказать собравшимся людям: разлука с женой валила его с ног, пропал от горя голос. Сидел возле костра, в котором горела его любовь и молчал, не спуская глаз с жены.

Милана вытерла слёзы и закончила.

— После тризны никто не видел Тодора несколько дней. Когда приехал, то это был уже не тот весёлый озорной человек. А состарившийся сразу на несколько лет мужчина. Много седины появилось в волосах...

— Так он её любил? — подала голос Любава.

— Очень! А вот сына считает причиной гибели матери. Долго не подходил к нему, не брал на руки. Только недавно начало оттаивать сердце и он понемногу стал впускать в него малыша. А мне Ярополка жалко. И матери нет и как бы и отца. Ой, заговорила я тебя совсем. Ты же с дороги, устала... Пойдём в соседнюю комнату, она не такая большая. Но довольно уютная.

— Да было бы хорошо, а то негоже мне жить в палатах княгини...

Милана как-то странно посмотрела на неё, но ничего не сказала. Решила, что всё расскажет Тодор, когда немного отдохнёт. Хотя ему конечно было сегодня не до отдыха. Ведь знали, что скоро предки позовут старшего их брата к себе — раны были смертельными. Но всё же смерть, а особенно смерть близкого человека всегда застаёт врасплох. Правда, князь как ни странно об этом думать, всегда мечтал умереть на поле брани, а не на ложе от старости.

Комната, куда привела её Милана, была немного поменьше первой, но такой же уютной и светлой.

— Сейчас прикажу принести воды горячей. А потом я приду за тобой, покажу трапезную. Ты же голодная, а я всё разговоры горожу, — всплеснула руками миловидная девушка.

— С дороги вымоюсь, а вот кушать не хочу. Спасибо тебе.

— Ну, если что надо — зови, — и Милана скрылась за дверью.

Любава села в кресло, подвинув его к окну. За спиной бегали дворяне, хлопали дверью, наливали воду, что-то тянули, но девушка не обращала внимания на эти звуки, потому что ещё и ещё раз вспоминала рассказ Миланы и чувствовала, что её неприязнь к Тодору постепенно исчезает, а на освободившееся место приходит сочувствие. Простое сочувствие к человеку, у которого случилась беда — потеря любимого и близкого. А это так было знакомо ей...

Любава повернулась лицом к комнате и увидела, что лохань с горячей водой уже ожидает её. Вещи тоже занесли и они заняли место там где и положено. Две девушки-дворянки стояли у двери, ожидая приказов.

Княжна, поблагодарив, отослала их. Она не привыкла к чьей-то помощи, всё делала сама.

Вода была тёплой. А главное в ней плавали любимые её травы — чабрец и любисток.

Девушка долго нежилась в воде. До тех пор, пока та не стала прохладной и лишь потом выбралась из купели. Насухо вытерла тело и нашла длинную до пола, тонкую шелковую сорочку. Надев её, нырнула под одеяло. Было мягко, уютно, но чужие запахи будоражили её, не давали быстро уснуть. А потом таки сон сморил и она уснула так крепко, что не слышала, как убирали воду, как потом забегала Милана, а поздно ночью зашёл Тодор, который сдерживая своё дыхание, долго смотрел на спящую девушку. Вот она тихонько вскрикнула во сне и он шагнул к ней... Тодору хотелось прижать её к себе и убаюкивать, чтобы она никогда, а не только во сне ничего не боялась, потому что он рядом и всегда защитит её.

Когда Любава повернулась на бок, мужчина быстро вышел из комнаты.

Девушка проснулась оттого, что кто-то был в её постели. Она это почувствовала по лёгкому дыханию возле своего уха. Резко повернула голову и её глаза встретились с большими голубыми глазами, которые совсем не сонно, а лукаво смотрели на неё.

Любава улыбнулась и вытянув из-под одеяла руку, потрепала задорный чубчик.

— Здравствуй, малыш.

Это был Ярополк, который каким-то образом, перехитрив своих няnek проник к ней в комнату.

— Замёрз? Иди ко мне.

Его не надо было просить дважды. Ребёнок послушно юркнул под одеяло.

— Расскажи мне сказку.

— Сказку? О чём же?

— О русалках.

— Ты знаешь о русалках?

— Ага, Милана говорит, что если я буду в лес с большими ребятами ходить, то меня там русалки найдут и защекочат...

— А как же ты, такой маленький в лес ходил с большими ребятами?

— Я и не ходил, они меня на спине по очереди несли...

— А что, так уж и не надо Милану слушаться?

— Да я слушаюсь. Слушаюсь, а потом как — то не получается...

— Ах ты маленький хитрюга... Давай я тебе не грустную сказку расскажу, как русалки непослушных мальчиков изводят, а про сороку-ворону. Хочешь?

— Конечно хочу, мне Милана о ней не рассказывала.

— Ну тогда давай ручку и слушай.

Мальчик доверчиво протянул ей ладошку и Любава начала считалку:

— Сорока-ворона на сосне сидела, деткам кашку варила: этому дала, этому дала, этому дала, — по очереди загибала малышу пальчики, — а этому не дала. Он лентяй, дрова не рубил, воду не носил. Полетели, полетели и на пузик дитю сели.

Отвернула одеяло и подула малышу на живот. Тот звонко засмеялся.

— Ну, а вот сейчас я тебя защекочу вместо русалок.

Ярополк с визгом на четвереньках, стал отползать от неё. Любава ловила его, прижимая к себе маленькое тельце.

Смеясь, они скоро превратили ложе в поле боя. Девушка под одеялом добралась до ребёнка, а он взяв в обе руки самую маленькую подушку, отбивался от «врага».

— Ах так, ах так! — запыхавшись, смеялась Любава, — сейчас погоди у меня, поймаю и укушу за ушко.

Девушка так переволновалась за последние дни, что эта отдушина в виде маленького мальчика, была как нельзя кстати.

— А давай и папу к нам позовём. Здесь весело и он тоже развеселится.

— Нет, твой папа очень занят и нам пора вставать. — Девушка откинула одеяло и вскочила на ноги. Любава подумала, что своим весельем они разбудили даже тех, кто сегодня хотел проснуться попозже.

— Да, я думаю, что могу поиграть с вами, — насмешливые искорки вспыхивали в глазах

Тодора, который стоял в комнате, облокотившись о косяк двери.

— Только не в это утро, — холодно сказала она, желая лишь одного, чтобы мужчина ушёл и позволил ей одеться. Оценивающий взгляд голубых глаз, блуждающий по её фигуре и плечам вгонял в краску.

Любава стояла, а полупрозрачная рубашка облаком обволакивала её тело. Груды упругими холмиками поднимали и опускали её в такт учащённому дыханию девушки.

— Сынок, ты пожелал Любаве доброго утра?

— Да, папа.

— И поцеловал её?

— Да.

— Как ты думаешь, а мне можно тоже пожелать хорошего утра?

— Да.

— Ну тогда иди ко мне, малыш.

Он протянул руки и Ярополк, смеясь, побежал к отцу.

Любава же села на кровать и быстро натянула на себя одеяло.

Ребёнок, которого мужчина держал на руках, дёрнув того за рукав, закомандовал:

— Хочу к Любаве.

Но Тодор удержал его и учтиво склоняясь сказал:

— Я прошу чувствовать тебя здесь как дома. Отдыхай, Любава. А мне нужно на совет. Люди заждались.

Когда Тодор вместе с ребёнком вышел, княжна мимолётно посмотрела в зеркало на своё лицо: оно горело, а глаза были растерянными.

Чуть позже, когда она оделась, вошла Милана: улыбчивая, свежая.

— Как он мог убежать от няnek? — сетовала девушка, — наверное разбудил?

— Нет, я встаю рано, с утренней зарёй. А уже ждут бояре и старейшины...

— Рассказал мне всё Тодор. О Мале я знаю. Ну что же, такая судьба мужчин — на кровати не умирают. А вот на молодые плечи власть — это хуже. Да ещё девушке. Тодор очень хороший. Но не так у него жизнь складывается и я рада что он обратил внимание на женщину. Ведь я и надежду потеряла, что буду иметь сестру.

— Я ведь ещё ничего не решила, — двинула плечом Любава.

— Ты полюбишь моего брата, — улыбнулась Милана. — Он этого заслуживает.

— Сомневаюсь я. Может и заслуживает, но трудно отдать сердце кому-то если в нём уже кто-то есть.

И она не только себя имела в виду, но и Тодора, в котором, и в этом она не сомневалась, горела ещё любовь к ушедшей от него так рано и неожиданно Заряне. Что же, люди и без любви могут жить вместе...

Когда солнце поднялось над горизонтом, всё было готово к тризне...

Сколько можно терять лучших людей, воинов, — думала девушка. В который раз за такое короткое время, ей приходилось присутствовать на таком печальном событии.

Видя состояние Тодора и вспоминая своё: тот ужас, который, как она думала, никогда не закончится. Свою боль за ушедшим от неё братом, она заметила даже некоторое равнодушие с его стороны к происходящему. Это девушку и удивило, и насторожило. Что же это за человек, так равнодушно провожающий в не возврат брата? И она, не утерпев, спросила:

— Тебе его совсем не жаль?

— Почему же, ведь он брат мне. Но мы всегда знаем, что всё так закончится: он воин, и всех нас ожидает подобная смерть. Только одних раньше, а других попозже. Зачем же печалиться? Он сейчас среди предков, а нам жить...

Любава понимала этот ответ, а вот принять его её юному сердцу было тяжело.

Но и этот день скоро добежал к концу и девушка радовалась уже тому, что печальная миссия её присутствия на тризне закончилась...

На следующий день никто её не потревожил и княжна наслаждалась спокойствием и одиночеством. Но длилось это не долго. Милана позвала Любаву прогуляться, чтобы показать ей окрестности. И уж конечно никак они не могли отвертеться от Ярополка, ходившего, буквально, по пятам девушек.

Поэтому, когда к крыльцу подвели лошадей, он протянул руки Любаве и она посадила его впереди себя, бережно придерживая. Наездницы неспешно двинулись вперёд.

Видно было, что ребёнок уже не раз сидел в седле, он не боялся высоты и с любопытством смотрел вокруг.

Остановились у излучины реки, в которой отражалось голубое небо. Девушки спешили, расстелили попону на берегу и усадили туда Ярополка, но он как юла не сидел на месте и уже через час захотел кушать. И только тут они вспомнили, что никаких съестных припасов с собой не взяли.

— Не хочется отсюда так быстро уходить. Но что поделаешь, раз ребёнок проголодался. — засобиралась Любава.

— Посидите немного без меня, а я скоро вернусь, — решила Милана. — Успеем ещё домой. Такой день хороший!

После отъезда Миланы, они ещё немного покачались по попоне, а потом девушка зашла в воду не глубоко, по колени. Вот хорошо было бы поплавать! А только оставлять такого шустрого малыша одного на берегу не хотелось. Она позвала его к себе. Но Ярополк немного трусил. Река казалась ему слишком огромной.

Девушка зачерпнула ладошкой немного воды и брызнула на Ярика.

— Догоняй!

А сама бросилась бежать вдоль берега, оглядываясь, побежал ли за ней малыш. Тот с криком и смехом семенил за ней. Любава остановилась, развернулась и отступив пару шагов назад неожиданно упала. Не успела подняться, как на неё сверху упал, смеясь, мальчик.

Они так заигрались, что даже не подозревали о присутствии постороннего.

Девушка поднялась, подхватив Ярополка на руки. Платье её было мокрым, она стояла против солнца и вся её точенная фигурка была на виду. Подняв голову, она наконец увидела Тодора, сидящего верхом на жеребце.

Желание светилось в его голубых глазах, которые стали почти синими. Это заставило девушку сделать шаг назад. Лицо её было испуганным.

— Ты нас искал? Случилось что-то?

Двое взрослых смотрели друг на друга. Её нежное, стройное тело действовало на него подобно дурману. Пламя, сжигающее изнутри, разливалось по телу. Тодор спрыгнул с коня и подошёл к девушке, стоящей рядом с его сыном.

Ярополк протянул к нему руки и он взял мальчика, неотрывно глядя в глаза Любавы. Потом поставил малыша на попону и снова повернулся к ней. Девушка медленно отступала, одёргивая прилипшее к ногам платье. Почему всё так быстро? Она ведь даже не узнала его больше, а уже страсть в глазах, которую она научилась распознавать. Ну что же, ей самой

было немного интересно снова пройти через те чудесные ощущения, что называются поцелуем. Любава знала, что никакой мужчина не будет её так целовать как Подвизд. Поцелуй, приносящий массу эмоций радости и непередаваемого блаженства.

Он протянул руку и коснулся её плеча. Любава остановилась, её сердце билось так, как будто собиралось выпрыгнуть из груди. Девушка сделала попытку хотя бы отодвинуться от него, но это ей не удалось. Тодор потерял всякий контроль над собой, когда его рот коснулся медовых губ Любавы. Каждый его нерв блаженно трепетал от прикосновения к этому теле, которое он обнимал. Его сильные руки прижали её стройное тело к себе и вдруг девушке захотелось, чтобы этот долгий пьянящий поцелуй не заканчивался никогда.

— Папа, тебя тоже Любава поцеловала? — прервал этот сладкий миг детский голосок.

Тодор очнулся, оторвал свои губы от нежных губ Любавы и удивленно осмотрелся. Ребёнок стоял возле него и дёргая за штанину, предложил:

— Мы возьмём тебя с собой побегать по водичке.

Тодор смущенно посмотрел на Любаву, которая уже успела отойти от него.

— Обязательно, сынок, побегаем. — Присел и погладил Ярополка по курчавой головке.

Услышав топот, вся компания повернула головы: к ним подъезжала Милана. Она сразу заметила и смущение брата и румянец на щеках Любавы, но не стала докапываться до сути вещей. Спешившись, девушка взяла корзинку с едой и подошла к ним.

— Тодор, ты голоден? Садись с нами, покушай, — предложила она.

— Нет, сестра, у меня ещё есть дела. Некогда мне засиживаться.

Он обращался к сестре, а глаза его неотрывно смотрели на Любаву. Вскочил на коня, махнул рукой:

— Вечером встретимся!

Пока Милана с Ярополком раскладывали еду, княжна вспоминала, то что произошло и чего она так не хотела. Но как оказалось, поцелуи Тодора были для неё далеко не неприятными. Они вызвали странные чувства, поднимали с глубин ощущения необыкновенно волнующие.

К своему сожалению, девушка вынуждена была признать, что как бы не сложились обстоятельства в будущем, она никогда не пожалеет о встрече с Тодором. И уже потом подумала, что поцелуи, оказывается совсем не одинаковы, но всё же довольно приятное занятие.

На следующее утро, проснувшись, Любава почувствовала какую-то необыкновенную лёгкость и радость на сердце. Найти причину было не трудно. Ей, как и каждой девушке, хотелось внимания к себе, чувства преклонения и восхищения. А это она постоянно стала видеть в глазах мужчин. Сначала Подвизда, а теперь Тодора. И если тот был юношей, отроком, то Тодор зрелым, опытным мужчиной и это ей даже льстило. Но девушка постаралась подавить эти чувства. И всё же почему-то одевалась с особенной тщательностью. Её пальцы дрожали, а на щеках пылал румянец. Внезапно осознав, почему она сколько внимания уделяет своей внешности, Любава внимательно посмотрела в зеркало

— Боги, какая же я дура!

Она сняла платье и надела то, что на ней было вчера. И никаких украшений, разве что скромный подарок ведуньи на шее.

Девушка долго расчёсывала свои волосы, а потом, разделив их на пробор, заплела две толстые косы, которые зазмеились по спине. Стеснялась увидеть Тодора, но потом всё-таки заставила себя выйти из комнаты и немного пройтись.

Слышен был невнятный гул голосов и девушка пошла на звуки. Вскоре она оказалась перед входом в гостиную, дверь которой была приоткрыта. Любава заглянула туда. Вначале её взору предстала большая комната с окнами, выходящими на реку. Стены были увешаны коврами, под ними стояли тяжёлые скамейки на которых сидели бояре. Что особенно понравилось Любаве и вызвало её улыбку, это доспехи, которые висели на стенах. Как и них дома. Потом её взгляд остановился на фигуре мужчины, который стоял посредине зала и что-то говорил под неодобрительный гул голосов. Она прислушалась.

— Послушайте меня, бояре, внимательно послушайте... Воеводил я много лет, что-то в делах военных понимаю, потому так скажу: беспокойное сейчас затишье. Все земли соседних княжеств приняли власть Киева. Остались только Древлянские земли да Северщина. Что-то замышляет Ольга... Не оставит она нас в покое. Я думаю, что нужно решить сейчас: пойдём под Киев и будем непосильную дань отдавать или будем собирать силы и союзников.

Бояре повскакивали со своих мест: одни что-то говорили, другие слушали, а потом перебивая говоривших делились своими мыслями.

— Есть ли у нас решение? — прервал обсуждения Тодор.

— Есть, — вперёд вышел невысокий крепыш средних лет. Мы, князь, считаем, что сил у нас для сопротивления Киеву мало. Будем жить как жили, а боги нам помогут. Сейчас печенеги на Киев рвутся, может Ольге не до нас будет, а там сил наберём да союзников побольше. Не войной на Киев идти, а чтобы видела она нашу силу и мощь..

— Ну что же, так тому и быть, — вынес решение Тодор.

Пока князь люди не стали выходить, Любава тихонько отошла от двери и пройдя по коридорам вверх вошла в свою светлицу.

Она понимала Тодора. Понимала его стремление к миру. Лучше плохой мир, чем хорошая война. Да, сил мало, даже если объединятся все древлянские земли. Но она обещала себе, что брат не останется не отмщённым и она своё слово сдержит. А это шло вразрез с решением, принятым боярами и утверждённым их князем.

Она очень надеялась на Тодора как на союзника, но оказалось, что никто не хочет ссориться с княгиней. А ведь он знал для чего ей, именно ей, нужен союз с ним.

И поэтому, когда князь, постучав, вошёл её комнату, посмотрела на него непонимающе и враждебно. А потом, скрестив на груди руки отвернулась к окну.

Тодор принял этот взгляд в свой адрес. Вчера после такой волнующей и неожиданной встречи возле реки, он как мальчишка не мог ни о чём думать, а только грезил Любавой. А оказывается его поцелуй не затронул девушку, а наоборот вызвал в ней враждебность.

— Любава, — тихо позвал он.

Девушка повернула голову и вопросительно посмотрела на Тодора. А так как была прямой и открытой, сама начала разговор с того, что её волновало.

— Извини я подслушала. Не хотела, но так получилось.... Мы что же так всё и оставим, забудем и простим? Как же все разговоры о союзе племён? Мести?

— Пока, да, — спокойно ответил Тодор. — Это затишье перед грозой. Потеря близких для нас большая горе. — Он замолчал и наклонил голову, — но поверь, что тяжелее всего перешагнуть через своё горе, чтобы не пострадали тысячи других.

— Но тысячи других уже убиты! — не сдавалась Любава, — как можно забыть об этом?

— А тысячи остались. Остались ещё старики, женщины и дети. Особенно дети, которых матерям-вдовам нужно ещё растить. Вот поэтому пока будем жить так как и жили раньше.

— Значит Киев поверит в свою безнаказанность и опять, если им дани покажется мало, придёт к нам через несколько дней за новой?

— Ты забываешь одно, что дань мы платим за то, что они защищают нас от врагов. Из неё они платят своим дружинникам. Ведь даром никто не служит и не охраняет народ.

— Врагов? О каких врагах ты говоришь? Ведь никто не пришёл к нам со стороны и не выкосил лучших наших людей... Да ещё как придумали, чтобы отослали к ним сватов — самых уважаемых древлян. Просто нас обезглавили.

— Ты забываешь о нашей вине. Даже не нашей, а старших братьев.

— Какая вина Мала? В том, что любил и послушался бояр?

— Мой, что заварил эту кашу с убийством Игоря. Потому то, что случилось — результат этого решения. Можно было ведь как-то договориться.

— С кем договариваться? О чём?

— Сейчас уже не знаю. Ведаю только одно...

— Лучше плохой мир, чем хорошая война. Я уже об этом слышала. А в чём вина Мала? Что поддержал большинство?

— В том, что пошёл на поводу своих чувств.

— Тогда что ты скажешь относительно своих? Раз всё так складывается, то мы спокойно сможем обойтись без союза с вами. Ведь, как я понимаю, будем платить дань и всё останется по старому. Киев нас будет защищать... Но какова тогда ваша роль? И зачем мне выходить за тебя замуж? — Она нашла хоть что-то хорошее для себя в этой ситуации.

У Тодора оборвалось сердце и ухнуло в безнадёжье вниз. Неужели он так ей противен, что сразу схватилась за спасительную соломинку?

— Силком любимыми не становятся, — взял себя в руки Тодор. И кивнув ей головой, вышел.

«С чего бы ему сердиться, — не могла понять Любава. — И Милана говорила и по нему видно, что любит он свою жену, а меня замуж звал чтобы укрепить свои земли...». А поцелуй, а его взгляды, которые вызывали на её лице яркий румянец? Боги, какая же она ещё неопытная в обращениях с мужчинами. И Подвизд не рассказав ничего о своих чувствах сразу же пожелал большего. Эти пламенные поцелуи, эти головокружительные ласки... Теперь для того же она понадобилась Тодору. Ведь ни слова любви не прозвучало, а сразу же — замуж... От этой мысли стало неуютно на сердце и как-то пусто.

Значит можно собираться домой. У неё в планах уже нет замужества. Но почему же нет радости от этой мысли?

А когда Любаве было грустно, она знала, что нужно делать. И сейчас, оседлав свою лошадь, с места рванула вперёд.

Вслед ей из окна смотрел Тодор. Во взгляде его была и нежность, и беспокойство и восхищение.

Любава гнала лошадь и та птицей перелетала через родники, поваленные деревья. Свобода манила девушку, а ветер охлаждал разгорячённую голову. И вдруг на полном скаку лошадь споткнулась. Копыто её угодило в нору и животное, неловко приостановившись, чуть не сбросила Любаву с седла. Девушка сама спешила, похлопывая, успокаивая, поглаживая животное по холке, а потом осмотрела ей ногу. Лошадь прихрамывала, очевидно получив небольшую травму. Девушка оглянулась. Совершенно незнакомые места. Куда идти, в какую сторону?

Любава повернулась назад и повела за собой прихрамывающую лошадь. Чем дальше она

шла, тем больше понимала, как далеко забралась. Они часто останавливались и Любава шептала на ухо животному ласковые слова, успокаивая и его и себя, теребила шелковистую гриву, но понимала что к заходу солнца в город она не успеет.

Вдруг послышался нарастающий топот лошадиных копыт и девушка вздохнула облегчённо. Кто бы это не был, она будет не одна.

Но ещё больше её обрадовало то, что это был знакомый человек. Даже очень знакомый. Тодор. А вот вторая её мысль огорчила. Не хотелось быть в лесу наедине с этим человеком.

Князь был удивительно красив и грациозен. Вышитая золотой нитью белая рубаха. Копна золотистых волос свободно спадала на высокий лоб и плечи. Синие глаза тревожно и пытливо смотрели на неё.

— Что случилось и почему ты ведешь за собой лошадь?

— Да вот она ногу поранила и потому движемся не быстро.

— К тебе приехали, а мне Милана сказала, что ты долго почему-то не возвращаешься с прогулки. Она стала волноваться, не зная, что ты прекрасная наездница. Но как видно, волновалась не зря. Устала?

— Не очень. А далеко ли до города?

— К утру может и подойдёшь, — пошутил.

Тодор соскочил с коня, перехватил поводья из рук Любавы и привязал их к седлу своего коня. Потом сел сам и без особого напряжения подняв под руки девушку, посадил её впереди себя. Они медленно двинулись вперёд. Всадник с девушкой, а позади прихрамывающая лошадь.

— Последнее время со мной одни неприятности происходят. Бабушка-ведунья уже бы сказала: готовься, деточка к большим неприятностям.

— Какие могут быть неприятности у молодой девушки? Ну парень бросил, ну мать выругала, что поздно пришла, — подсмеивался Тодор.

— Если бы такое случалось, я бы и не заметила...

Тодор знал, что эту смелую девочку, перенёсшую сколько испытаний, не надо жалеть, она его жалость не примет. Но сердце переполняла тревога за неё, хотелось обнять и защитить от всего мира. Он не понимал своих чувств. Ему до одури хотелось её раньше, а сейчас это чувство соседствовало с другим. Необыкновенной нежностью к этой юной девочке. Это была, наверное, не любовь. Он знал это чувство, пронёс его через себя. Любовь сгорела вместе с Заряной... Но тогда что же с ним происходит?

Любава слышала как беспорядочно стучит сердце Тодора. Она попыталась отодвинуться от него, но внезапно почувствовала его твёрдые, горячие губы у себя на шее. Потом эти губы проделали цепочку поцелуев к её уху, которое моментально откликнулось на эту ласку и зарделось. Девушка не хотела никаких поцелуев, боясь потерять над собой контроль и снова попасть в негу этого безумно приятного занятия. Любава повернула к Тодору лицо, чтобы попросить не делать этого и столкнулась с жаркими губами. Его руки приблизили к себе не очень-то сопротивляющееся тело. Девушке было очень приятно и уютно в его объятиях. Под нежной лаской чутких пальцев, Любаве становилось жарко. Она понимала, что должна его остановить и накрыла его руку своей, перехватив запястье, но потом пальцы почему-то разжались.

— Любава, ты такая прекрасная! Я сколько раз представлял тебя в своих объятиях, — прошептал Тодор. Его взгляд притягивал, манил.

Девушка ощутила дрожь в его теле, когда подняла руку и провела по светлым завиткам

волос.

Его взгляд — пристальный, глубокий, будоражил. Ей хотелось коснуться маленького шрама над левым глазом и она провела по коже нежным пальчиком. У Тодора возникло такое чувство, будто его с размаха ударили ниже пояса.

Отблеск горячих неистовых страстей, который она заметила ещё при первой встрече, вспыхнул ярким пламенем.

Губы Тодора захватили её уста целиком, у него вырвался хриплый стон. Мужчина слегка сжал её лицо ладонями и она почувствовала, какая сила таится в его объятиях, ощутила твёрдые мускулы его бёдер. Волнующее тепло разлилось по телу. Девушка вздрогнула. Никто и ничто не вызывало такого неведомого ей отклика.

— Любава, — услышала она его шёпот, в котором слилась настойчивая мольба, желание и страстное влечение. — Любава.

Девушка приглушено охнула, когда его рука нежно сжала её грудь. Она чувствовала его горячую ладонь сквозь тонкую ткань платья. Но заставить себя отстраниться не могла. Тело не слушалось разума. Твёрдая мужская плоть уперлась ей в бедро. Любава закрыла глаза. Ей казалось, что она погрузилась в какой-то сладкий сон. Вдруг она ощутила, как он отодвинулся от неё, рука опустилась на талию, а губы перестали её ласкать.

Любава открыла глаза и затуманенным взором посмотрела на Тодора. Как? Вот только что она плыла на волнах блаженства. Женская интуиция подсказывала, что дальше должно было быть что-то ещё лучше, возвышеннее, прекраснее. Она встрепенулась. Почему он прервал ласки, такие необходимые ей сейчас? Её глаза вопросительно смотрели в синие омуты, в которых ещё пылала страсть, готовая сжечь.

— Извини, Любава... Я пытался себя удержать, но ты сейчас так близко ко мне, что я еле себя превозмог. Я не беру девушек против их воли. Ты не хотела меня и я это видел. Ты мне сказала, что любишь другого. А сейчас моя похоть немного зажгла тебя. Вот и всё. Потом бы ты меня возненавидела, а я этого не хочу.

Девушка подняла к нему лицо и приоткрыла рот сказать, что...

— Молчи, я ведь всё понимаю. То что ты поддалась моему желанию может быть порывом благодарности за то, что я приехал сюда. Это подсознательная реакция. Извини меня, девочка.

Любава приходила в себя. Она удобнее села в седле и оглянулась. Они уже давно стояли на месте, кони пощипывали траву, ожидая когда эти двое снова позволят им тронуться в путь.

Ну что же, она ему ответит тем же. И пока Тодор отвязывал поводья от луки седла, провела пальцем по линии его скул. Потом, чувствуя себя в полнейшей безопасности, положила ладонь ему на грудь, с наслаждением ощущая крепкие мышцы под сорочкой.

— А ты сильный и крепкий.

Она посмотрела ему в глаза и подняв голову, зубами мягко сжала его нижнюю губу. Огонь, запыхавший в его взгляде, сверкал ярче, чем звёзды. Она ясно увидела опасность и только тогда отстранилась.

— А я всё стараюсь доводить до конца, — и резко повернула голову вперёд. — Поехали.

«Не знаешь ты, девочка, какой может быть у всего этого замечательный конец», — пронеслась мысль в разгорячённой голове Тодора. — А может знает? — напомнила о себе ревность.

Так молча они и доехали до города. Тодор отвёл хромавшую кобылу в конюшни, а Любава вошла в хоромы. И каково же было её удивление, когда навстречу ей показался Алекс. Она хотела даже глаза рукой протереть...

— Да я это, я, — смеясь, он подхватил её и закружил.

— Пусти, Алекс, пусти... — ей показалось неудобным, что молодой парень поднял её на руки, как маленькую девочку.

Вдруг Алекс перестал смеяться и остановился, глядя на входную дверь. Оглянулась и Любава. Там стоял Тодор, хмуро глядя на эту счастливую парочку.

Алекс не стал дожидаться вопросов, а сам объявил о причине своего приезда

— Тодор, извини что мы приехали как незваные гости, но на это есть причина: прибыли послы от княгини Ольги, хотят видеть Любаву.

Тодор молчал, неодобрительно глядя на Алекса. Любава вздёрнула плечом о гордо подняла голову.

— Они объявили о цели своего приезда совету?

— Нет, сказали что поведают об этом тебя лично. Поэтому совет направил за тобой воеводу и дружинников, а я увязался за ними. Это другой город и мне тоже захотелось на него посмотреть.

— Когда Любаву ждут в Малине? — наконец подал голос Тодор.

— Попросили не мешкать с этим. Я думаю, что завтра с рассветом нужно собираться. Ты не против, сестрёнка? — повернулся к Любаве.

— Это твой брат? Я не знал, что у Мала был ещё брат.

— Нет, Алекс мне не кровный брат, а брат по духу. Он для меня сейчас самый родной человек.

Как хотелось Тодору когда-нибудь услышать эти слова из уст такой очаровательной девушки. Опять хлопнула дверь, и в комнату ворвался Ярополк, который на бегу уткнулся Любаве в подол. Девушка присела на корточки: на неё смотрели хитрющие голубые глаза.

— Ты куда бежал?

— К тебе, — и немного помолчал. — Я соскучился. Пойдём, ты расскажешь мне сказку.

Любава улыбнулась и погладила его по головке.

— Обязательно расскажу, но сейчас мне нужно поговорить с моим другом.

— Алексом?

— Ну да. Ты с ним знаком?

— Конечно знаком, — улыбнулся Алекс, — мы с ним битый час в прятки играли. Маленький, а такой шустрый!

— Я не маленький, — надул малыш щёчки. — Правда, папа?

— Правда, сынок. — Тодор присел и протянул руки к ребёнку. — Пойдём со мной. Алексу и Любаве нужно поговорить.

Он подхватил сына на руки и кивнув головой гостям, вышел.

Любава поднялась и взяла Алекса за руку.

— Ты голоден?

— Нет, нас хорошо покормили.

— И я есть не хочу. Пойдём к реке там и поговорим. Хочется домой, а ты расскажешь,

что у нас нового.

— Любушка, нового ничего не случилось за этот совсем маленький промежуток времени, — удивленно на неё посмотрел.

— Всё равно соскучилась...

Они пошли к берегу небольшой реки, которая спокойно несла свои воды к седому Днепру. Среди высоких кустов стояла старая верба со сбитой Перуном верхушкой, а на ней поселилось семейство аистов.

Недалеко от дерева на зелёную траву упал Алекс, широко раскинув руки, а Любава села аккуратно распрямив платье.

— Хорошо то как! Где ещё есть такая природа и такой чистый и свежий воздух?

— Ах, Алекс, природа везде одинакова, — нетерпеливо ответила Любава. По правде говоря её совсем не это интересовало.

Но Алекс продолжал, глядя в небо и жуя травинку.

— Нет, Любушка. Есть разные края и разные люди. Есть океаны, пальмы, острова. А есть холодные земли с белыми медведями, огромными кусками льда, которые во много раз больше вашего городища. И они плавают там, где холодно. Но бывает приплывают к тёплым местам в океанах и там тают. Вот такие места...

— Не может быть такого. Врёшь Алекс, чтобы меня подразнить. Наша земля как кусок льда сама плавает.

— Как плавает? — не понял Алекс.

— Земля плавает в океане на четырёх больших рыбах.

— Любушка, ну представь какая большая должна быть эта рыба.

— Очень большая, — не сдавалась Любава. У неё проснулся интерес к разговору, хотя изначально хотела расспросить о совершенно другом. Но узнавать что-то новое или рассказы о том, чего она знает, ей очень нравилось.

— А что же над нами? — Алексу было интересно узнать о взглядах предков.

— Небо — океан на котором живут Перун, богиня Лада... А там, — Любава показала на запад, — есть чёрный, чёрный океан и туда днём прячутся звёзды, а ночью — солнце. А на небе есть ещё ладья судьбы. Она ни на минуту не прекращает свою работу.

— Какую же? — заинтересовался Алекс, повернув голову к девушке.

— А ткёт она полотно. И нитей в руках сколько, сколько всего людей. И каждая ниточка привязана к звезде. Бывает нить обрывается и звезда падает. Значит умер человек. Если нить крепкая — хорошая судьба. Но бывает и нить крепкая, а судьба всё равно плохая... — со слезой в голосе закончила Любава и наклонила голову.

— Снова Мала вспомнила?

— И Мала и отца, и маму.

— Но ты же маму не помнишь.

— Я её не знаю, но она часто приходит ко мне во сне. Только молчит. Улыбается и молчит... Но всё равно, когда я просыпаюсь мне хорошо и легко на сердце... А ещё я думаю, Алекс, что земля наша похожа на большое дерево, на ветках которого сидят птицы — это те люди, которых уже с нами нет. Ствол — это наш мир. А корни — темнота, куда отправляют боги тех, кто делает плохо. Когда я смотрю на птиц, я думаю, что среди них есть мои родные.

— Иди ко мне, — Алекс уже сидел возле девушки. Он приобнял её за плечи и придвинул к себе поближе. Ей было спокойно и уютно под его сильной рукой.

— Алекс, ты не знаешь, мне правда срочно нужно уезжать отсюда?

— А ты бы ещё хотела здесь побыть? Ой, девица, не понять мне тебя. То с трудом сюда выпроваживали, а сейчас домой ей не особенно хочется. И видя, как зарделась Любава, спросил: — Нравится он тебе?

— Кто?

— Ну о ком я могу спросить? Не о Ярополке, конечно. Этот парень кому хочешь понравится. Конечно, меня интересуют твои мысли о Тодоре.

— Я не знаю, Алекс. Правда не знаю. Но мне стало казаться, что с этим человеком я давно знакома. Он какой-то близкий. Мне с ним хорошо.

Парень вопросительно и недоуменно посмотрел на неё. Совсем недавно эта девочка рассказывала ему с такой нежностью в глазах о киевском отроке, а сейчас она почти так же говорит о другом... Вот пойми этих женщин!

— Ты знаешь, сегодня в лесу захромала лошадь и я даже растерялась. Леса я не боюсь, ты же знаешь, но ведь места незнакомые. Но он нашёл меня...

— С твоей стороны это может быть чувство благодарности. Или тебе нравится, что проявляет свою симпатию человек старше тебя, опытнее.

«О да, мы умеем девушкам, особенно молодым, задурить голову и смотреть как они, раскрыв рот, слушают все наши бредни. Говорят же, что женщина любит ушами. Но не скажешь же об этом... Пусть сама разберётся в своих чувствах. Она девушка умная, да и Тодору видно что нравится, а не просто тот добивается одного. Да и мне будет поспокойнее, когда улечу домой. Он такой что защитит, поможет ей».

— Я думала, что это просто будет деловой союз, но когда он меня обнял, то появилось такое чувство...

— Вроде бы ты обнимаешь меня, — продолжил, улыбаясь Алекс.

— Нет, нет ты не понимаешь... Это как-то по другому...

— Помнишь, мы с тобой говорили о двух половинках? Вот если поймёшь что это так, значит тебе в жизни повезло.

— Ах, как бы вот только это понять...

Вечерело, надо уже было возвращаться в терем. Любава пошла искать Тодора, чтобы обсудить с ним вопросы завтрашнего отъезда. Его нигде не было и она решила заглянуть в единственное место, где ещё не была — в опочивальню князя.

Она постучала в дверь, но никто не ответил. Девушка приоткрыла створку и заглянула.

На широком ложе кто-то лежал. Любава подошла поближе и увидела спящего Тодора, а возле него, положив свою курчавую головку на грудь отца спал сын. Взгляд задержался на мужчине и её почему то охватила удивительная нежность к этому человеку. Прядь светлых волос закрывала широкий лоб. Во сне его лицо казалось мягче и доверчивее. А на чувственных губах лежала лёгкая улыбка. Не сознавая того, что делает, Любава протянула руку и нерешительно коснулась пальчиком его верхней губы, улыбнувшись при этом. Потом позволила себе погладить его щёку, наслаждаясь упругой кожей, нежно провела пальцем по шраму над левой бровью и отшатнулась, когда он открыл глаза.

Тодор не мог понять: это явь или сон. Только что, во сне он видел Любаву, прикасался к ней и вот она, напротив. совсем близко. Только протяни руку.

Мужчина попытался быстро встать, но на нём спал, сладко посапывая, сын. Поэтому он тихонько, чтобы не разбудить Ярополка выскользнул из кровати. Ещё раз посмотрел, не разбудил ли малыша... Но тот, намаявшись за день, крепко спал.

Тодор вопросительно посмотрел на девушку.

— Мне нужно ехать, — пролепетала она, пряча глаза.

— Я так понимаю, что союз наш не сложился.

— Нет, почему же. Наши города объединятся, если понадобится.

— Любава, я не о том спрашиваю. Меня интересует, что будет с нами. Тобой и мной.

— Не знаю, боги решат. А как решат так и будет. Мне же нужно время, чтобы разобраться во всём.

Она искала причину для встречи, но такую, чтобы не ущемить свою гордость и нашла, как ей показалось достойную.

— Я тебя прошу: лошадь моя далеко не уйдёт. Если подлечится, отправь мне её. Ладно?

— А может сама приедешь за ней, когда решишь все вопросы?

— Я очень благодарна за гостеприимство. У тебя хороший дом, просторные луга, красивые леса. Мне очень понравилась твоя семья — сестра и сын.

— Знаешь чего я сейчас хочу больше всего на свете? Сына от тебя.

Любава зарделась, опустила глаза. Зачем он это сказал? У него есть сын и жива ещё любовь к жене. Знала на примере брата, что любовь, если она есть, не проходит никогда. А жить с женщиной, когда у него ещё перед глазами та, которой уже нет, наверное нельзя. Хотя, как могла только себе признаться Любава, мужчина успел стать за такое короткое время знакомства почему-то таким родным и желанным.

Видя румянец на щеках девушки, Тодор подумал, а правда ли она такая скромница или умеет притворяться. Не может девушка с такими глазами притворяться... Но ведь зов моего тела, моей плоти она почувствовала.

Мысли бредили Тодора, не давали ему покоя.

— Ты. безусловно, человек твёрдый, сильный и у тебя есть честь. Я понимаю, не маленькая, что ты мог воспользоваться моей слабостью, моей неопытностью, но не сделал этого, — как будто читала его мысли и отвечала вслух на них.

Искренность слов потрясла его до глубины души.

— Я думаю, что мы ещё увидимся.

Когда за Любавой закрылась дверь, Тодор ещё долго стоял, прислонившись к косяку двери.

Рано утром Алекс, наскоро позавтракав, вышел на улицу. Хотелось из душного терема окунуться в свежесть раннего утра.

Возле леса, он увидел отблески огня и обеспокоено спросил у проходящей рядом Миланы не пожар ли это.

— Нет, ну что ты, — улыбнулась девушка, — это руду варят. Из которой металл.

— Ну что, собрался, Алекс? Пора домой, — торопилась Любава в городище. Не хотелось задерживаться, ведь для чего-то послы приехали. И понятно, что не с хорошими вестями.

— Любушка, я немного задержусь, а потом нагоню. Ладно?

— Ой, Алекс! Снова что-то заинтересовало или наконец кто-то?

Но он не дослушав её вопроса заспешил куда-то. Парню уж очень хотелось посмотреть, как выплавляли железо. В Малин из Киева привозили куски металла, а здесь оказывается его варят.

Большие горшки, по всей видимости вылепленные из красной глины, с дырочками по низу стояли на костре.

— Эй ты, чего высматриваешь? — возле Алекса стоял невысокий мужичонка и тоже с любопытством оглядывал парня.

— Пришёл посмотреть, как железо варят.

— Эка невидаль, у нас давно это дело. Ты наверное гость из Малина?

— Ну да... А что это за горшки?

— А, — воодушевлённо начал мужичок, — сюда выкладываем руду и уголь.

— Да откуда же они у вас здесь?

— Руду осенью заготавливаем, когда в поле работа закончится. Её искать в болотах надо, возле берега, а потом подсушиваем. А уголь у нас древесный — выжигаем из дуба.

— А разве он может дать такую температуру, чтобы руда стала жидкой?

— Мы ещё сухие полена подкладываем. Вот я здесь целую ночь то и делаю, что поддерживаю под домницами огонь.

— А сколько же времени для этого нужно? — Алекс ходил кругами возле варева.

— Несколько дней. Потом домницу разбиваем, а там уже кусок железа. — Мы же только делаем, но без помощи Сварога никогда бы не получилось.

Алекс переубеждать никого не собирался, его интересовал только процесс металловарения.

— А где же эта руда находится?

— Не знаю я. О местах только кузнец ведает. Где-то выше на север, где осины и берёзы. Я только помогаю — дрова подбрасываю, чтобы костры не погасли.

— А вот те дырочки зачем?

— Мехами воздух задуваем, чтобы лучше горело, — словоохотливый мужичок наверное соскучился по человеческому общению.

— И как же вы всему этому научились?

— А вот этого я не знаю. Ещё мальчишкой был, а кузня уже стояла. Вот она, — кивнул в сторону.

Оттуда слышались ритмичные удары.

— Там уже кто-то работает? Так рано. — Удивился Алекс.

— Да это наш кузнец. Работы много. Кто лошадь подковать приведёт, кому-то щит понадобился. Он и крючок на рыбу может, и иглу выковать.

— Я пойду посмотрю?

Тот уныло кивнул, жалея, что теряет собеседника и снова придётся сидеть одному. Алекс поспешил в кузницу.

Посреди комнаты стояла большая открытая печь, наполненная жаром, а над нею — меха.

Возле огня колдовал высокий мужчина. Он вначале накалил что-то над жаром, потом поднёс к наковальне и постучал молотом.

Кузнец был высоким. с жилистыми руками. Пот струйками стекал с его обветренного лица. Длинные волосы перехвачены сзади лентой.

Мужчина почувствовал чьё-то присутствие и повернул голову к двери, вопросительно посмотрев на Алекса.

— Здоров будь. Помогай тебе Сварог.

— Здоровья и тебе. С чем пожаловал, незнакомец? — Мужчина уже продолжал работу.

— Позволь посмотреть.

— Здесь не диво, чтобы смотреть. А помочь можешь. Видишь меха? Поддай немного

воздуха, чтобы огонь разгорелся.

Алекс сделал то, о чём его попросили, но руки работали, а глаза смотрели. Вот кузнец постучал по красному раскалённому железу, опустил его в воду и оно обижено зашипело, остывая.

Но мастер не дал ему остыть, снова накаляя до красна и продолжая ковку, чтобы это стало... Серпом, — догадался Алекс.

Кузнец положил готовое изделие в воду и вытер пот со лба.

— А можно я попробую? — осмелился попросить Алекс.

— Чего же, попробуй.

Алекс взял в правую руку молот, а в левую заготовку.

— Ковать что будешь? — искорки смеха зажглись в карих глазах.

— Ну серп, наверное...

— Ты из этой заготовки нож сделай. Сможешь?

Алекс уже накалял кусок металла, а потом старался сделать так всё, как делал кузнец. Тот ему не мешал, а только поддерживал температуру в горне, раздувая меха. У Алекса получилось что-то отдалённо напоминающее лезвие ножа. Он посмотрел на своё изделие и смущённо улыбнулся.

Крупная рука перебрала у него молот, а вторая то, что называлось ножом и через некоторое время, после вмешательства кузнеца это и вправду стало походить на лезвие ножа.

— Вот, возьми. Сделаешь рукоятку и будет у тебя полезная крепкая вещь.

— Спасибо за подарок. Тяжёлая у тебя работа.

— А работа лёгкой не бывает. Да и живу я благодаря ей. Сделаю что заказывают и приносят в оплату кто мёд, кто зерно... А бывает и гривну или куну. Без железа сейчас нельзя. Вот и идут люди ко мне.

Алекс шёл к терему и любовался подарком.

«Приятно что-то делать своими руками, — улыбнулся, — хотя так мало в этом изделии моих рук».

Потом вспомнив, что нужно нагонять Любаву, ускорил шаг.

Княжна спешила, эта неопределённость и неизвестность мучила её. Почему Киев прислал к ней посольных, чего ещё хотят? Пора было отправляться в дорогу, а Алекс куда-то запропастился. Зная непонятное для неё любопытство парня ко всему, что его окружало, она не волновалась, но всё же время поджимало. Вошла в терем. Туда заглянула Милана, держа за ручку Ярополка.

— Жаль что тебе пора ехать. Ты мало побыла у нас, — сожаление звучало в голосе девушки.

— Я и сама не думала... Но что же делать. Иди ко мне, малыш.

Любава нагнулась и протянула руки. Ребёнок с радостью пошёл к ней, обнял её своими ручками и прошептал:

— Не уезжай... Ты такая весёлая. — В голосе его начали звенеть слёзы.

— Нельзя плакать, а то придёт коза и забодает.

— Какая коза? — заинтересовался Ярополк.

— А вот такая. Идёт коза рогатая, идёт коза бодатая, — двумя пальчиками постучала его по животу, — забодаю, забодаю, забодаю...

Ребёнок зашёлся счастливым смехом.

— Значит ничего у вас с Тодором не получится? — в полупшепоте вопрос. — Знаешь, он

как-будто посветлел. Я его давно таким не видела, своего брата.

— За нас решают боги, — вымучено улыбнулась Любава.

— И люди тоже, — мужской голос вмешался в их разговор.

Девушки не видели, когда подошёл Тодор. Милана подхватив на руки Ярополка и пообещав ему сделать козу, зашла в сени.

Тодор и Любава смотрели друг на друга. Первой нарушила молчание девушка.

— Ну вот я и уезжаю. Хотела увидеть тебя в последний раз перед отъездом. Почему? Не знаю. Возможно ещё раз за всё поблагодарить.

Девушка заметила тёплые искорки в глазах Тодора и вздрогнула, когда тот осторожно коснулся её щеки кончиками пальцев. Обвёл контуры её рта, ощущая его влекущую полноту и собственный неукротимый порыв почувствовать эти губы на своих... Внезапно он взял лицо девушки в свои ладони, наклонил голову и поцеловал её. Поцелуй был нежным, неторопливым. Глаза Любавы закрылись. Она снова чувствовала себя в безопасности. Её обдало жаром, все эмоции обострились. Ведь представления не имела, что обыкновенный, нежный, спокойный поцелуй может так вскружить голову. Её тело медленно расслабилось, прикикло к Тодору. Тот застонал, заключил Любаву в объятия и крепко прижал к себе. Его губы стали осыпать поцелуями щеки, подбородок, брови, коснулись мочек уха.

Её тело реагировало на каждое его прикосновение. Внезапно девушка опомнилась и попыталась высвободиться из его объятий.

— Это неправильно.

— Почему же неправильно? Я ведь чувствую, что мои поцелуи тебе небезразличны, — прошептал Тодор.

Он читал в её глазах нежность. Или это только казалось... Почему они встретились? В то время, когда у него в груди пустота и боль, а в её маленьком сердечке почти то же. Кто им устроил это, какие высшие силы облюбовали и решили соединить эту пару таких близких людей?

— Я приеду к тебе, Любава, — взял её за тонкие пальчики и приложил к сердцу.

Алекс, под впечатлением от увиденного на кузне, влетел в комнату и увидел покрасневшую Любаву рядом с Тодором.

Не хотелось мешать этим двоим в их расставании и он вышел.

— Алекс, — за ним выскочила Любава, — ну что, готов? Будем ехать.

Она повернулась к Тодору, Милане и Ярополку. Ручки малыша тянулись к ней. Девушка взяла и просто поцеловала его ладошки. Улыбнувшись, поцеловала Милану, а потом посмотрела на Тодора.

— Ну прощайте. Пусть боги благоволят вам.

Оседланные лошади уже поджидали своих всадников.

Когда за поворотом показалось городище, Любава тихонько вздохнула. Опять каждодневные заботы, хлопоты... А там она была просто молодой девушкой, почувствовавшей себя желанной.

Она перебрасывалась дежурными фразами с Алексом, хотя и видела, что тому хочется поговорить. Сама же снова и снова прокручивала в голове дни, проведенные в Искоростене.

Любаву влекло к этому мужественному человеку. В нём она чувствовала доброту и непреклонность, отвагу и нерешительность. Девушка подсознательно сравнивала Подвизда и Тодора и это сравнение было сейчас не а пользу первого.

А может Тодор играет на её неопытности? Не должен. Ведь они дружили с Малом, а сестре друга он не причинит зла... И как она раньше не замечала его, ведь наверняка приезжал когда-нибудь к Малу. Наверное, потому что был старше, а её привлекали ещё военные игры со сверстниками.

Этот человек входил и занимал место в её сердце, куда она впускала только близких людей.

А вот в его чувствах к ней она разобраться не могла. Милана ясно дала понять, как ему близка была первая жена и она восприняла это с пониманием. Но почему то казалось, что как она не сможет никогда выбросить со своего сердца улыбку и нежность к ней Мала, так никогда Тодор не сумеет это сделать с памятью о Милане. А девушке хотелось, чтобы голова и сердце любимого человека было заняты только ею, и никем больше. «Не копайся в себе, ведь он хотел на тебе жениться. Не всё ли равно, любит он тебя или нет. Он будет рядом. Тебе будет дарить поцелуи и нежность, от которых зажигаются щёки и поднимается жар от кончиков пальцев ног, охватывая внезапно всю сущность».

Даже от этих мыслей непонятное волнение будоражило Любаву, заставляло трепетать каждую мышцу неискушённого тела девушки.

Алекс смотрел на неё и всё понимал. Таки не оставил её равнодушной к себе Тодор. Но как легко влюбить молоденькую девушку, для которой каждый поцелуй как впервые. Это он знал, но всегда старался избежать, понимая, что можно больно ранить юное сердце.

Ему надо было поговорить с Тодором, узнать о его дальнейших планах относительно Любавы. Как сложится их судьба, будут ли они вместе или пойдут по жизни порознь... Алексу хотелось, чтобы в жизни девушки всё наладилось, выправилось. И больше не было бы таких горьких дней, когда он чуть не потерял её. Девушка сейчас прислушивается к его советам, на Алекс верил, что когда-то он вернётся домой, а Любава останется без верного друга, каким он стал для неё.

В городе их уже ждали. Забегали дворяне, накрывая на стол. Девушки готовили пахнущую чабрецом, мятой купель.

После тёплой, мягкой воды тело ожило, задышало. Вымытые волосы водопадом спускались с головы, струились по плечам, тонкому девичьему стану.

Любава оделась, а волосы не заплетала, чтобы подсохли и немного отдохнули от того, что постоянно были туго затянуты в косы.

Где — то далеко с востока слышался гул. Там Перун шёл над землёй, бросая молнии, высекая своим посохом гром. Тучи увеличивались и становились всё темнее и темнее.

Любава смотрела задумчиво в окно, когда ударила молния, осветила всё вокруг в

опочивальне.

— Не страшно, Любушка? — постучав, вошёл в её комнату Алекс.

— Страшно сейчас в лесу одинокому путнику. Мы так вовремя приехали домой.

— Да, — согласился Алекс, — но я думаю, что ты не против была ещё погостить. Знаешь, мне тоже там понравилось. Как-то без беготни, суеты. А Ярополк! Ты знаешь, ведь он уже неплохо сидит на лошади. Правда, нужно его ещё немного придерживать. Такой маленький, а пытается походить на отца во всём. Да и вообще, смотрю, что здесь маленькие дети, только становятся на ножки сразу стараются пересесть на лошадь.

— Это потому, что мирного времени у нас значительно меньше. — Согласилась Любава. — Те, кто посильнее, хотят захватить чужие земли, другие обороняются. Не будешь хорошим всадником, не сможешь владеть оружием — будешь на щите...

— Любава, я пришёл сказать, что собирается Совет, — стал серьёзным Алекс. — Правда, я почему — то думал, что Совет всегда собирается утром.

— Скажи, что скоро буду. — Кивнула ему девушка.

Когда он вышел, Любава гребнем расчесала просохшие волосы и быстрыми пальчиками сплела две косы. Надела своё любимое платье, не забыв под ним спрятать оберег.

Мельком взглянув на себя в зеркало, она отправилась в гостиный зал, где её уже ждала знать.

Войдя в комнату, пожелав всем здоровья, заняла своё место на кресле возле окна. Как часто сначала отец, потом Мал, а теперь она принимали здесь послов земель, творили суд и правду людям.

Приходили и вставали на суд бояре, которые ругались за земли, да и не только ругались, но и хватали друг друга за бороды.

Они часто приводили на суд своих людей-смердов, закупов и просили князей вершить закон, отдавали на поток, бросали в поруби. И князья должны были утверждать это и судили, и вершили правду, хотя часто и было против их совести..

Всё это разом и так неожиданно упало на плечи девушки.

Глаза её поискали по залу и остановились на двух неизвестных ей боярах.

— От княгини Ольги прибыли мы.

— Чего хочет княгиня? — холодно спросила, хотя и понимала, что послов нельзя так встречать. Но само имя той, кого они представляли, вызывало неприятие.

— Княгиня понимает, что двойная дань непомерная была для древлянской земли. Она хочет ввести урок и устав. Осенью следующего года вы должны отдать сколько, сколько требуется уроком. Ни одного лишнего бочонка мёду или шкуры белки у вас больше не возьмут.

— А взамен что?

— Покорности. Много других неприятелей у наших племён и не хочет она иметь внутреннего врага, — склонив голову, ответил киевский боярин.

— Согласна ли ты, княжна?

«Лучше плохой мир, чем хорошая война, — сразу вспомнила слова Тодора, и поднявшись спросила:

— Согласны ли вы, князььи люди?

— Согласны, согласны, — закачали длинными бородами бояре.

— Княгиня приглашает тебя, княжна, к себе. Погостить немного в нашем городе, чтобы увидеть доброе наше к вам расположение.

У девушки душа упала в пятки от наступившего ужаса. Точно так как и Мала... Неужели и с ней княгиня решила расправиться? Она обвела растерянными глазами собравшихся.

— Княгиня сожалеет о случившемся, но любое неповиновение вызовет такой же ответ. — Увидел нежелание сотрудничества опытный киевский боярин.

— Я подумаю, — ровным голосом ответила Любава.

Послы наклонили головы и вышли. Остались только свои.

— Нельзя злить Ольгу, — прервал молчание один из старейшин. — Она уже наказала древлянские земли за смерть Игоря. Мы ей нужны.

— Поломать она нас хочет. Проучить так, чтобы все остальные боялись головы поднять.

— А Любава? — говорили так, будто её здесь не было.

— Ну дала же Ольга охранную грамоту. Зачем ей девочка? Это же не князь-воин. А урок это всё таки не дань. Выполнить сможем.

Любава смотрела на них и не понимала. Когда был жив отец, имели бояре и воеводы честь, славу, дружину. Сейчас, она заметила, это им не особенно нужно было. Всё тянут на себя: земли, леса, скотину, холопов. Раньше гордились своими ранами и шрамами, а сейчас хвастают добром и достатком. А она как разменная монета, бросают туда, где нужно им. Решили, что должна выйти замуж за Тодора и отправили к нему. Никто не поинтересовался, а хочется ли ей это делать. Была бы какая-то старая образина и пришлось бы с ним век коротать, только потому что так решили. Мол, для земли нашей лучше будет.

Приехали послы от Ольги и сразу же её потребовали назад. Не спрашивая, хочет она этого или нет. И сейчас забыли о договорённости с Искоростенем, другими древлянскими городами. Пришло время объединятся, это же понятно. Но это поняла и Ольга, потому и будет всячески препятствовать, если не по-хорошему, то по-плохому. Каждому племени наметила урок, ещё что-то пообещала и сейчас города будут тихонько сидеть, лишь бы их не тронули.

Что она, Любава, может изменить? Ни-че-го! Это только видимость, что князья всё решают. Может это когда-то так и было. А сейчас принимает решение Совет. Дело князей смотреть всё ли по закону, по правилам и утверждать то, что решают князьи люди.

За своими размышлениями она не заметила, что спор утих и все смотрят на неё.

— Ну что же, дело князей поддерживать добрые отношения с соседями. Значит это и моё дело. — Кивнув Совету, Любава удалилась.

Когда Алекс вошёл в светлицу к девушке, то увидел, что та лежит на постели, а худенькие плечи вздрагивают. Плачет... Парень присел возле неё и участливо спросил:

— Любушка, что случилось, ты плачешь?

Девушка всхлипывала и ничего долго не могла ответить.

— Ну-ж-но ехать в Ки-ев...

— Зачем? — удивился Алекс.

— Княгиня приглашает.

Алексу до боли стало жаль девушку. Он понимал, какие она испытывает чувства. Страх за свою жизнь, боль за брата, гнев на бояр, принимающих решение, исходя из своих интересов. Она думает, что её отправляют в пасть к тигру и непонятно чем это всё закончится. Алекс подумал и нашёл оптимальное решение.

— Любава, — положил руку ей на плечо, — не соглашайся ехать одна с дружинниками. Возьми с собой тех бояр, кто более всех настаивал на твоей поездке. Если они не захотят, сиди здесь. Ну, а если они уверены в твоей безопасности, то тоже съездят в Киев.

Девушка помолчала, но подумав, улыбнулась.

— Какой же ты молодец, Алекс. Конечно, если есть для меня сейчас малейшая опасность, то никто из них сопровождать меня не решится.

— Эх ты, птичка-невеличка! Измочила слезами все подушки, а ещё княжна, — подразнил её. — Девушки от любви плачут, а она от тяжести своей власти.

Прошло несколько дней и посольство города выехало в Киев. Не хотели плыть ладьями, решили напрямик, на лошадях. Благо реки можно было перейти вброд, а ручейки перескочить. Всё было так, как предложил Алекс. Девушка ехала в Киев не одна в сопровождении дружинников, с нею были и бояре. Правда, как не рвался с нею парень, ему доходчиво объяснили, что он гость, а не житель древлянских земель и участвовать в поездке не может.

*

Много людей собралось в этот день в Золотой палате. Вдоль стен томились князья земель и городов, бояре и воеводы. В конце комнаты возвышалось кресло княгини и все ждали её.

Любава стояла среди этой массы людей и не совсем понимала, почему она здесь.

По приезду их встретили очень гостеприимно и после того как их разместили, пригласили в Золотую палату в княжий терем.

Вдруг гул голосов притих и на помост к своему креслу вышла Ольга. Любава сразу же её узнала, даже если бы раньше не виделись. Гордая осанка выдавала в ней властную, уверенную в себе женщину.

Княгиня стала, оперлась на кресло:

— Здравы будьте, князьи люди.

— И ты здрава будь, княгиня.

Ольга села и при полной тишине в палате огласила цель этого собрания.

— Мне ли вам напоминать, что муж мой, князь Игорь, со своей дружиной, переплыв Русское море, побывал в Константинополе. У нас есть много земель и поэтому нам хочется жить в мире со всеми народами, но мы также не допустим, чтобы кто-то из чужеземцев строил свои города на восточных и северных берегах нашего моря. Императоры Византии клялись, что не будут претендовать на эти территории. Игорь тоже пообещал, что Киев будет беречь мир.

Ольга вздохнула, опустила голову, но тут же подняла её и продолжила.

— Мы говорили правду, а вот они решили, что договор между нами выполнять необязательно. И не думали убираться с берегов моря и сейчас строят там свои поселения, роднятся с хазарами. Пока были живы Олег, Игорь те голов не поднимали, потому что киевские князья приходили на своих ладьях к Константинополю, чтобы решить мечом, кто живёт по закону, а кто его преступает. Я не призываю собирать дружину и идти на Константинополь. Разрознены мы. Но есть между нашими землями и землями империи страна Болгария, у людей которой и язык и обычаи схожи с нашими. И эта страна тоже не хочет неволи.

Мы должны послать послов в эту землю, чтобы поддержать друг друга в противостоянии с Константинополем. Вы согласны?

— Согласны, княгиня. А кого посылать будем?

— Достойных представителей городов наших.

Любава слушала разговоры бояр и понимала, почему так нужно Киеву сейчас сплотить славянские племена и совсем не нужны малейшие конфликты.

Когда княгиня стала выходить и все склонили головы, она остановилась возле Любавы.

— Ты княжна древлянской земли?

— Я, княгиня, — голос девушки не дрожал.

— Я хочу с тобой поговорить.

Все в Золотой палате старательно прислушивались к этому диалогу.

— Пойдём со мной.

Любава двинулась вслед за Ольгой, оглядывая её исподтишка. Изменилась ли с той поры, когда виделись в первый и последний раз на тризне по Игорю. Такая же статная, стройная. Большие карие глаза, чуть припухшие губы.

В светлице, куда они пришли никого не было. Окна выходили на Днепр, обитель была обставлена скромно. Любава ждала вопросов, а Ольга, как ни странно, не знала с чего начать. Наконец решилась.

— А ты не хотела бы уехать, мир немного посмотреть, пока молода? Может с послами да подальше. Людей посмотреть, их обычаи...

— Чего же смотреть. Сама ведь сказала, что обычаи у нас одинаковые.

— Ты не хочешь в Болгарию, ну и не надо, — миролюбиво посмотрела на девушку. — Много желающих туда ехать послами от нашей земли. О другом я думаю. Князья мои стремятся к войне с ромеями, а я мира хочу.

«Зачем она мне это говорит»? — недоумевала Любава.

— Следующим летом сама хочу поплыть в Константинополь, чтобы договориться с императором о торговле с Византией, греками. — Помолчав, закончила. — Сама не знаю, зачем об этом с тобой говорю, ведь думаю совсем о другом. Обида на меня раздирает твоё сердце, правда ведь?

Любава молчала.

— Правда... Не хотела я губить твоего брата. Молод был и красив. Но ты законы наши знаешь: за кровь родную должна пролиться кровь чужая. Древляне убили Игоря.

— Да ничего бы с князем не случилось, если бы он не возвратился... Но ведь всё отобрал, больше же нечего не осталось. — осмелела Любава.

— А ты знаешь, что значит иметь большую дружину? Нет, не говори, что знаешь, потому что боеспособная дружина — это не кучка воинов, которые у вас деревья корчуют, а в перерыве воинскими делами занимаются. Нет, это большая многотысячная армия. Дань — это её прокорм. Никто сейчас не хочет воевать за славу и шрамы. Каждый норовит за золото и землю! — в голосе Ольги слышался гнев.

— Мой брат был не такой, — шепот Любавы еле слышен.

— Игорь, муж мой, сколько лет княжил, ходил в боевые походы, но я видела, что последние годы бояре вершили суд и правду. Постарел и тяжело стало с ними управляться. Дружина требовала всё больше и больше. И соседние племена подняли головы. Как руку на князя киевского можно поднимать? Он же защитником был для всех земель!

Две молодые девушки, правда одна постарше другой, стояли друг против друга. Они могли бы быть подругами: умные, решительные, смелые. Единственное, чем отличались — Любава искала свою любовь, а вот Ольга её потеряла. Ещё тогда, когда была молодой и независимой. Игорь... Простая юная девушка не любила мужа. Он был гораздо старше её и льстило то, что самому киевскому князю пришлась по душе. А вот уважала его, слушала и

училась. Теперь же, когда Святослав ещё ребёнок и мал, чтобы княжить, ей пригодится наука мужа. А особенно та, что нужно потакать боярам, затыкать им рты золотом, землёй. Чтобы поверили пока, что жить им будет так же вольготно, как и в последние годы. А сын Святослав тем временем подрастёт.

— Мы не поднимали головы. А брату моему любя ты была. Хвалил красоту твою да мудрость не по годам. Когда живьём закопала древлянских мужей, ушёл в себя, поверить не мог...

— Значит помнил... — Ольга смотрела на неё, широко раскрыв глаза.

— Потом оправдывал, говорил так же как ты, что сделала это, чтобы угодить боярам да показать твёрдую руку. Только я не могу никого оправдать и простить. И говорить сейчас об этом напрасно.

— А ты что себе надумала? Прощать меня или нет? Ты кто такая, чтобы меня судить? За мужем я была и горя не знала. Я его ждала, а он не пришёл... Зато пришли древлянские послы! — Голос переходил в крик. — Из тех, у кого наверное, руки тоже были в крови моего мужа. И я приказала...

Видя, что Любава опустила голову и всю её бьёт мелкая дрожь, не закончила.

— Ну ты знаешь... После, когда приехал твой брат, я уже ничего не решала. На Совет я слушала, понимая, что это жестоко. Но в то же время знала, что если позволить безнаказанно убивать князя киевского, то все племена, которые нам платят дань почувствуют слабость. Ты же сама понимаешь это. Нам слабыми быть нельзя! Вокруг волки: бояре, воеводы, которым всё давай, давай за службу...

— Слышу слово волки. Княгиня... — в светлицу вошёл боярин. Невысокого роста, коренастый. Глаза чёрного цвета, прямой нос, узкие губы, упрямо сжатые. — Закупы говорят о том, что волков вокруг много стало. Может поохотимся на серых?

Он говорил княгине, а глаза были устремлены на Любаву, которая внезапно побледнела, чем удивила княгиню.

Девушка, как только услышала первые слова мужчины, сразу вспомнила тот ненавистный голос, рассказывающий в шатре Ольге о казни Мала. Его она запомнила на всю жизнь. Этот низкий тембр с хрипотцой. Именно его тогда поклялась Любава убить.

— Это Полуян, боярин, — махнула в его сторону рукой княгиня. — Давай поговорим об этом позже. Видишь, занята.

Боярин не спеша вышел. А Ольга, видно, потеряла нить разговора. Но взглянув на Любаву, обеспокоено спросила.

— Что с тобой, почему так побледнела?

— Да ничего... Уже лучше.

— Молода, красива. Наверное и парень любимый есть. Или нет? Хочешь, подыщу тебе мужа хорошего?

— А тебе кто мужа искал? — осмелела Любава. — Вот и я найду себе сама. И не того кто княжеству нужен, а мужчину, которого люблю.

Княгиня с любопытством уставилась на неё.

— Ты веришь в любовь? Наивная девочка... Лучше не верь. Ты знаешь сколько боли приносит она?

— Думаешь одна ты её сумела найти? Даже такую...

Ольга с любопытством смотрела на Любаву. Как позволяет себе так говорить с великой княгиней? Ну как реагировать? Рассердиться за неучтивые речи, или сделать вид, что ничего

не заметила? Ольга выбрала последнее.

— Ты познала любовь?

В глазах Любавы мелькнула неуверенность и Ольга воскликнула:

— Вот видишь, это чувство как драгоценный камень, попробуй найти.

— Да, как две половинки одного целого. — Вспомнила слова Алекса.

— Да, это так. Но об этом узнаёшь только тогда, когда точно полюбишь. Значит не хочется тебе в Болгарию?

— Мне и на своей земле вольготно и хорошо. Лишь бы дали нам спокойно жить.

Ольга поняла скрытый подтекст этих слов, но ничего не ответила.

Поняв, что встреча закончена, Любава поклонилась и вышла.

За те несколько дней, которые была в Киеве, она устала от шума и людей, снующих вокруг. Но как девушка, побывав в большом городе, могла обойти своим вниманием торги на Подоле?

Рано утром, решив прикупить себе обновок, Любава собралась на базарную площадь. Она подошла к грекам, которые на лодях поднимались к Киеву от моря. Видно, что они бывали здесь часто, потому что знали язык славян. Здесь купила подвески — килты с драгоценными камнями. Набрала на платья тонких тканей.

Девушка не могла пройти мимо эмалей. Особенно ей понравилось женское украшение — золотая пластинка, заполненная эмалью разных цветов. Эта красота висела на золотом обруче. Любава примеряла украшение на шею и подумала почему-то, что у Миланы очень красивая шейка, которую украсит такой же обруч. И она купила ещё один.

Ярополку наша красивую рубашку с кружевами и сапожки из тонкой кожи. Она снова вспомнила, как счастлива была совсем недавно. Как весело и беззаботно проходили дни, а Мал обещал её взять с собой в Киев...

Всюду за Любавой ходили два отрока. Они охраняли её, но не забывали поглядывать на боярских и воеводских дочек, прохаживающихся между рядами со своими строгими матерями. Наряженные, пахнущие заморскими духами. Девушки сюда приходили отнюдь не за покупками, а вернее не только за ними, а чтобы в первую очередь себя показать.

Неожиданно Любава увидела Подвизда. Она бы прошла мимо, но когда выбирала маленькие сапожки, почувствовала на себе пристальный взгляд. Оглянувшись, увидела юношу, с которым она не встречалась с той поры, как рассталась в лесу.

У девушки были двойные чувства к этому человеку. С одной стороны, когда-то его поцелуи заставляли забывать обо всём на свете, а с другой — он постоянно напоминал о боли, причинённой ей дружинниками Ольги на тризне по Игорю. Именно они убивали древлян. А был ли среди них Подвизд оставалось загадкой. Ей было понятно одно: если дали такой приказ, то никто не осмелится его нарушать. Чувство долга — главное достоинство воина. А ей каково? Первые светлые чувства в ней зажёл именно этот человек. Всё вспоминала его губы, ласковые руки... А потом такой удар. Смерть многих дружинников древлян от киевских воинов. Отроки только участвовали в попойке, а уже остальное делали воины постарше. Так ей потом рассказывали уцелевшие. Но камень на сердце оставался: пока она миловалась с ним, шла подготовка к убийству.

Подвизд не мог отвести взгляд и неотрывно смотрел на Любаву. Каждая его жилка, каждый нерв узнали бы её в любой толпе. Время, казалось, замерло. Все люди исчезли, растворились. Были лишь они вдвоём.

Любава только кивнула ему. И это было ушатом холодной воды для юноши. Он ожидал

чего угодно, но только не этого равнодушия в прекрасных глазах. А может показного равнодушия...

— Я ещё встречу тебя, Любава, дотронусь своими губами до твоих сладких уст, — пообещал себе он, потому что девушка уже продолжила свой путь дальше.

И так захотелось Любаве домой, в тишину лесов и просторы лугов, что засобиралась она к княгине с поклоном и просьбой.

Большой терем киевских князей. В пору заблудиться. Слева, если идти по переходу, вход в княжью трапезную, а уж если повернуть по переходам направо, то много дверей было по обе стороны. На втором этаже, куда вела широкая лестница, Любава была всего раз, но ей и этого хватило, чтобы увидеть роскошь терема. Блестала украшениями Золотая палата, особенно если солнце проникало внутрь её. Тогда и княжье кресло, инкрустированное золотом, искрилось и щедро раздавало свой блеск всей этой огромной комнате.

Любава прошла гридней, которые днём и ночью несли службу возле входных дверей и осмотрелась. Кому же сказать, что хочет видеть она княгиню?

В сенях постоянно находились бояре, воеводы, приходившие сюда в надежде: может позовёт княгиня. Да и трапезничать рядом ней тоже было честью.

Не найдя знакомых лиц, она двинулась по коридору, надеясь увидеть ларника, княжьего писаря. В коридоре было сумрачно, пахло сыростью и старостью.

Её внимание привлёк немного игривый женский голос.

— Перестань, Полуян... Оставь меня, я должна быть в опочивальне княгини.

— Да ладно тебе. Успеешь. — Отвечал мужчина.

Опять этот голос, вздрогнула Любава и решила от греха подальше притаиться, подождать пока эти двое уйдут.

Мужчина и женщина приблизились и она смогла их рассмотреть. Полуяна она видела. А женщина, скорее девушка, была среднего роста, полногрудая и очень симпатичная, старалась быстрее уйти от мужчины. Можно было предположить, что ей малопривычны его прикосновения.

— Полуян, ты ведь знаешь, что у меня есть муж, которого я люблю. Я уже раньше говорила, чтобы ты обратил внимание на кого-нибудь другого. И опять повторяю тоже самое. — Сейчас голос девушки звучал уже не игриво и даже не просительно, а твёрдо.

— Позволь мне прикоснуться к тебе, — шептал мужчина охрипшим голосом. — Ты же знаешь как я...

Даже в полутьме Любава видела растерянность во взгляде девушки. Она не дала тому договорить, попыталась вырваться. Полуян грубо схватил её за руки, поднял их вверх, придерживая правой рукой. Левая подняла край платья девушки и поползла медленно по ноге вверх. Торжествуя глядя на свою пленницу Полуян впился ей в губы.

Девушка застонала и попыталась вырваться, но мужчина был значительно сильнее.

— Цени моё внимание. Большинство женщин твоего положения были бы рады со мной поладить. Я не останусь у тебя в долгу, можешь быть уверенной, — оторвался наконец от её губ.

— Я не отношусь к большинству женщин!

— Вот это меня к тебе и притягивает. Ты знаешь, чего я хочу, и я получу это.

— Отпусти меня, — вырывалась как птица из ненавистной клетки.

Девушка яростно сопротивлялась, но Полуян не отпускал. Зажав её голову руками впился снова в её губы.

Невольная пленница пыталась кричать, но крик оборвался, когда Полуян закрыл ей рот

ладонью.

— Ты что, хочешь поднять на ноги весь терем?

Девушка утвердительно-отчаянно закивала головой. Именно так она и хотела сделать.

— Ты просто упрямисься. Не строй из себя невинность.

Воспользовавшись своим преимуществом, Полуян задрал юбку до самой талии и попытался раздвинуть ей ноги. В полном отчаянии девушка вцепилась зубами в его губу. Насильник взревел от боли и ударил её по лицу. Из носа девушки тонкой струйкой побежала кровь.

Этого Любава уже не могла стерпеть. Шагнула из тени вперёд.

— Отойди от неё!

Полуян секунду постоял неподвижно, а потом медленно, как волк, всем телом повернулся к невольной свидетельнице его домогательств. Глаза всё ещё горели гневом и похотью.

Дворянка не бросилась в перепуге бежать, а осталась стоять возле стены, вытирая подолом юбки кровь.

— А то что будет? — Хмыкнул. — Ну что ты молчишь, пигалица? Или позавидовала? Не завидуй — я с вами обеими управлюсь. Сами за мной потом будете бегать, — осклабился как голодный волк.

— Не думаю... Пойдём отсюда, — взяла девушку за руку.

Полуян не делал попыток помешать им уйти, только зло посмотрел вслед.

— Зря ты вмешалась, ой зря. Это человек, который отца родного не пожалеет. Сердце у него каменное. Сколько рабынь извёл и дворянок. Которая понравится — замордует, но не упустит своего никогда. За мужем или нет, это ему не интересно. А влияние большое на княгиню имеет. Что скажет, она и слушается. И ведь никому не скажешь, что насильник...

Любава молчала. Может в коридорах её терема твориться подобное, а она и не знает. Как видно об этом не знает и Ольга. У той совсем о другом мысли, а это так... Второстепенное...

А что недруга приобрела в лице Полуяна, так это точно. Был ей врагом, а теперь и она ему тоже. Всё уравнилось.

Ей был ненавистен этот человек, но Любава понимала, что сил у неё бороться с ним пока нет. Да и находился он на своей территории.

— Проведёшь к княгине?

— Ой, не любит она когда тревожат её среди дня, но я твоя должница и постараюсь помочь.

Они поднялись по широким ступеням на второй этаж и через Золотую палату вошли в светлицу княгини.

Ольга ходила из угла в угол, о чём-то думая. Она даже не заметила вошедших. Потом остановилась возле окна и скрестив руки на груди, что — то прошептала, глядя в даль.

«Если бы встретились в городище или в поле, никогда бы не подумала, что это княгиня великих русских земель... Обыкновенная красивая девушка, в глазах которой затаилась печаль», — смотрела на Ольгу Любава.

Девушка — дворянка кашлянула и вмиг преобразовалось лицо княгини. Стало замкнутым, неприступным. Она повернула голову к вошедшим.

— Я не звала.

И вдруг с шумом и смехом в светлицу вбежал мальчик с луком и стрелами. Он подбежал

к княгине, бросив своё оружие.

— Мама, а ты видела, какой у меня меч? — Он достал из ножен точную копию двуручного меча и стал размахивать им.

— Осторожно, Святослав, он очень острый. Не поранься.

— Мама, он же для врагов, — удивился мальчик. — А ты не побоялась?

— Ну конечно же испугалась, но ты же мой защитник. А врагов и защитников не боятся.

— И я, мама, врагов не боюсь. Когда вырасту, то всех их побью.

— Защитник ты мой маленький, — протянула навстречу руки.

— И вовсе я не маленький! Я — воин.

— Воин, воин. Защитник земли русской, — потрепала его ласково за чубчик.

В который раз Любава удивилась перемене, происходившей с княгиней. Сейчас это была ласковая, всепрощающая мать.

— Ну а теперь беги, сын. Видишь, ко мне люди пришли.

Когда Святослав ушёл, Ольга вопросительно посмотрела на Любаву.

— С чем пожаловала?

— Поблагодарить за гостеприимство.

— Вижу собралась домой?

— Собралась, княгиня.

— Не хочешь ехать с посольством?

— Нет княгиня, хочу домой. К своему народу, своей земле.

— Зачахнешь ведь в своей глуши.

— Как боги решат.

— Ну ступай. Сердце там, где родной дом, — кивнула Ольга на прощание головой Любаве.

— Прощай, княгиня.

— Небось боялась ехать ко мне? — Морщинка обозначилась на лбу Ольги.

Любава молчала. За неё ответила Ольга.

— Боялась...

И отвернулась к окну, тем самым показывая, что встреча закончена.

Любава вышла и нелепая мысль пролетела в голове: «Даже не заметила припухший нос и глаза дворянки. А ведь сама из простых, а вот простых и не понимает».

Проходя к выходу она в коридоре натолкнулась на Полуяна, явно поджидавшего её.

Ухмыльнувшись, протянул руку.

— Попалась, птичка!

Любава не убегала, а смотрела в его глаза: похотливые, как у жеребца перед случкой.

— Передумала может? — удивился он тому, что девушка никуда не пытается бежать. Он протянул руку и притянул её к себе. Влажные губы, которые он поминутно облизывал, приближались к ней.

— Нет, не передумала, — спокойно сказала. И согнув ногу в колене, со всего размаха ударила Полуяна в пах.

Он отпустил её и с криком боли обеими руками ухватился за причинное место.

Любава направилась к выходу, а вслед ей нёсся крик.

— Подожди, сучка, ещё встретимся и тогда ты завопишь от боли, моля о пощаде.

— Скорее рак на вербе свистнет, — обернулась она.

На улице было солнечно и светло. То что произошло, казалось просто мрачной

картинкой, которую не хотелось вспоминать. «Прочь, прочь отсюда. Скорее домой».

Она нашла своих бояр. Глядя на них, можно было увидеть, что уж они точно не зря побывали в Киеве. В новой одежде из тонкого атласа с кружевами на рукавах, в сапогах на высоких толстых каблуках, в шапках с меховыми оторочками с чепами и гривнами.

— Ну что, княжьи люди, отдохнули, пора и честь знать. Заждались, наверное нас дома.

И лишь только стало красить небо над горизонтом восходящее солнце, они пустились в путь. Домой и лошади быстрее бежали и настроение было уже не такое хмурое.

Любава вспомнила, что волнуется за неё Алекс, не зная чем закончится это путешествие. И Тодор тоже. Наверное... Приеду домой, а потом и к нему наведаюсь. Причина есть — нужно отдать подарки.

*

И вот она снова дома... Любава упивалась чистотой воздуха и звенящей тишиной вокруг. Вот солнце коснулось лучиком сосен, погладило по кронам дубы и постепенно опускалось, прощаясь, за горизонт. Пахло травой, свежестью хвои.

Девушка натянула поводья и лошадь приостановила свой бег. Её свита тоже приостановилась, нетерпеливо поглядывая туда, где уже виднелся город. Там их всех ждали жёны, дети, любимые.

— Езжайте, — махнула рукой. Я скоро буду.

Далеко не ехала, а спешившись, закружилась, подняв руки к небу. Странное дело, когда закроешь глаза, то кажется, что летишь. Становишься лёгкой, лёгкой, как пушинка...

Когда она раскинув руки, упала в траву, то пропали все мысли, только счастье переполняло её.

Но ведь я и раньше уезжала из дому, почему же сейчас мне так хорошо, вольготно и спокойно?

Любава смотрела на облака: вот ползёт медведь, а от него пытается убежать белый заяц. Пытается, а не может. Отвалились ушка, в маленькие облачка собравшись. А вот чьё-то лицо на неё смотрит и улыбается. Ласковые глаза, губы что-то говорят, манят. Волосы, ниспадающие на высокий лоб. Тодор...

Любава протёрла глаза и посмотрела на небо снова. Ничего похожего там, конечно же, не было. Да что это с ней? Повсюду мерещатся эти глаза...

А вон пролетели лебеди. Спешат на озёра. Пара... Старушка-ведунья рассказывала, что лебедь только раз в жизни выбирает себе пару. Любятся они, вместе растят своих детей и летают тоже только вместе. Если погибает один из них, то другой очень тужит. И не пьёт и не ест, а когда видит, что любимый не поднимется больше с ним в небо, то взлетает высоко и камнем падает вниз.

После этого рассказа, девушка никогда не поднимала лук и не натягивала тетиву со стрелой туда, где летели лебеди.

Конечно, это просто красивая сказка, но как было бы хорошо найти себе пару, чтобы любить друг друга и умереть в один день.

Ей понятно было горе Ольги и она даже начала ей сопереживать. Но вспомнила тут же Мала. А ведь он даже не успел завести себе семью. Не обнимал молодую жену, не носил на руках своих детей. Не учил сына сидеть на лошади и не радовался его первым успехам в боях со сверстниками. Ничего этого Мал не успел...

Горе не проходило, оно постоянно возвращалось. С чего бы не начинались её мысли, о

чём бы они не были, но всегда там находилось место для воспоминаний о брате. Люди говорят, что время лечит, но видно прошло его ещё слишком мало.

Любава вытерла кулачком слёзы, оглянувшись, подняв голову. Лошадь мирно пощипывала травку, а сверчки завели свои песни, напоминая о том, что уже вечер и пора домой.

— Любушка! Лю-ба-ва! — Звал её родной голос.

— Алекс, я здесь! — Отозвалась девушка.

Алекс приблизился, встревоженно глядя на неё.

— Ну знаешь, Любава, не ожидал от тебя такого...

— Чего именно? — Удивлённо подняла брови.

— Знаешь ведь что волнуюсь... Смотрю, послы из Киева домой возвращаются, а тебя с ними нет. Мысли плохие сразу в голову полезли. Спрашиваю, где Любава? Видно вид у меня был странный, перепуганный. Сразу и рассказали и показали место, где ты остановилась. А почему осталась, они сказать не могли. Как ты? — Присел возле неё.

— Да вот, дома...

— Хорошо то, что хорошо кончается...

— Успокоилась я потом, когда ты посоветовал взять бояр. Они ведь предчувствуя малейшую опасность, теперь не поехали бы туда. Раз поехали, значит и правда плохого не ожидали.

— Зачем она тебя звала?

— Сама не знаю... Посольство хочет отправлять в Болгарию, союзников ищет против Константинополя. Мне предлагала...

— Тебе? Зачем ей это? — Удивился Алекс.

— Она хочет от всех земель людей послать, лучших.

— Напрашивается вывод такой: мира хочет внутри, чтобы сильнее быть с другими врагами. Что-то темнит, княгиня.

— Знаешь, Алекс, она нормальная женщина и мать. Я её сына видела, Святослава. Славным воином растёт. Но не вольна она... Бояре и воеводы всё решают.

— Смотрю я что везде у вас одинаково. Как ни стараются князья из-под опеки бояр выйти, а не получается. Если ещё князь мужчина, да в боях закалённый, то вес в его слове есть, а уж девушкам тяжело, — задумчиво произнёс Алекс.

— То-то. На последнем совете решили между собой, вроде бы меня и не было там.

— Один выход у тебя, девица, — приобнял за плечи.

— И какой же?

— Замуж идти.

— И скажешь за кого?

— Почему не скажу? За того, кого они тебе так рьяно сватали. За Тодора. Я был у него.

— Ты был? Зачем? — всполошилась Любава.

— За собой вину чувствовал, что не поговорил с ним, когда за тобой приезжал. Ревность ко мне в его глазах увидел.

— Да нет, тебе показалось, я ему сказала, что ты мне как брат.

— А он тебе не поверил. И сомневался, что небезразличен тебе. А ведь я знаю, что у тебя к нему какие-то чувства есть и выделяешь его для себя среди всех мужчин, окружающих тебя.

— Ты что, так ему и сказал? — Возмутилась девушка.

— Нет, конечно. О своих чувствах люди говорят сами. Я просто ему сказал, что Мал мне

был другом, а ты стала сестрой. Сказал о том, что Мал, уезжая в Киев, как будто что-то предчувствуя, попросил меня защищать тебя и никому не давать в обиду.

— Он правда так просил? Ты мне ничего об этом не говорил...

— Зачем это говорить? Я и ему так сказал, что ты для меня очень близкий и родной человек. И я бы тебя и без каких-либо обещаний никому не дам в обиду. Но девушкам нужен мужчина. Муж, на кого она смогла бы положиться. И этим человеком я вижу Тодора. Он мужественный, опытный воин. Его беспрекословно слушаются и все подчиняются. Те же бояре и другие княжьи люди.

— Алекс, не надо было ехать.

— Надо было, Любава. Без него и его поддержки не выстоять тебе против бояр. Как я погляжу, почти все друзья Мала погибли. Сначала те которых заживо зарыли. А потом лучшие. Те, которых сожгли в бане.

— Не вспоминай, не надо... — прошептала девушка.

— Извини, я не хотел ворошить, но погибли лидеры, воины, а остались те, кто прятался да за печкой сидел.

— Зачем?

— Это просто такое выражение и ты его поняла правильно.

— Я тоже об этом когда-то думала.

— Вот именно. И они примут любое решение Киева, какое бы оно не было. Любую дань, любые уроки. Я не удивлюсь, что и замуж тебя отдадут за того, на кого укажет княгиня.

Любава с ужасом представила себе Полуяна или подобного ему боярина в роли своего мужа. Б-р-р-р...

От Алекса не скрылось смятение девушки.

— Я угадал? Предложение поступило?

— Нет, просто я видела того человека, боярина. Помнишь, в шатре Ольги. Он рассказывал о казни... Я его голос из тысяч узнаю. Он был там. И я нажила себе врага...

— Когда же ты успела?

— Да успела. Девушку при мне ударил, хотел против её воли... Ну...

— Понял, я понял. Можешь не подбирать слова и не продолжать. А ты что?

— Да коленкой его со всего размаха между ног... Только тогда и успокоился.

— Не повезло мужику, — посочувствовал Алекс. Правда, посочувствовал мысленно.

— А вдогонку орал, что найдёт и я об этом сильно пожалею, — закончила Любава.

— Ты уверена, что это он был на тризне?

— Никогда его голос не забуду. Пусть меня ищет, а я уж, поверь мне — не промахнусь. Кровь брата и на его руках. Больше кроме меня ему об этом напомнить некому.

— Вот это я тоже рассказал Тодору.

— О ком, о Полуяне?

— Значит так его зовут. Нет, о том, что вынашиваешь план мести. И я могу себе предположить, чем это может всё закончиться для тебя. Ты не понимаешь, что это не игры и никто в поддавки играть не собирается. Если они так поступили с воинами, такими как Мал, то я боюсь даже предположить, что могут сделать с тобой. И куда может привести жажда мести.

— Перестань, Алекс. Я как бы не раз ставила своим мечом тебя на колени в наших поединках.

«И это только потому, что видел я мечи только в музеях да книгах по истории, а ваши

мужчины учатся владеть ими с детства", — подумал, но конечно же не сказал вслух.

— Ты меня не слышишь. Я еще раз говорю, что как бы ты хорошо не владела оружием, не справишься с воином, который участвовал в битвах и на его руках есть кровь. Ты просто не сумеешь убить. Убить человека. Тогда зачем из себя просто делать мишень?

— Чем мне поможет Тодор?

— Он тебе нужен для того, чтобы ты женщиной себя почувствовала, а не воином, затаившим злобу и жаждущим мести. «А ещё для того, чтобы я был спокоен. Ты в крепких руках и надёжных, а я могу лететь домой. Боже, как мне этого хочется!»!

— Алекс, я ведь тебе говорила, что мне нравится Тодор. Но не могу я ещё в себе до конца разобраться!

— Темнишь, сестра, — шутливо подёргал за косу. — Разбираться то разбирайся, да смотри, чтобы у тебя его из-под носа не увели. Жених то видный! Я ему о твоей поездке в Киев рассказал и знаешь, он тоже заволновался. Я это заметил. А ещё мне понравилась Милана. Её спокойствие, покладистость, душевное тепло. Она как солнышко. Всех старается обогреть, и все тянутся к ней. Вот тебе не только муж, но и сестра в придачу!

Любава с любопытством уставилась на него. Почувствовала что-то своей женской интуицией. Ничего, ничего она всё равно всё узнает...

А Алекс понимал, что если он останется здесь, то ему нужна будет жена, дом.

Милану он видел всего два раза. Перекинулись парой ничего не значащих фраз, но почувствовал какую-то симпатию к этой девушке. Свою родственную душу. Но парень старался поменьше думать о ней. Слишком велико было желание попасть домой, встретиться с родителями, друзьями. Пойти на футбол, вечером посмотреть телевизор. У Алекса никогда не пропадала надежда. Он верил, что его отыщут, не оставят здесь, найдут способ. Он не человек этого времени. Конечно, его интересовало всё вокруг. Это было почти начало всего. Точка отсчёта. Но всё чаще ему снились сны о доме, и просыпался он со щемящим сердцем и тоской по всему, чего у него сейчас не было.

И такая у него была вера в это, что он не мог рассказать Милане о своих зарождающихся чувствах, посеять в сердце её ростки, а потом бросить, улетев домой, на его Землю.

Проходили день за днём, а Любава никак не могла заставить себя поехать в Искоростень. Уже не раз Алекс попытался объяснить ей, что нерешённые дела нужно решать. Но девушка искала причину для поездки и не находила.

— Вы же соседи, а между соседями всегда есть дружба.

— И как это будет? Когда хотел он — я сопротивлялась, а сейчас может у него другие планы...

«Поеду к нему и скажу, что соскучилась за его поцелуями, нежными объятиями. Так что ли? А он может уже и забыл обо мне... И подумает, что маленькая дурочка — очередная, кому вскружил голову. А я же не дворянка и должна себя помнить...».

После обязательных дел каждого утра: трапезы с жертвоприношениями, совета с князьими людьми, Алекс и Любава выезжали на свою поляну и упражнялись с мечами. У Алекса выходило всё лучше и лучше. Он даже шутя подумывал по прилёту домой стать каскадёром в съёмках фильмов о рыцарях.

В некоторых упражнениях парень даже превосходил княжну. Сегодня Алекс решил немного разнообразить тренировки. Уж очень за домом соскучился. И для этого он прихватил вилок капусты, или как её здесь называли «голову садовую».

Девушка только посмотрела на него вопросительно, но ничего не сказала. Зато лошадь её подозрительно косилась на этот снаряд для тренировочных занятий.

— Любава, твоя лошадь голодная.

— Перестань, с чего ты взял?

— Смотри как косит на капусту...

— Прикрой и она не будет видеть.

Так болтая они и добрались к «полю боя».

Но лишь девушка облачилась в доспехи, прицепила к поясу меч в ножнах, она увидела, что Алекс совершенно не готов к бою. Он что-то мерил шагами, прикидывал, бросал одно место, переходил к другому. Любава только смотрела на эту непонятную активность.

— И что это?

— Сейчас посмотришь. Иди сюда. Видишь две берёзки? — Он махнул рукой туда, где росли две берёзы на расстоянии одна от другой метров в двух.

— Это ворота.

— Что?

— Ворота...

Он потянул её за рукав.

— Отходим на одиннадцать метров.

Отмерил шагами положенное расстояние.

— Стой здесь.

Девушка и стояла, ничего не понимая, что всё это может значит и какое отношение к тренировкам имеет кочан капусты.

А Алекс наклонился и положил его на траву.

— Это называется — футбол.

Глаза его весело и возбуждённо горели и Любава заинтересовалась происходящим. Она редко видела его таким... Одним словом, немного блаженным.

— Объясняю правила. Слушай внимательно. Вот это мяч, — показал на вилок.

— Мяч. — Повторила эхом девушка.

— Ногами, не используя рук, мы должны забить его в ворота. — Показал на берёзы.

— Зачем?

— Ну, я же не спрашивал тебя, зачем ты сколько раз угрожала мне мечом, — улыбнулся

Алекс.

— Так спросил бы и я ответила, что для твоего же добра, — огрызнулась Любава.

— Да знаю я, знаю. Это я так...

— Ладно уже, рассказывай дальше. — Звучало примирительно.

— Ну так вот, кто мяч забьёт тот и выиграл, тот победитель.

— И всё? — Засомневалась девушка. — Давай лучше определим победителя по скачкам.

— Ты, дорогая, не хитри. Это и так известно. Ты здесь попробуй. Ну давай на счёт три.

Раз, два, три...

Любава оттолкнула парня и ударила ногой по кочану. Он был тяжёлым и отлетел всего на метр-два.

Алекс не растерялся и в свою очередь, оттолкнув девушку, «повёл мяч к воротам». Любава бросилась вдогонку, но зацепилась ножнами и упала.

— Алекс, это не честно!

— Что именно, Любушка? — Подал ей руку, чтобы помочь подняться.

— Ты меня не предупредил. Сам налегке, а я в боевом снаряжении...

— Ты лучше догоняй.

Кто забил гол, точно было неизвестно, потому что оба упали. Алекс на кочан капусты, а Любава на него. Как раз между берёзами на линии ворот.

— Свисток судьбы. Гол! Ничья! — Прокричал Алекс.

За этой весёлой кутерьмой наблюдал Тодор.

Он долго ждал вестей от Любавы. Сначала сильно волновался за неё. Было даже такое время, что хотелось всё бросить и поехать за нею в Киев. Но пересилил себя: если не позвала, значит не нужен.

А потом бояре, ездившие на торги в Киев, рассказывали, что видели её там. Мол, жива и здорова. Вначале было такое состояние, как камень с плеч упал. Значит всё хорошо, никто её там не обидел. Желание увидеть, подержать в своих руках, темнило разум и ничего не хотелось делать. И ничто ему не было милым.

Даже Ярополк, который каждый вечер прибегал к нему, лез под перину, рассказывая о том, что он за день видел, не мог отвлечь Тодора от мыслей. Мыслей о ней, о Любаве. Прямо наваждение какое-то. Может она мавка лесная в образе девушки пришла из лесу, чтобы навек лишить его покоя?

Вначале, когда впервые увидел её, было только желание уложить на зелёную траву и ласкать до изнеможения. Но чем больше он узнавал эту девушку, тем больше хотелось заполучить, взять в плен её сердце. Он видел, что оно наполненное добротой, щедростью и нерастраченной любовью. И даже если в нём кто-то поселился, он сможет, постарается вытеснить соперника и выйдет победителем.

Тодор не высыпался, потому что не мог уснуть, думая о ней. И в коротких снах она тоже приходила к нему. Некуда было скрыться от этих видений. «Уйди, — просил он, сгинь наваждение». Но она только улыбалась своими сочными губами. И он снова тянулся, чтобы выпить из них всю пьянящую влагу. Наконец пришёл момент, когда он решил, что нужно

прекратить эту сладкую пытку и хотя бы краем глаза увидеть девушку. Немного, чуть-чуть дотронуться до неё, чтобы наяву увидеть свой чудесный сон.

Тодор решил. Он знал, где каждое утро бывает Любава. Там, где впервые увидел её, легко орудуя мечом. Закончив все свои утренние дела, князь ничего никому не сказав, двинулся в путь. К вечеру он должен вернуться домой.

Услышав голоса, Тодор притаился за деревьями и видел как на поляну подъехали Алекс и Любава. Ревность тонкой иглой уколола сердце. Но он попытался успокоить его. Алекс был в Искоростене и из разговор с ним узнал многое о Любаве. Парень искренне жалел её потому что на плечи юной девушки свалился такой груз, что и взрослого мужчину согнул бы.

Тодор знал Мала. Они бывали друг у друга, но ни разу их пути с Любавой не пересекались.

Мужчина любил свою жену, с нетерпением ждал первенца. А когда так рано потерял любимую, то зол был на весь белый свет. И Мал оказался среди тех, кто понимал и поддерживал его.

Князь наблюдал за странной игрой парня и девушки, но когда они упали друг на друга, инстинктивно подался вперёд, и рука его так сжала поводья, что ногти вошли в ладонь, а костяшки пальцев побелели.

Алекс первым выкарабкался из-под Любавы, а потом смеясь протянул руку ей.

— Негодник, негодник! Ты плут, — надуты губки, а в глазах смешинки.

— Всё было по честному!

— Ну да, а кто мне ножку подставил? Или я сама свалилась?

— Ты зацепилась за свой меч. Вот и упала. Да ещё на тебе железа сколько!

— Хорошо, вот я сейчас всё сниму и потом увидим, кто хуже, а кто лучше...

— О! У тебя уже спортивный интерес проснулся.

— А меня в игру возьмёте? — Услышали знакомый голос, но отреагировали по-разному. Любава опустила голову, румянец покрыл её щёки и даже маленькие ушки стали розовыми. Алекс улыбнулся и кивнул головой.

— Здоров будь, князь.

— И вам здоровья. Ну как, примете?

— А в этой игре, чем больше народа, тем лучше. Давай!

Тодор спешил. Отцепил меч, снял лёгкую кольчугу и остался в тонкой рубаше красного шёлка, которая при наименьшем дуновении ветерка обрисовывала мускулистый торс князя.

— И куда мне? — спрашивал у Алекса, глазами прикипел к Любаве.

«Да... Ему сейчас не до игры с кочаном», — участливо подумал Алекс.

— А я вот стану на воротах, а вы постарайтесь туда закинуть вилок.

Этим двоим было явно не до игры. Они стояли друг против друга и Алекс на расстоянии чувствовал наэлектризованность пространства между ними.

— Эй, уснули, что ли?

Любава первой очнулась и бросилась к мячу. Без меча и кольчуги, она летала, как мотылёк. Тодору приходилось туго. Он долго сидел в седле и ноги устали, затекли, но пришлось, чтобы не ударить в грязь лицом, быстро бежать вдогонку девушке. Одиннадцать метров, это не сто и вот уже ворота и Алекс, который приготовился встречать удар. Но какой мяч из капусты? Кочан бедный был весь растрёпан, от него по поляне оставались листочки. Вначале зелёные, потом белые и в конце под ударами ног он превратился в кочерыжку. И эту

кочерыжку Любава поддела ногой и та полетела прямо в руки Алекса.

— Матч закончился со счётом один ноль в пользу Любавы, — громко огласил он.

Никто не спрашивал значения незнакомых слов. Тодору и Любаве было не до этого. Алексу хотелось оставить этих двоих, чтобы они поговорили и он нашёл причину.

— Пойду, найду родник, воды хочется.

Любава рассеяно кивнула. А Тодор вначале хотел сказать, что у него есть с собой вода и Алекс может взять и попить. Но потом всё понял, благодарно кивнул парню. Алекс давал ему шанс поговорить с девушкой наедине.

Тодор хотел расспросить, как съездила в Киев, как её приняла княгиня, о чём говорили. Но не расспросил. Взял её маленькие ручки, поднял к губам и поцеловал узкие ладошки. Любава вздрогнула и подалась ему навстречу. Он глядел в её широко раскрытые глаза и тонул. А спасли его её губы. Нашёл их, мягко поцеловал и густые её ресницы прикрыли омуты в которых тонул он. Любава была значительно ниже и мужчине пришлось наклониться. Она положила свои ладошки ему на грудь, и от этой невинной ласки он застонал, жадно сцеловывая сладость её губ, раскрывшихся навстречу...

Любава медленно поднимала свои руки вверх к его шее. Шёлк приятно охлаждал их и был слишком тонким препятствием, чтобы не чувствовать напряжённость его тела. Её руки сомкнулись у него на затылке, она стала на цыпочки и Тодор нежно прижав её к себе, приподнял. Теперь их лица были на одном уровне. Он поцеловал её глаза. Медленно и нежно, потом перешёл на щёки, опустил голову и припал губами к пульсирующей голубой жилке на шее.

— Любава, Любава, — шепот становился хриплым, дыхание сбивалось.

Он чувствовал биение её сердца, а она его. Бешеный ритм. Сильный и истовый. Хотелось, чтобы это мгновение длилось бесконечно.

— Скажи моё имя, — попросил он нежно.

— Тодор, — прошелестели её губы.

— Любава, Любава, — зашептал он. — Где ты была? Я так скучал по тебе...

— Я тоже...

— И ты скучала по мне? — буйная радость была в его глазах.

От этого восторга чувств девушка зарделась, затрепетала. Он не выпускал её из рук, как бы боясь, что снова исчезнет и будет приходить только во снах.

Тодор ещё сильнее прижал её к себе и закружил. Ну как она могла жить сколько времени не видя его, ища причину для встречи. Неуверенность в себе? Неуверенность в нём? Ей не хотелось об этом думать. Пусть бы он снова целовал её и чтобы этот чарующий поцелуй был бесконечным.

Поцелуи Тодора будили в ней что-то тёмное, волнующее. Жаркое пламя поднималось от кончиков пальцев, ещё жарче разгоралось внизу живота.

Не может быть, чтобы не было продолжения этому, подсказывал ей женский инстинкт. И если поцелуи вызывают такие прекрасные ощущения, то дальше, ей казалось, от перенасыщения этими чувствами можно умереть.

Тодор почувствовал состояние девушки, но он был опытным мужчиной и понимал, что его терпение не безгранично. И пора эту бурю чувств остановить. Потому что была поляна и недалеко находился Алекс. А мужчина был на секунду от того, чтобы уложить девушку на зелёную сочную траву и взять то, о чём он так давно бредил.

Боги, эта девушка забрала его сердце, застила всё собой.

Тодор вздохнул и опустил Любаву. Она стала на ноги и удивлённо на него посмотрела. Почему он остановился? Почему не целует её, если это так сладко?

Мужчина пытался прийти в себя, а она, подняв руки провела по его волосам, плечам и он снова, не удержавшись, впился в её губы, терзая их в немом восторге.

— Любава, Любушка...

В сознании Любавы отпечаталось то, что так её называл Алекс. Алекс... Он же где-то здесь, близко... А она...

Любава вспыхнула и отстранилась от Тодора. Теперь удивлённо на неё смотрел он.

— Забыла, что здесь Алекс.

Она поправила волосы и посмотрела в ту сторону, куда ушёл парень.

А тот уже приходил на поляну, видел чувственную сцену и не захотел мешать этим молодым людям, так давно не видевшихся. Алекс понимал, что эти двое влюблены друг в друга, хотя может и не догадываются об этом, думая, что их притягивает только страсть.

"Слава богам, никто не видел, как она страстно отдавалась чувствам", — мелькнула мысль в голове девушки.

— Я не знаю, как это вышло, — виновато сказал, почувствовав её страхи, Тодор.

— Алекс, Алекс! — позвала она громко.

— Иду, сейчас буду.

Любава повернулась к Тодору.

— Не болеет ли Ярополк? Всё ли хорошо у Миланы? — официально спросила.

Он ответил таким же тоном.

— Спаси боги, всё хорошо и с сыном и сестрой.

Тодор посмотрел не идёт ли Алекс и провёл ладонью по её щеке. Его глаза задумчиво смотрели на девушку.

— Любава, я не хочу тайком встречаться с тобой. Мне нужна жена, а моему сыну — мать. Когда я тебя не вижу, у меня болит сердце в страхе за тебя в наше смутное время. И я стараюсь найти причину, чтобы увидеться. А когда вижу — не могу сдерживать свои чувства, боюсь что такими бурными проявлениями могу тебя испугать.

«Не молчи... Говори... Мне так приятно слышать твой голос. Слушать и смотреть в твои глаза, купаясь в них, как в тёплом источнике, набираясь сил. Я парю, я растворяюсь в твоих объятиях. Меня нет. Есть лёгкое облачко, согреваемое твоими руками. Говори...».

— Я немного задержался. И попил и искупался. Вода холодная. Несколько родников из-под земли бьют. Хотел и вам набрать, но не взял во что. — На ходу изобретал Алекс.

— Ну что, мне пора в дорогу. Ярополк и Милана заждались вас. Может когда-то найдёте время и сможете приехать к нам. Любава, прошу тебя, подумай над моими словами.

Он вскочил на коня, кивнул головой и умчался, как будто бы и не было здесь.

Тодор часто ловил на себе женские зазывные взгляды. Но он был верен своей Заряне и даже мучаясь плотью, не позволял себе супружеских измен во время долгих походов. Это старший брат не особенно часто выезжал из города, а ему, бывшему воеводе приходилось бывать дома меньше, чем вне его.

Он был хорошим любовником, всегда умел очаровать любимую. От их любви родился сын, которого он долго воспринимал, как причину смерти жены. Не мог превозмочь себя, взять его на руки, приласкать. Потом стал винить себя. В начале их совместной семейной жизни являлся домой, выплескивал своё раздражение, усталость, гнев. Брал её, уверенный что так и должно быть, и она отдавалась ему истово и преданно. В этом вихре чувств Тодор

забывал о невзгодах, о потерях. В её объятиях он возрождался к жизни, очищался от окружающей его лжи, бесчестья.

Когда Зоренька его умирала, он оказался бессилён, а когда её не стало, до ужаса одинок. С бедою подошла усталость. Вот она лежит бездыханная. Его мечта, его любовь... Некуда идти, не к кому возвращаться.

Он сотворил тризну... Трещали поленья и жар поглощал её прекрасное, родное любимое тело. Как он мог выдержать слова соболезнования, сочувственные взгляды? Как он мог смотреть на это? Его не было... Он ушёл с нею к предкам... Вот улыбающееся милое лицо показалось в клубах дыма и он явно увидел родинку над верхней губой, к которой так любил нежно прикасаться и целовать.

Тодор после тризны исчез. Он смутно помнил как оказался в лесу. Только не помнил сколько дней и ночей там был. Кричал до хрипоты, глядя в небо и просил, молил богов вернуть её или забрать и его.

Тогда он забыл, что воин и много смертей видел, да и друзей терял в боях немало. Сейчас это была его потеря, его горе, его нерастроченная нежность! За ночи, проведенные в лесу, он никого не встретил. Даже волки обходили его стороною, чувствуя на расстоянии силу и переливающую через края злость. Злость на себя за то, что не сумел, не уберёг.

Так и жил со злостью, обидой и болью. Пока не встретил эту девушку, которая лечила его сердце, даже не подозревая об этом. Он знал, что боги дали ему её за всё, что он перенёс. За бессонные ночи, непоправимые потери. Тодора так к ней влекло, что казалось, чувствует её на расстоянии. Её неуверенность и страх, её радость. Боялся одного, что не полюбит его, а тянется только потому что молодая. Что для неё он первый взрослый мужчина и это ей лестно. Что не какой-то отрок молодой рядом, а он, сильный и опытный.

«А может и не первый? — в который раз ревниво уколола мысль. Податливое, гибкое, тёплое тело, губы льнули к нему, обволакивали, разрушали мысли. Или это извечные женские инстинкты пробуждались, чтобы завлечь здорового зрелого самца? Боги, о чём он думает? Снова чёрные мысли, разрушающие разум...

Вечерело. Сгущались сумерки над головой, засыпали деревья и цветы. Где-то в некошенных травах волновался чибис.

Последний луч солнца коснулся земли и за горизонтом, красной кровью помеченное как-будто облако, закрыло его собой, предвещая на утро ветер.

Тодор спешил, чтобы поскорее вернуться домой. Знал, что уже волнуются и бояре и Милана. А воевода готовит дружинников на поиски его. Ведь не взял, как положено, с собой отроков.

«Надо было бы предупредить». — Мысленно укорял себя Тодор. Я же не сам по себе, а в ответе за этих людей.

Забросил дела городские. Он знал, что его слушают и слушаются: все боятся силы. А вот за Любаву беспокоился. Её могли оставить княжить не потому что она сестра Мала, а чтобы боярам никто не мешал самим управлять землями. Слаба и молода ещё для власти девушка.

Тодор въехал в ворота и прямой дорогой направил коня к терему. На пороге его ждала Милана, тревожно теребя конец толстой косы.

— Больше так не делай, — молвила и вошла в терем.

«Сердится и понятно за что. И вправе — я глупо поступил».

Алекс улыбался, глядя на эту милую девушку. К ним решила приехать Милана, сославшись на то, что совсем заскучала дома и захотела немного поменять окружающую обстановку. Алекс думал, что причина в другом. Она, как сестра и единственный близкий человек Тодора, решила сама разобраться в ситуации, что сложилась. Глазами девушки изнутри пытаюсь узнать о чувствах Любавы к своему брату.

Любава была искренне рада своей гостье. Сейчас близких друзей, конечно если не считать Алекса, не было. А всегда хочется с кем-то поделиться девичьими тайнами, расспросить о чём-то. У княжны был человек, которому она безгранично доверяла — старая ведунья, но она стеснялась многое рассказывать женщине, намного старше себя. И когда появилась Милана, девушка очень обрадовалась этому. Тем более, она заметила, что Милане небезразличен Алекс. А ей и самой хотелось, чтобы друг нашёл себе пару. Хотя он, как успела заметить, не спешил это делать. Сколько красивых девушек в городище пыталось завлечь его, но как ни странно, он ни на кого из них не обращал внимания. Ей казалось, что Алекс никого из женского пола и не видит вокруг себя, его больше интересовали обычаи, занятия древлян.

Когда парень видел что-то новое, то глаза его загорались и он пытался всё это научиться делать своими руками. Это девушке казалось непонятным, потому что все отроки в округе, мало-мальски симпатичнее страшилищ на огородах, не пропускали ни одной юбки.

Милана искоса посмотрела на Алекса и лёгкий румянец упал на её щёки. Это не осталось незамеченным Любавой, которая решила сразу же узнать истинные намерения приезда Миланы.

Она показала комнату девушке, помогла ей там обосноваться. А потом закрылись и даже не впустили к себе Алекса.

— Почему же ты не приехала к нам?

— Собиралась, да всё некогда было.

— Ярополк за тобой скучает да и не только он. Тодор постоянно думает о тебе. Я же это вижу. Нравишься ты ему... Да о чём это я, ты же и сама это знаешь.

— Не могу до конца разобраться в своих чувствах, — опустила глаза девушка, задумчиво теребя косу. — Тянет к нему. Вот так бы и смотрела на него, а как дальше и что дальше — не знаю.

— А скажи, Любава, — зарделась Милана, — может потому ты не можешь принять Тодора, что Алекс тебе нравится? Постоянно возле тебя.

— Я сама так раньше думала... И сейчас знаю, что дороже и надёжнее у меня никого нет. Но Алекс мне как брат, а не любимый. Вернее любимый, но брат. Скорее мне мешает приблизить к себе Тодора его любовь.

— Как это может быть? Я думала, что любовь роднит людей.

— Нет, я имею в виду его любовь к Заряне. Её хотя и нет, но если он любил её так сильно как ты рассказывала, то такая любовь не умирает. Он люб мне. Но если, обнимая меня, видит в своих объятиях её? Как мне знать? А я ведь хочу не только любить но и быть любимой, понимаешь? Поэтому я молчу. И даже не могу поговорить об этом с Алексом, хотя мы всё стараемся рассказывать друг другу. Он пытается выполнить обещание, данное Малу — не давать меня никому в обиду.

— А как Алекс появился у вас? — заинтересовалась Милана.

— Вот сейчас я стала задумываться о том, что уж как-то странно он появился здесь. Как-будто боги послали его в самые тяжёлые наши времена. Он помогал Малу, когда тот искал меня. А когда сильно заболела, сидел рядом днём и ночью. А бабушка-ведунья потом сказала, что если бы не он, то я бы уже была по ту сторону жизни...

— А мне Тодор ничего не рассказывал о том, что ты потерялась. В лесу? Но ведь ты лес хорошо знаешь. А может в Киеве? Такой большой город. Я сама когда-то в нём дороги к нашим не могла найти.

— Не люблю я об этом рассказывать, да ладно. Ведь ничего плохого не случилось. Одним словом, умыкнул меня киевский отрок.

— Как? Без твоего на то согласия? — Ужас плавал в глазах Миланы. — Он обидел тебя?

— Ну что ты, нет. Просто мы стали свидетелями того, как убили Игоря и он со всей злостью и ненавистью потащил меня к княгине, чтобы та решила мою участь. Нам конечно пришлось... Я ведь попыталась сбежать ночью, а тут волки... И ведь никогда летом на людей не нападали, а те были какие — то странные. Окружили меня, а оружия никакого. От ужаса закричала, а он услышал и пришёл на помощь. С одним ножом справился с матерым зверем, а я тем временем успела подбежать к костру, возле которого лежал его меч и убила второго.

— Ты убила мечом волка?

— Ну да, а что здесь такого. — Равнодушно ответила. — Я умею всё. Меня Мал научил нападать и защищаться. Брат меня и нашёл, когда с Алексом возвращались из Киева. Вернее не нашёл, а тоже как-то странно получилось. Не одна дорога ведёт в Киев и из него, а ведь поехали по той, где были мы.

— Знаешь, я так скучаю по брату. Говорят время лечит, но я этого пока не ощущаю, — зазвенели слёзы в голосе Любавы.

— Ну что ты, милая, — Милана поднялась и обняла худенькие вздрагивающие плечи. — Наши братья — воины и мы всегда должны быть готовыми к такой развязке. Мне легче, хотя и нельзя так говорить. Но наш брат был гораздо старше нас с Тодором. Мы росли вместе, а он уже заменил древлянам старого князя, нашего отца. Мы редко виделись. Тодор в походах, а он княжил. Но мы все помним о том, что мужчины умирают не на кровати. Они идут к своей дружине в иной мир.

— А я была не готова...

Вдруг Любава вздрогнула, представив себе лишь на миг, что убит Тодор и нет его на этой земле. И такая боль пронзила её сердце, что она даже на миг растерялась от такой реакции. "Почему такую боль я испытываю, лишь подумав о его смерти? Потому, наверное, что он молодой и красивый и у него есть маленький сын, которому нужен отец".

Они на минуту затихли. каждая думая о своём.

— С кем же Ярополк? Как он отпустил тебя?

При воспоминании о мальчике у Любавы высохли слёзы, а на лице Миланы появилась улыбка.

— Отпустил ненадолго. Но сказал, чтобы без тебя не возвращалась. Очень ему понравились ваши бои с подушками, — лукаво улыбнулась зардевшейся Любаве.

— Ну ладно, вечера длинные, наговоримся ещё. Мы с Алексом часто прогуливаемся верхом на лошадях. Присоединишься?

— Ну конечно же, почему бы и нет. С удовольствием.

Но на следующий день у Любовы собралось сколько дел, что пришлось отложить поездку.

— Езжайте с Алексом, — сказала Милане виновато. — Я его попрошу и он проводит тебя к бабушке-ведунье. Захочешь узнать о своей судьбе — расскажет, травок разных даст от хворей. А я потом попозже присоединюсь к вам.

— Травы, это хорошо, а о судьбе знать не хочу. Что будет, то и будет. Нам о том знать не положено.

— И то правда... Алекс, покажешь Милане нашу поляну и озерце. Ладно?

— Почему бы и нет? — приятна была сама мысль, что он вместе с этой хорошенькой, умной девушкой побудет наконец только вдвоём, поговорит с ней, узнает поближе.

Любава посмотрела им вслед и зашла в терем. У неё были дела, но их можно было отложить. Уж очень хотелось оставить этих двоих наедине.

Алекс и Милана ехали рядом, лошади шли ровным шагом по дороге среди леса. Никто первым не начинал разговор, но наконец видя смущение девушки Алекс начал издали, расспрашивая о Тодоре, Ярополке. Милана стала рассказывать, постепенно раскрываясь, показывая всё новые грани своего характера. Она была смешливой, остроумной, любящей. И Алекс невольно залюбовался ею. Парень уже не слушал, о чём она говорила, а только повернув к ней голову смотрел, пытаясь улыбаться когда улыбалась она, хмуриться, когда внезапно хмурилось её лицо. Такая почему-то родная и до боли знакомая. Как-будто знал её уже тысячу лет.

— А он не хочет... А ты как думаешь? — внезапный вопрос прервал ход его мыслей. Она ждала ответа, а Алекс даже не предполагал о чём идёт речь.

— Почему же он не хочет? «Интересно, кто это — он?».

— Тодор считает, что мне лучше быть дома, чем куда-то ехать.

Тут уже забеспокоился Алекс. Куда это ещё она собралась?

— А куда нужно ехать?

— Ну я же тебе рассказывала, — удивлённо посмотрела на него Милана. — Княгиня Ольга отсылает посольство в Болгарию. Ты же наверное знаешь, что она предлагала ехать туда Любаве, а потом мне, когда та отказала.

— Зачем тебе это надо? — Почему то всполошился Алекс. «Чудные какие-то здесь девушки, всё им на месте не сидится. Одной бы воевать, другой страны заморские смотреть».

— А ты то сама хочешь?

— Ещё не знаю, время есть чтобы подумать, а вот Тодор против.

Алекс понимал, что девушка ожидает его ответа. А что он мог ей сказать? То, что с нетерпением ждёт возвращения на Землю, а обмануть её не может. Не может обнадёжить. Теперь он понимал истинную причину приезда Миланы, но молчал и девушка подумала, что зря начала этот разговор. Ей был очень симпатичен Алекс, а она ему видно — нет. Если нужна была бы, то никуда не отпустил. А он просто молчит. Зря приехала, зря разбередила сердце.

— Вот и наша поляна, — прервал неловкое для них молчание Алекс. — Здесь мы проводим тренировочные бои с Любовой.

— И здесь, наверное. Тодор впервые увидел её.

Алекс удивился, насколько близки были брат и сестра, ибо она или знает или догадывается о подробностях. Милана спешила и пошла вперёд.

— Здесь так красиво, — повернулась к нему Милана. — Алекс, пожалуйста, поцелуй меня, — вдруг прозвучала неожиданная просьба. Для него.

Но так давно сам этого хотел — обнять и поцеловать её, что не раздумывая ни о чём, а боясь, что передумает она, испугавшись своей смелости, он сделал шаг навстречу. Медленно наклонился к её желанным губам и припал нежным поцелуем. Она растворилась в этой нежности. Ощущения были такими удивительными, что девушка подняв руки, положила их на плечи Алексу и упивалась такими неизвестными доселе чувствами.

Как она могла когда-то подумать, что целоваться с чужим человеком это противно? Боги, как же это хорошо!

Алекс открыл глаза и посмотрел на девушку — такую прекрасную и невинную. Он уже заметил, что Милана даже не умеет целоваться, она просто приняла его поцелуй, но не ответила.

— А теперь поцелуй меня, — попросил внезапно севшим голосом.

Она с готовностью прижалась к парню и ответила на его поцелуй. По-детски нежно и невинно.

Алекс взорвался, накрыл её рот своим и раздвинул её губы языком. Руками он держал её зарумянившееся лицо. Милана почувствовала как что-то твёрдое упирается ей в живот. Нега охватила тело девушки, ноги подкашивались. Хотелось опуститься в траву и целовать эти нежные губы, ощущать на себе эти тёплые сильные руки.

— Чёрт, — первым опомнился Алекс и отодвинул девушку от себя.

— Тебе неприятно было меня целовать?

— Мне очень хорошо с тобой, Милана. — Не мог соврать ей Алекс.

— Почему же ты так резко отошёл от меня?

— Потому что такие поцелуи могут привести к другому, — что-то пытался объяснить.

— Я знаю, но разве нельзя пока просто целоваться? Это так прекрасно!

«Боже, как она чиста и невинна. И как же я хочу её! Но буду большим подонком, если придётся отсюда улетать, а она останется с разбитым сердцем. А вдруг меня уже никто не ищет..? Вот тогда мне лучшей жены не найти. Время всё расставит по своим местам».

*

Любава медленно ехала по лесу навстречу Алексу и Милане, в надежде, что дала друзьям поговорить и определиться. Видела взаимное притяжение этих двоих и хотела чтобы они стали ближе, узнали бы друг друга получше. Вдруг из-за кустов послышался какой-то шум и девушка насторожилась. Крупный зверь поломал ветку. Но это был не лесной зверь. Навстречу с наглой ухмылкой вышел тот, кого она ну никак не ожидала здесь встретить — Полуян.

Он схватил за уздечку её лошадь и остановил.

— Что, не думала больше увидеть? — угадал её мысли.

— До Киева далеко, обычно вы к нам только за данью приходите, — ответила с сарказмом в голосе.

— Слезай, или и будешь там сидеть? Прикипела к седлу или боишься?

— Чего мне бояться? Или кого? Я на своей земле, а вокруг мои люди. — Спокойно ответила.

— Нет вокруг никого. Зря сама разъезжаешь. А вдруг — волки? — хитро посмотрел на неё.

— Не волков надо бояться, а людей. Таких как ты!

— Чего меня бояться? Наоборот, все девки от меня одного и того же хотят. Роями вьются.

— Да уж как хотят я видела, — ухмыльнулась ему в глаза Любава.

— Что я снизу вверх на тебя смотреть буду? Становись рядом и поговорим.

— Не о чём нам с тобой разговоры городить. Пусти, — тронула поводья, — я поеду.

— Эй, отроки, — позвал куда-то в сторону. — Подойдите сюда.

Любава посмотрела туда же что и он. И онемела. К ним подходили Подвизд и ещё два парня.

— Не хочешь сама сойти, они помогут. Решай.

Любаве стало спокойнее. Она знала, что Подвизд её не обидит и не даст в обиду никому.

Девушка опустилась на землю и Полуян удивился такой её покладистости.

— Неужели испугалась? Да не бойся, не обижу, — мирно сказал.

Любава повернула голову и посмотрела на Подвизда, который не мигая смотрел на неё. Нежность, тревога, страх — всё было в этом взгляде.

— Ладно, отроки, отойдите подальше и смотрите, чтобы никого не было. Нам поговорить надо, — масляно заблестели глаза Полуяна.

Любава посмотрела на Подвизда и увидела, как он опустив голову вместе с другими парнями удаляется в лес.

— Испугался! — заметалась мысль. — Что же делать? Помощи ждать неоткуда и ведь даже нож с собой не взяла.

Намерения Полуяна видны были как на ладони. Нужно бежать и кричать, может кто-то услышит, — испуганной птицей билась мысль. В Киеве в тереме были люди, а здесь одна..

— Да чего же ты так боишься? Вот ведь как приглянулась мне, что нашёл к тебе сюда дорогу. — Взял её за руку, заглянул в глаза. — Думал о тебе ежечасно, как извиваться будешь подо мной от страсти, кусать, царапать, просить ещё и ещё.

Глаза горели, на губах змеилась улыбка.

— Я люблю непокорных, люблю их объезжать. Чтобы ползали у меня в ногах и просили потом ночи со мной. Тебе понравится, сама потом будешь молить об этом. Возьму тебя в Киев..., - притянул к себе.

Девушка оцепенела от его речей. Редко чего она боялась и сейчас как раз был один из таких моментов.

Он прижал её к дереву и впился каким-то диким поцелуем в губы. Любава уперлась в его грудь руками.

— Не бойся, лошадка, тебе будет хорошо, — дышал ей горячо в лицо.

Любава замотала головой из стороны в сторону.

— Нет, не трогай, меня, — закричала и начала вырываться.

— Замолчи, — рывкнул он, грубо схватив её за плечи. — Прими это как должное, детка.

Он наклонился к ней и поцеловал. В этот раз поцелуй был почти нежным.

— Стой спокойно и всё будет хорошо, — пообещал он.

Рука его начала путешествие по её телу, поднималась выше и выше по бедру, потом к ягодице и прижала к себе. Другая же пальцем обвела контуры губ, скул, опустилась к груди.

Глаза Полуяна внимательно следили за её лицом и телом, как оно откликается на его ласки. Он был опытным любовником покорившим десятки, а то и больше женщин и девушек и не любивший за собой оставлять долги. Таким долгом для себя он считал мечь Любаве,

которая унизила его честь и мужское достоинство. Эта девушка чем-то понравилась княгине и можно было ожидать со временем что она сможет как-то влиять на ту. А уж этого Полуян хотел меньше всего. Ишь, выскочка малая! Только приехала, а уже с княгиней в опочивальне наедине разговаривает. О чём? А пойдёшь узнай. Может сначала о бабском, а потом и к другому переберутся.

Он решил унижить эту гордячку, для того и приехал. Возьмёт её, а потом бросит. Растерзанную и униженную. Уж очень о себе много мнят эти гордые древляне.

Ещё немного усилий с его стороны, правда для него тоже приятных, и она сама попросит окончания.

Опустив голову, нежно прошёлся губами по её шее, опустился вниз, к ложбинке между грудей, провёл языком по этой нежной выемке.

Внезапно девушка почувствовала, что уже лежит на земле, А Полуян пытается опустить ей платье с плеч ниже, оголяя грудь. Что — то твёрдое внизу давило на её тело и она чувствовала это даже через ткань платья.

А он ещё крепче прижал её к земле, руками удерживая её руки. Ей стало тяжело дышать от тяжести навалившегося тела, подмявшего её под себя. Мужчина был куда сильнее девушки. Чем яростнее она вырывалась, тем больше он прижимал к себе, терзая её губы.

Любава вдруг поняла, что чем больше она сопротивляется, тем сильнее разгорается животное желание Полуяна. И её женская интуиция подсказала, что нужно действовать по другому. Девушка притихла, поймала губы мужчины и сама поцеловало его яростно и жестко.

Полуян от удивления на минуту остановился и ослабил свою хватку. И этой секунды Любаве хватило, чтобы собрав все свои силы, столкнуть его с себя и подняться.

— Не подходи, — закричала она.

Полуян с кривой улыбкой встал на колени, а потом поднялся.

— Какая же ты всё-таки глупая. Ну выиграла ты ещё пять минут, ну и что? Всё равно ведь моей будешь. Минутой раньше или минутой позже. — Двинулся к ней.

И когда подошел близко, она повторила тот же приём, что и в Киеве. Со всего размаха ударив коленкой по месту, которое предательски выказывало нетерпение и желание тела Полуяна. Он охнул и согнулся от боли.

Девушка не стала ждать, когда мужчина оклемается и бросилась бежать подальше от этого ненавистного места.

— У, гадина! Во второй раз... Где вы? Уснули, что ли? Поймайте мне её сейчас же, а то самим головы поотрываю. Вы меня знаете. — Понемногу приходил в себя Полуян.

Любава совсем близко услышала шаги и хруст веток.

«Боги, куда бежать? Где спрятаться, чтобы избежать этого позора»? — металась девушка.

Вдруг чья-то рука схватила её и потянула к себе. Она лицом к лицу оказалась с Подвиздом.

— Тихо. — прижал палец к её губам и подтолкнул за куст орешника. — Помолчи.

Но их уже заметили. Полуян стоял в нескольких шагах от них.

— Молодец, что поймал. Заплачу хорошо. Десятником поставлю. Давай её сюда!

— Не дам! — стал впереди, закрыв её собой.

— Ты что? — набычился Полуян. — Ты кто? Не слушаться? Рабом станешь, ноги мне будешь вылизывать.

— Не дам! — Ещё твёрже повторил Подвизд.

— Да чем же она тебя так покорила? — удивление плескалось в глазах Полуяна.

— Люблю я её. — Просто слетело с губ юноши и он ещё крепче взял девушку за руку.

Любава широко распахнула глаза. Она не ожидала услышать это прекрасное слово впервые в жизни именно здесь, в такое неподходящее для этого время.

Не ожидал их услышать и Полуян.

— О какой любви ты говоришь? Баба как курица. Просто петух нужен, а потом отряхнётся и дальше побежала.

— Она не такая, — повернул к ней голову и посмотрел с нежностью.

— Дурак, отдай её мне, а потом делай с ней сам что хочешь. Если не умеешь, то постоишь посмотришь как это делаю я.

Юноша упрямо молчал и Полуян увидел, что тот и правда не собирается отдать девушку.

— Ну ты сам этого хотел, — вытянул из ножен меч.

Подвизд стоял не двигаясь и Любава поняла, что он не сможет поднять руку на боярина. Девушка изловчилась и вытянула из ножен, висевших на поясе Подвизда меч. Стала напротив Полуяна.

— Что решила защищаться? А ты хоть его в руках держать можешь? — издевался над княжной.

— Смогу, если надо будет.

Он лениво взмахнул мечом, боясь нанести ей рану, которая не позволит ему потом закончить начатое обхаживание девушки.

Но она умело ответила на его удар и сама сделала выпад, позволивший немного продвинуться вперёд.

Полуян уже не игрался с ней, а отражал удары, пытался нанести ответные. Силы были неравными — опытный боец и хрупкая девушка, к тому же прошедшая через большое нервное потрясение. Перевес был на стороне Полуяна, который проделал свой коронный выпад и его меч остановился в миллиметре от голубой жилки, пульсирующей на шее Любавы.

— Ну вот и всё, — жестко произнёс он. — Я хотел по-хорошему, а не получилось... Ещё никогда никто не унижил меня безнаказанно. А наказание — твоя жизнь. Ты больше не нужна мне. — Вынес приговор девушке. — Умри!

Вдруг послышался свист стрелы и Любава увидела, что изо рта Полуяна струйкой побежала кровь, а меч выпал из руки. Она подняла глаза. Впереди стоял Подвизд с натянутой тетивой лука в руках. Она перешагнула через тело Полуяна и бросилась к юноше.

— Ты что наделал? Узнает княгиня — тебе не жить.

— А мне и так без тебя жизнь не мила.

— Бежать тебе надо! А где остальные отроки?

— В других направлениях рыскают. Ещё хорошо, что я здесь оказался.

— Мне повезло, а тебе — нет, судя по всему.

— Ты не любишь меня, Любава? — С тоской в голосе спросил.

— Хороший ты. Ты друг мне, очень хороший друг. Ты спас меня и от позора и от смерти и я этого никогда не забуду. — Она взяла за руку.

— Значит не любишь..., — опустил голову Подвизд.

Она обняла его, посмотрела в глаза.

— Найдёшь ещё свою любовь, а сейчас тебе нужно уйти. Пусть все думают что это я

убила Полуяна. Мы с ним почти равны по чину и может случиться всякое в споре. А свидетелей нет.

Но свидетели были. В сотне метров от них остановились Милана и Алекс, которые возвращались домой. Они увидели растрёпанную девушку, обнимающую незнакомого юношу.

«Это уже интересно. Какие-то тайны...», — подумал Алекс.

«Зачем ей мой брат, если она обнимает другого», — с тоской и тревогой за Тодора мелькнула мысль в голове Миланы.

Вечером Милана неожиданно засобиралась домой.

Любава вернулась в городище, когда заканчивался день и не разговаривая ни с кем, заперлась в своей светлице.

Выждав некоторое время, Алекс решил поговорить с ней и постучав, получил разрешение войти.

Девушка сидела у окна, положив на подоконник руки и опустив на них голову. "Что-то с ней не так», — окончательно убедился Алекс. Он подошёл поближе. Молчал, надеясь, что девушка сама расскажет о том, что её беспокоит. Но нет. Тревожила звенящая тишина.

— Что тебя гложет, Любушка? — в его голосе слышалось искреннее участие.

— Я всё тебе расскажу, но немного попозже. Когда разберусь со своими мыслями.

— Хорошо. Я пришёл тебе сказать, что Милана не будет гостить у нас и собралась домой.

— Почему? Я знаю, что ты не мог её обидеть. Значит что-то случилось? Тодор за нею прислал?

— Насколько я знаю — нет.

Он не мог ей сказать, что они стали невольными свидетелями той сцены в лесу. Алекс знал, что Любаве дорог Тодор, хотя может она сама ещё этого не поняла. А вот то, что в это не поверила Милана после увиденного, подтверждал её внезапный отъезд.

— Тогда почему же так спешно?

И Алекс решился.

— Мы с ней видели, как ты в лесу обнимала какого-то отрока. Я думаю, что Милане неприятно было это, ведь она знает о чувствах Тодора к тебе. Объяснись, пожалуйста.

— Что вы ещё видели?

— Мы подъехали именно к этому моменту и поверь, сцена была не особенно приятной, как для неё так и для меня. Ведь именно я уверял Тодора, что у него никаких соперников нет и сердце твоё свободно для любви.

— Я тебя сейчас попрошу об одном. Попроси Милану никуда не срываться, а я попытаюсь ей всё объяснить.

— Конечно попытаюсь, но она настроена решительно, знай. Может ты мне скажешь, кто был тот парень? Я его видел где-то, но не вспомню сейчас.

— Потом, Алекс, потом. Поверь что ты будешь первым, кто обо всём узнает, — боль сквозила в её словах.

— Хорошо, хорошо. Только не волнуйся. Прости.

Алекс нашёл Милану, вернее она сама его нашла. Лицо её было замкнутым и никакие эмоции не проникали через эту натянутую маску спокойствия и безразличия.

— Ну зачем тебе ехать, Милана? Пусть не получается что-то у Тодора и Любавы, но нам же интересно вдвоём?

— Тебе только «интересно»? — Посмотрела с немым укором.

— Милана, ты мне очень симпатична. Да ты сама это успела заметить. Но могут скоро сложиться такие обстоятельства, что... Одним словом, мы пока не можем быть вдвоём.

— Объясни слово «пока», — попросила девушка.

— Я хотел бы, но не могу тебе всё сейчас рассказать. Ты просто не поверишь.

— Видишь, у вас какие то тайны. У тебя и Любавы... А у нас с Тодором их нет. Мы говорим то, что чувствуем. Что я скажу брату? — боль плескалась в глазах девушки. Сказала бы ему прямо Любава что любит другого, он бы смог перебороть свои чувства, Наверное...

— Ничего пока ему не говори. Знаешь, часто глаза видят то, чего нет. Легко сделать какие-то выводы и осудить человека, но нужно послушать, что скажет он. Я только что был у Любавы и вижу, что она очень огорчена. Поверь, она большая оптимистка и легко преодолевает препятствия на пути. Но такое настроение я видел у неё всего пару раз. Значит что-то случилось, но пока не готова она рассказывать. Я думаю, что в таком настроении свидания с молодым человеком не возвращаются. Здесь что-то другое.

А Милана представляла, что Любава сейчас счастливая и весёлая. Ведь именно такие чувства она испытывала совсем недавно после объятий Алекса всего каких-то несколько часов назад.

Счастье переполняло её тело, она готова была взлететь и парить свободно и радостно после нежных поцелуев Алекса. А Любава обнимала тоже молодого человека там, в лесу... Что же случилось с ней?

Девушка сразу же забеспокоилась, забыв о своих выводах относительно поведения Любавы и решении немедленно покинуть этот дом.

— Что же с нею могло случиться? — участливо спросила она и Алекс присоединил в уме ко всем положительным чертам девушки ещё одну — великодушие.

— Ничего рассказывать не хочет. Отставь на завтра поездку, если решилась наверняка. Потому что я буду за тебя очень беспокоиться. Просто не знаю как поступить. Любава в каком — то горе и тебя не хочу отпускать одну... Прошу, останься. А завтра я проведу тебя домой, если не передумаешь. Ещё раз прошу — не делай поспешных выводов.

Что дальше будет, как сложится, а провести с ним хотя бы несколько часов ещё... Кто же откажется от счастья? И девушка согласилась переночевать эту ночь в Малине. Да и настроение Любавы стало её беспокоить. Что случилось? Что за мужчина был с ней в лесу? Почему не хочет ни о чём говорить?

Алекс поговорив с Миланой и уговорив её остаться, снова пошёл к Любаве. И после упорных вопросов и молчания всё-таки добился рассказа о произошедшем. Он не мог поверить, что такое могло случиться с девушкой. Сколько ей ещё придётся преодолеть испытаний, пройти их с честью?

Алекс благодарен был Подвизду, который сумел защитить её, но страх за девушку, город, понижывал его холодом. И никак нельзя было согреться, успокоиться.

Снова убийство на древлянской земле и не простого смерда, а боярина. Ничего хорошего людям, приютившим его, ждать в дальнейшем не приходилось.

— А может он просто ранен?

— Нет, я заметила, что рана была смертельной.

— Ой, как плохо всё, как плохо всё получилось. Но могло быть гораздо хуже для тебя, как я понимаю.

— Да уж... Он меч приставил к моей шее и если бы не Подвизд...

— Иди ко мне, сестрёнка!

Он сел возле неё и приобнял за плечи, а девушка постепенно приходила в себя и проявлением этого стал плач. Любава плакала горько и по-детски. Слезинки крупным горохом скатывались по щекам.

— Ну что ты, что ты, успокойся. Всё же уже позади. Всё хорошо, Любушка. Всё хорошо.

— Просто я очень испугалась, — горячо зашептала. — Особенно тогда, когда он сказал, что пора платить долги. Когда глаза его стали пустыми и жестокими. Это он, Алекс, приказал сжечь Мала. Я ведь запомнила этот голос на всю жизнь. Его я слышала в шатре у Ольги. Он на всё был готов, а я ещё не хочу умирать... — шмыгнула носом.

— Об этом я тебе и пытался толковать, что как бы ты не владела мечом, но мужчина, тем более опытный и сильный, не оставит тебе шансов. Так что о мести, сама видишь, нужно пока-что забыть... А теперь вытри эти потоки со своих глаз, а то скоро зальёт светлицу.

На них, тихонько отворив дверь, смотрела Милана. Ей тоже хотелось подойти, успокоить Любаву, расспросить, обнять. Но девушке казалось, что она лишняя в комнате, где сидят два очень близких человека. И они не нуждаются в её сочувствии.

Милана не слышала всего разговора, а только видела как Алекс вытирает слёзы плачущей Любаве. Им не до неё, — решила она и тихонько закрыла двери.

Когда Любава успокоилась, Алекс пообещал ей что утром они вдвоём поедут на то место. И уже поздно ночью, выходя из комнаты Любавы, вспомнил, что не подошёл к Милане как обещал. Вначале отправился к её опочивальне, а потом опомнился. Запросто он мог заходить к Малу, Любаве, а здесь ситуация немного не такая — ведь можно скомпрометировать хорошую девушку...

При воспоминании об утренней прогулке волна тёплых ощущений накатила на него. Губы мягкие, податливые, свежие. Тонкий стан... Как же она ему нравится... Но разве кому-то будет плохо, если он войдёт в её опочивальню? Нравы здесь, как он успел заметить, немного вольные. Он догадывался что не встретит сопротивления. И у него уже так давно не было девушки. Наверное сто лет, а то и больше. Ещё на Земле... Всё казалось таким далёким и полузабытым. Он же не слепой и видит что небезразличен Милане. Поцелуи, эта невинная близость могли бы стать прелюдией большего, прекрасного.

«Не ври сам себе, Алекс! Хочется секса, да ещё с такой привлекательной во всех отношениях девушкой? Да... Уймись и вырубь это чувство на корню, не позволяй ему перерасти в любовь. Потому что тогда будет очень трудно и тебе и ей. Господи! А наступит ли это «тогда»? Я так соскучился по комфорту. Мне приснилась мама и потом я долго не мог уснуть, как маленький ребёнок. Живу в подвешенном состоянии: ни там, ни здесь.

— А ты потерпи немного и может тогда определишься, где ты: там или здесь.

Два голоса в голове Алекса уговаривали друг друга и он ухмыльнулся: если дальше так пойдёт, то и шизофрения приветливо помашет рукой.

*

Любава смотрела на Милану непонимающе.

— Всё-таки решила уехать? Ты же собиралась погостить у нас. Значит что-то случилось?

— Нет, спасибо, я уже успела по дому соскучиться.

— Всего-то за два дня?

— Я же постоянно с ними — Тодором и Ярополком, и не привыкла надолго отлучаться.

— Домашняя ты, а собралась принять предложение Ольги.

— Раньше я сомневалась, а сейчас точно хочу уехать. Немного посмотрю на других людей, жизнь.

— Думаешь, Тодор позволит?

— Позволит. Меня здесь особо ничего не держит. А к зиме и вернусь.

— Как птица возвратишься с тёплых краёв, — улыбнулся ласково Алекс.

— Ладно, не хочешь оставаться — езжай, но с тобой я отправлю нескольких дружинников.

— Я дорогу домой знаю, — принялась отказываться девушка.

— Я тоже так думала, — непонятно для неё ответила Любава. И Милана заметила взгляд, которым обменялись они с Алексом.

— И я немного провожу, ведь мы с тобой так вчера и не поговорили.

Любава передала подарки, купленные в Киеве Ярополку. Вручила украшение и Милане, чем глубоко засмутила девушку, не привыкшую получать подарки от чужих людей. Она не знала, брать его или нет. Но всё же взяла. Милану мучила мысль: что же всё-таки случилось в лесу? Не потому что была очень любопытной. Просто Любава очень переживала. Не расстались ли они с тем юношей? Может он полюбил другую и это так обидело княжну, что заставило её проплакать половину ночи? Милане никто ничего не рассказывал, а спрашивать она не хотела. У всех могут быть свои маленькие тайны. Но если девушка так переживала разрыв, то Тодор ей совсем безразличен. Осуждать её не хотела и не могла. Тогда в первую очередь нужно осуждать и себя. Она вспомнила свою просьбу о поцелуе и щёки зарделись от смущения. Негоже девушке самой просить, но ведь так хотелось попробовать. И теперь эти сладкие, волнующие, зажигающие кровь поцелуи она запомнит навсегда.

Наверное будет у неё когда-то муж (как же без этого) и она будет сравнивать Алекса и его. И это сравнение не будет в пользу последнего.

— О чём ты задумалась, Милана? — спросил Алекс.

Они вырвались вперёд, а десяток дружинников остались далеко позади.

— Совсем ни о чём не думается, — грустно ответила. Это была совсем не та девушка, что вчера. Куда подевались смешинки, плескавшиеся в её глазах?

— Извини, что вчера вечером к тебе не зашёл.

— Я рано легла спать.

— Милана, помнишь о чём я тебе говорил?

— Когда?

— Вчера, на поляне. Ты мне очень нравишься, как никакая больше девушка. И если я захочу жениться, то другой, лучше тебя мне не найти. Знай это.

Он взял за уздечку её лошадь и остановил. Посмотрел вокруг — не видно ли посторонних глаз, чтобы не конфузить девушку. Дружинники были где-то за поворотом.

— Теперь у меня к тебе просьба.

— Какая?

— Можно я тебя поцелую? Прошу.

Она смущенно кивнула головой. Алекс прогнулся к ней. Держа одной рукой уздечку лошади Миланы и свою, другой он притянул к себе податливое тело девушки и припал к её губам нежным поцелуем. Милана, закрыв глаза, ответила ему сначала робко, а потом раскрылась навстречу, как цветок к солнцу.

— Мы ещё увидимся с тобой, Милана, — прошептал ласково.

— Когда и зачем? Ведь ты ясно дал понять, что будущего у нас с тобой нет.

— Глупенькая, будущее есть у всех. — Он снова впился в её губы, но сейчас это был страстный поцелуй, вызвавший в теле девушки бурю неведомых чувств.

— Возвращайся скорее, раз и вправду надумала ехать. Что тебе так далеко делать от родины? А я тем временем может разрешу все свои вопросы.

Она приходила в себя постепенно, не понимая, где она и что с ней. На каком она небе...

— Надумала и уже не передумаю. А там как судьба сложится... Может чувства к тебе мне только показались, а пройдёт время и окажется что это не так.

У Алекса ревниво кольнуло в сердце. Нет, отнюдь ничего не показалось. Он видит это в её глазах и чувствует то же самое. Не может двоим показаться...

Но обнадёживать девушку не мог, не имел права. Сказать, что из далёкого будущего — не поверит и посчитает что вру, лишь бы от неё быстрее отвязаться... А если бы взять Милану с собой? Мысль изначально сумасшедшая... Это всё равно что вырвать укоренившийся, распутившийся цветок и пересадить на другую клумбу. Он, несомненно, погибнет.

— Вот и хорошо, пройдем проверку временем.

Дружинники подъехали к ним. Алексу пора было возвращаться назад.

— Прощай, княжна. Не забывайте нас.

— Прощай, Алекс. Здоровы будьте.

— Передавай поклон Тодору, поцелуй за меня Ярополка.

Милана кивнула головой и тронула коня, за ней двинулась охрана.

«Обернётся или нет? Если да, то встретимся ещё».

Девушка не обернулась, не посмотрела назад...

Алекс, возвращаясь, заехал на место в лесу, где вчера произошли такие плачевные события. Он не знал что будет делать, если найдёт Полуяна, но его тянуло на это место. Говорят, так тянет убийцу на место преступления.

Полуяна нигде не было. Может Любаве привиделось всё это? Нет, конечно. Ведь такой удручённой как вчера, он видел её считанные разы. Может только ранили и он ушёл? Но если ушёл, значит легко ранен и придёт сюда вновь, но уже не один. Правда, девушка говорила, что с ним были отроки. Возможно это они тело Полуяна и отвезли в Киев. В общем, дальше ничего хорошего ждать не приходилось не Любаве, ни этой многострадальной древлянской земле.

Милана вернулась домой и Тодор удивлённо взглянув на сестру, поинтересовался, почему она не погостила дольше, так как предполагала.

— Заскучала за вами, — прозвучал скупой, но убедительный ответ.

Она поймала Ярополка, носившегося по комнатам и отдала ему подарки от Любавы. Мальчик несказанно обрадовался. И не сколько подаркам, а тому что его не забыли.

— Как они там? Что Любава?

— Тебе не стоит думать о ней, брат.

— Почему, что случилось с ней? — Встревожился Тодор, услышав такие странные для него слова сестры. Она же знала, что не думать о древлянской княжне он просто не мог.

Тодор жил с мыслями о ней постоянно. Вот она сидит за столом рядом с ним, трапезничает. Вот ласково обнимает Ярополка и вступает с ним в бой, щекоча весело смеющегося малыша. Слышит её смех, звенящий как маленькие колокольчики на ветру. Как не думать о ней, этой маленькой звонкоголосой птичке, которая разом вошла в его сердце и выбросить её, означает выбросить сердце.

— Она не для тебя, Тодор. Успокой своё сердце, брат. Любовь не для нас с тобой. Я устала и хочу отдохнуть.

— Нет, ты вначале расскажи к чему эти твои разговоры. И вообще, что случилось? Ехала туда весёлая, а вернулась такая грустная. И о Любаве загадками говоришь.

— Что ты хочешь услышать? Хорошо, я отвечу. Я скажу только то, что видела своими

глазами, не выдумывая ничего больше, а ты сам для себя решишь, — устало начала она. — Я видела, вернее мы с Алексом видели, что Любава стояла в лесу, обнявшись с каким — то незнакомым мне молодым человеком.

У Тодора на лице не дрогнула ни одна мышца. Он умел скрывать свои мысли, не выставляя их напоказ. Единожды он раскрылся, не боясь что его сочтут слабым человеком. После смерти Заряны. А потом, как бы ему не было больно, он скрывал это за равнодушной и спокойной маской. Вождю, князю народа никогда нельзя показывать своих истинных чувств, своих слабостей. Люди любят сильных, обласканных богами.

— Ты не спросила кто это?

— А зачем? Не сказали, значит не сочли нужным.

Милана понимала, что брат в недоумении от её рассказа, но сердце обрадовалось. Хорошо что сдуру не сказала, что девушка была немного в потрёпанном виде. Пусть решает сам, каждый живёт свою жизнь как хочет. Но это простому смерду, а не князю. Тот должен жить так, как надобно народу и земле. Зачем же она будет рассказывать о том, чего сама не понимает?

Тодор, видя её состояние, больше ни о чём не спрашивал. Стал рассказывать что-то о повседневных делах. А Милана решила, что не такое уж большое место занимала Любава в сердце брата. Ну и хорошо. Потому что теперь сама понимала, насколько это прекрасное и в то же время горькое чувство — любовь.

Что за дела такие у Алекса, почему он боится связывать с ней свою жизнь? А вот она бы жила с ним до самой старости. Благодаря богам за то, что подарили его ей, простой древлянской девушке.

Она понимала, что между Любавой и Алексом нет других чувств, кроме дружеских. Но в то же время её очень обидело его невнимание к ней вечером. Всё какие-то недомолвки, секреты. Наверное, нужно попытаться забыть его, хотя она всей своей женской сущностью понимала, что далеко небезразлична мужчине. Всё выдавали его глаза, нежность рук, биение сердца. И она в который раз повторяла давнюю мудрость: время поставит всё на свои места. А может, если уехать, всё забудется. Появятся новые интересы, новые знакомые и всё издали покажется таким мелким и не настоящим.

«Не ври сама себе, девица», — грустно подытожила свои мысли.

*

Вскоре Милана уехала и в тереме совсем стало тихо.

Ярополк носился со своими сверстниками по городу, только вечером вспоминая о своей любимой тётке. Однажды со старшими ребятами ушёл в лес смотреть птичьи гнёзда. А нянька и отроки с ног сбились, разыскивая его.

Тодор сам всполошился и решил поговорить с мальчиком. Вечером он зашёл к сыну, выдворив всех из комнаты. Присел возле него, почесал рукой спинку и Ярополк чуть ли не замурлыкал от удовольствия.

— Как ты провёл день, сынок?

Мальчик, как внезапно пробившийся сквозь землю родничок, зажурчал, взахлёб рассказывая о проделках и проказах.

— Сынок, это хорошо, что ты нашел себе друзей и тебе с ними весело, но ты заставил волноваться всех, кто тебя любит.

— А кто меня любит? — Вопрос малыша заставил на секунду задуматься. — Если бы меня любили, разве я был бы один?

Тодора удивили слова маленького мальчика.

— Я же с тобой.

— А Милана уехала. Я был непослушный? — Большие глаза с тревогой смотрели на отца.

— Ну что ты. Просто ей надо было уехать. Вот у тебя есть друзья и ей хочется с кем-то дружить.

— А со мной?

— С тобой она дружила, но ведь сколько в городище маленьких ребят, но ты же хочешь ходить в лес со старшими, правда?

— Ей не с кем ходить в лес и посмотреть на птичьи гнёзда?

— Можно и так сказать. Она ведь скоро приедет и привезёт тебе много подарков.

— Завтра? — Надежда росточком пробивалась в голосе.

— Нет, немного попозже. Но мы же её подождём?

— А Любава? — Не сдавался мальчик. — Она ведь обещала приехать и обманула. — Надул капризно губки.

— У неё, наверное, много дел. Вот управится с ними и захочет с тобой повидаться.

— А с тобой захочет?

— А со мной, наверное, нет.

— Захочет, она весёлая и добрая. Помнишь, как с ней было весело? — Звонко засмеялся малыш.

— Как же ты так далеко ушёл за город? — Перевел разговор на другую тему Тодор, переключив внимание ребёнка.

— А меня один из мальчиков постарше на спине нёс... Почему у всех мальчиков и девочек есть мамы, а у меня нет?

— Сын, я ведь тебе рассказывал, что у тебя была мама, но она умерла. — Видя в глазах ребёнка вопрос, добавил, — улетела очень далеко.

— За лес?

— Немного дальше...

— Она не хотела нас видеть? Она нас не любит?

— Она любит, но приехать не может.

— Плохие люди её не пускают? Давай возьмём мечи, поедем и побьём их.

— Умничка, смелый мой сын. Ты ещё маленький, а когда подрастёшь мы обязательно поедем освобождать маму.

— А нельзя, чтобы пока у меня мамой была Любава?

Глаза Ярополка смотрели на отца не мигая. Он видно давно уже думал об этом. Родная мама была где-то далеко, и не вызывала у малыша никаких эмоций. А Любава была близка мальчику.

— Тебе, сынок, пора спать. Уже поздно, — ушёл от ответа Тодор. — Закрывай глазки и пусть тебе приснятся сладкие сны. Но прошу тебя, не уходи далеко от дома. Договорились?

— Хорошо. Но ты всё же попроси Любаву стать моей мамой, — не забыл напомнить отцу. Мальчик лёг на бочок и Тодор заботливо укрыл его перинкой.

— Посиди возле меня, пока я усну. Ладно?

— Хорошо, сын. Спи, а я посижу возле тебя.

Ревность раздирала его изнутри. Это чувство не покидало его с тех пор, когда он только увидел Любаву. Ему казалось, что вначале возникла ревность, а потом уже симпатия к этой

девушке.

Князь полностью с головой вошёл в дела древлянской земли: суды, решения, объезды. Он был строг и подтянут, серьезен и мрачен. Ничто не выдавало в нём дикой, безудержной игры чувств.

Тодор никогда не оставлял дела незаконченными, поэтому решил всё-таки повидаться с Любовью, чтобы потребовать объяснений. А на самом деле, хотя он и боялся признаться себе в этом, просто повидать девушку за которой очень скучал.

Дорога не отняла много времени и вскоре он уже входил в терем Любавы. Там было тихо. Дворянка сказала, что Алекс на реке ставит верши на рыбу и это удивило князя: занятие только для смердов... А княжна была у себя в опочивальне. Тодор напрямик и направился туда. Девушка изменилась... Потускнели и стали грустными глаза, точёная фигурка стала ещё более хрупкой.

Увидев Тодора, Любава от неожиданности отступила шаг назад и даже что-то вроде испуга промелькнуло в её широко распахнутых глазах.

Совсем не то хотелось увидеть там Тодору. Надеялся что обрадуется встрече с ним, хотя бы как с другом. А в её глазах никаких положительных эмоций... Это задевало и вызывало у князя ревность к тому, другому, для кого эти глаза загорались радостью.

— Ищу причину и не нахожу, чтобы объяснить своё присутствие здесь, — виноватым голосом сказал Тодор.

— Это хорошо, что ты приехал. И Милана с тобой?

— Нет, разве ты не знаешь, что сестра уже уехала? — Удивился мужчина.

— Как? Но почему же она хотя бы не заехала попрощаться, ведь это по пути.

— Она просто торопилась, — не хотел вникать в подробности Тодор.

— Я думала, что мы подружились. Правда, она так быстро собралась и ничего не объяснив, уехала. Я подумала, что она за Ярополком соскучилась...

— Да и это тоже. А он сейчас за нею скучает, а меня просит привезти ему маму.

Любава молчала. Что она может сказать? Сложилась такая ситуация, что сама над обрывом, а другого, близкого человека она не могла подставить вместе с собой под гнев Киева. А то что это будет рано или поздно, она не сомневалась. Как не простили смерти Игоря, так и не простят смерти боярина, имевшего влияние на других, а на Ольгу в частности. Она уже не думала о своей личной жизни, а только изредка приходила мысль, что этот год не её. Уж очень многое свалилось на голову и на головы её земляков.

Но ничего этого Тодор не знал, поэтому продолжил.

— И знаешь кого? Просит, чтобы ты была его мамой.

— Я? — Удивилась Любава. — Он хочет, чтобы я была его мамой?

— Ну да. А я хочу, чтобы ты стала моей женой, если в твоём сердце осталось немного места для меня.

— Почему же немного? — На бледном лице девушки появился румянец.

— В твоём сердце, наверное тот юноша...

— С которым меня Алекс и Милана видели в лесу, — закончила она предложение.

— Если он тебе близок, ты скажи и я навсегда уйду с твоей жизни, как бы мне не хотелось обратного.

— Нет, Тодор, то был просто друг, который спас и жизнь и честь мою.

Князь нахмурил брови. Он не мог ничего понять.

— Продолжай, — попросил тихо.

И девушка, глотая слова и слёзы, рассказала о своём невесёлом приключении в лесу.

— Почему ты была одна?

— Я часто бываю одна в лесу, ещё с детства. И Милана же тоже приезжала без сопровождения.

— Как бы не так. Это ей так хотелось, но по моему приказу на расстоянии, чтобы она не заметила, её сопровождали дружинники. Сейчас ведь не те времена, что раньше, — назидательно закончил он.

Любава почему-то надеялась услышать другие слова: утешения, ободрения и ей был непонятен этот тон.

Как много значат иногда слова... Девушка почувствовала, что переступила важную для себя черту. Если бы он обнял её, начал утешать, она бы снова плакала и жалела себя. А когда Тодор, выслушав её рассказ, только указал на то, что пора быть взрослее, Любава внутренне приосанилась и успокоилась.

— И вот ещё что скажу, — немного подумав, продолжил, — будь хозяйкой в моём тереме, будь моей княжной. Хватит тебе самой всё решать и самой за всё отвечать. Не для тебя это — в страхе жить, птица ты вольная. Принуждать ни к чему не буду. Решай сама, слушай своё сердце. Если есть ко мне хоть какая-то толика чувств — соглашайся. Нет — больше настаивать не буду. Но защитить тебя смогу, а это сейчас самое главное.

— Не хочу чтобы ты пострадал, ведь вина моя.

— В чём твоя вина? Они привыкли получать то, что хотят. Но бывает не удаётся...

Горечь была в сердце Тодора. Больше он ничего о своих чувствах говорить не будет. Пока страх движет ею, плохие воспоминания затмевают действительность. Нужно немного времени, чтобы её девичья сущность взяла верх над всем остальным.

— Кто же тот парень, что помог тебе?

— Подвизд, отрок князя Игоря.

— Отрок князя убил боярина? — удивлённо вскинул брови Тодор.

— Да, он когда то умыкнул меня и хотел в Киев забрать. От волков ночью спас, — думая о чём-то своём произнесла Любава, — и сейчас помог. Так вовремя там оказался! Теперь я за него боюсь, ведь если узнает обо всём Ольга, лютой смертью он умрёт и семья его сильно пострадает, — с тревогой в голосе закончила она.

— И где он сейчас? — Оглянувшись, как бы стремясь увидеть того здесь.

— Я его попросила уйти, укрыться.

— Он, наверное, любит тебя, если так подставил голову.

— Полуян ему обещал и деньги большие и повышение по службе, но он не предал меня, — гордость за поступок юноши звучал в голосе.

— Хорошим дружинником он бы не был, потому что всё на девушку променял.

— О чём ты, Тодор? А если бы ты был на его месте?

— Я никогда не буду на его месте, а он на моём. По той же причине. Вначале долг, а потом всё остальное.

Любава удивлённо посмотрела на князя. Она его решительно не понимала. Девушке всегда казалось, что из-за любви можно решиться на многое. А оказывается что долг для него превыше всего. Впрочем, как и для брата её, Мала. И чем всё это закончилось? Почему мужчины такие. Бои, походы всегда нужнее им чем женщины?

Все мысли Любавы были написаны на её лице и Тодор без усилий читал их.

«Ох ты, птичка-невеличка, это у вас, женщин любовь всегда на первом месте. Наплетёт

вам целый короб вот такой отрок, а вы и растаете перед ним». Тодор решил ещё дома, что чувств своих больше не покажет. А вот выжигала ревностью. Он боялся прикоснуться к ней, чтобы не вспугнуть, не обидеть. А её какой то юноша успел умыкнуть... Какая женщина не уступит молодому мужчине, тем более юная девушка, которой не терпится всё познать? Да что же это такое? Почему я так накручиваю себя? Зачем? Ведь ничего не вернуть и повернуть вспять нельзя.

— Здоров будь, князь, — радостно кинулся к нему вошедший Алекс. Он не слыша голосов, пришёл в опочивальню к Любаве, подозревая, что она снова грустит. Но увидел Тодора, правда задумчивого и на вид сердитого.

— Здоров будь и ты, Алекс, — улыбка озарила лицо князя. — А ты всё что-то изучаешь?

— Да вот ты знаешь... — И умолк, догадавшись что рассказ его о рыбной ловле сейчас будет неуместным. — Какими судьбами к нам?

— Прошу Любаву стать хозяйкой в моём доме. — Не стал таиться от Алекса Тодор.

— Ну, а она? — повернулся к девушке.

— А она согласна, — услышали оба неожиданный ответ.

Тодор даже растерялся, не зная как отреагировать, хотя в мечтах давно слышал эти слова. А вот Алекс обрадовался. Обрадовался за девушку, зная, что она будет за Тодором как за крепкой стеной. И за Тодора. Из-за мужской солидарности, видя что тому очень нравится девушка. Ну и конечно обрадовался за себя, потому, что хотелось быть ближе к Милане...

— А меня не оставите здесь? — спросил лукаво.

— Да куда тебя денешь? — улыбнулась, вопрошающе посмотрев на Тодора.

— Всегда буду рад видеть тебя у себя в городище.

Когда князь уехал, Любава собрала бояр и сообщила, что выбрала себе мужа по сердцу — Тодора, а значит будет княжной всех древлянских земель.

Без печали покидала это место. Не было Мала, лучшие бояре и дружинники погибли. Первые в Киеве, а другие на тризне по Игорю. Не на кого было опереться, каждый из оставшихся хотел власти сам. Это был уже не тот город: гордый и сильный, с населяющими его людьми, почитающими закон.

Когда все формальности были соблюдены, девушка стала собираться. Приданого было много. Мал хотел, чтобы красоту сестры оттеняли драгоценности, одежда, красивые лошади.

Все дворовые оставались в тереме для поддержания порядка. Любава могла приехать сюда в любой момент, а чистоту и уют она ценила. Только старая нянька очень просила взять её с собой, а Любава и не думала ехать без неё.

Перед отъездом зашла попрощаться к старушке-ведунье в лес.

— Уезжаешь в Искоростень?

— Откуда ты всё знаешь, бабушка?

— Да уж знаю, — хитро прищурила глаза ведунья.

— Надо — зови! — поцеловала девушку на прощание. — Или присылай Алекса, за вами скучать буду.

Когда Любава в сопровождении прибыла в Искоростень, то увидела, что её здесь ждали. Князь встретил девушку за воротами и в глазах его была неприкрытая радость. На улице городища, которая вела к терему, собралось много народа. Дети приносили княжне цветы и от такого проявления дружелюбия Любаве становилось спокойнее. Какое-то непривычное для неё оцепенение прошло, а ведь оно не покидало её уже довольно давно.

— Ну вот и наш дом, проходи, молодая хозяйка.

А навстречу уже бежал Ярополк, раскинув широко руки.

— Это будет наша мама? — радостно сверкали глаза.

— Да, сынок, наша мама. Как ты и просил.

— Вот как хорошо! Ну так хорошо! Правда, Любава? Пойдём, поиграемся. Я за тобой соскучился. Очень-очень!

— Милый мой, я тоже за тобой соскучилась. Очень, очень. — Наклонилась к мальчику и прижала крепко к себе. Она очень боялась приближающихся событий и казалось, что лучше бы она осталась в Малине.

Тодор показал комнаты Любаве и Алексу, где они могли остановиться и отдохнуть перед пиршеством.

Во дворе и на кухне кипела работа. Ключница едва успевала выдавать дворянам, сновавшим от клетей до кухни, продукты. Пир готовился на весь мир. Их князь привёл в терем молодую хозяйку и её нужно было встретить достойно.

Любава всегда всё делала сама, а сейчас её ожидали две молодые дворянки, приставленные Тодором в услужение.

Как хорошо с дороги было вымыться, расчесать свои пышные волосы.

Она надела платье, специально сшитое для этого события. Мал когда-то в Киеве купил белого шелка, расшитого золотом, а умелые мастерицы сшили платье, облегающее фигурку девушки, не сковывая её движений.

Увидев впервые это платье Мал сказал, что похожа сестрёнка на белого лебедя. Её муж залюбуется, вместо того чтобы уделять внимание гостям. Этими словами очень смутил тогда Любаву. Белая накидка с золотым обручем была в тон платью.

Когда она вышла навстречу Тодору, то увидела неподдельное восхищение в его глазах, а Алекс покачав головой и улыбнувшись, молвил:

— Во всех ты, душечка, нарядах хороша.

Тодор взял её под руку и повёл в гостиную, где стояли уже щедро накрытые столы, а вокруг них — бояре, воеводы, старейшины.

— Садитесь, люди добрые. — Поклонилась им низко.

— Княгиню, княгиню! — услышала громкие крики со двора и вопросительно посмотрела на Тодора.

— Люди ждут, что бы мы вышли к ним и одарили.

Она кивнула головой и вместе с князем медленно двинулись по переходам, неизменно встречая людей, которые кланяясь им, радостно улыбались. Любава понимала что князя здесь любят. И рады что он обретёт счастье в жизни, пройдя такой трудный для него этап потери жены. Девушка сразу же засомневалась: сумеет ли подарить этому, несомненно заслуживающему счастья человеку, радость и покой.

Любава вышла на крыльцо и даже зажмурилась. Много людей было во дворе и они тоже приветствовали князя и княгиню.

Тодор поднял руку, прося тишины.

— Спаси вас боги, древлянский народ, что разделяете радость и трапезу с нами в этот день. Все боги и Лада благословляют нас и их десницы накроют нас благодатью своею. — Пируйте же вместе с нами, принося жертвы благодарности богам, — поклонился на три стороны Тодор.

Народ не заставил себя просить дважды, все бросились к скатертям, выстланным на

земле. Стали наливать себе медовуху из корчаг, благодаря за угощение князя и княгиню.

В большом зале тоже все насыщались едой и запивали брагой и медовухой, хмелели. Становилось шумно. Голоса уже перекрикивали друг друга.

Любава сидела возле Тодора молча и ей совсем было не до еды. Он тоже не пил, а только с улыбкой поднимал бокал когда кто-то хотел с ним выпить. Но только пригубливал хмельное. И ему тоже было не до еды.

Тодор очень ждал этого дня, когда перед богами назовёт Любаву своей женой и уже боялся, что он никогда для него не настанет. Когда так неожиданно для себя он получил в ответ «да», свершилось то, о чём мечтал. Но странное дело, князь обратил внимание на то, что на лице девушки совсем не было радости, а движения были напряжены и немного заторможены. Он мог сравнивать... Когда брал в жёны Заряну, она как птичка щебетала, глядела с любовью на него своими большими глазами. А он! Его счастьем не было границ. Весь мир готов был перевернуть.

Любава же сидит потупив взгляд и ни улыбки на лице, ни слова из уст.

— Милая, тебя что-то беспокоит?

— Нет, почему ты так решил?

— Покушай немного. Сколько всего приготовлено. И люди с недоумением смотрят. Отведай немного, чтобы не обидеть стряпух. — Он взял её руку, но девушка медленно забрала свою маленькую ладошку с его крепкой руки.

— Хорошо, я попробую всего. Наверное, вкусно...

Он насторожено смотрел, не понимая, что с ней.

Алекс, видя такое настроение княжны, решил отвлечься от кулинарных изысков на столах и перемигиваниями с хорошенькой девушкой, дочерью одного из воевод. Такая плутовка, что привлечь внимание Алекса ей не составляло большого труда. Она томно смотрела на него из-за плеча усатого отца и её ресницы чуть прикрывали игривые глаза.

— Посмотри, Любушка, какая хорошенькая девушка, — прошептал Любаве, наклонив голову.

— Что-то ты быстро забыл Милану, — заметила.

— Перестань, я ведь так думал, что она никуда не уедет или будет здесь сегодня, — сразу загрустил Алекс.

— Не надо было девушку отпускать, ведь она не очень — то стремилась к поездке.

— Как-будто бы она меня послушала...

— Тебя бы — да. Ты и сам не слепой и видел, что нравишься ей. Но ты не сделал первого шага. Не показал ей что нужна тебе.

— У меня на то свои причины. Я же говорил тебе, что ненадолго здесь. Пока сидится — сижу, а позовёт сердце и пойду посмотреть новые земли. А она ведь со мной не пойдёт по свету. Княгиня...

— Глухой ты Алекс, хоть и старый.

— Спасибо. Можно подумать, что у тебя муж моложе.

— Не о том я. Говорю, что за любимым можно пойти на край света. Чтобы только ты и он, — мечтательно закончила девушка.

— У тебя такие чувства к Тодору? — серьезно спросил Алекс, глядя на Любаву.

— Не знаю, сейчас я ничего не знаю. Но вот подумала, что это навсегда. Он и я. И стало вдруг страшно.

— Отчего же? Глядя на вас, заметно что вы симпатичны друг другу.

— Алекс, никто не отрицает, что мы нравимся друг другу. Но только это и не больше. У нас есть причины, оправдывающие наш союз.

— Причины... Какие причины?

— Мне нужна защита, а Тодору — женщина и мать для его сына. И не о какой любви здесь речи нет. Он даже никогда о ней не говорил.

— А ты говорила ему?

— Меня тянет к нему, с ним легко разговаривать. Он ласков и сумеет меня защитить. Но это, наверное, никакая не любовь. — Нотки сомнения звучали в её голосе. — Может я поспешила?

— О чём это вы шепчетесь? — Наконец сквозь шум в зале к ним прорвался голос Тодора.

— Да вот Алекс спрашивает о той хорошенькой девушке, дочери воеводы, — нашлась Любава.

— Которой? — Проследил за взглядом Любавы. — Да, хорошенькая! Но она не дочь его, а жена. — Зашёлся в весёлом смехе Тодор. — А он к тому же очень ревнивый. Ой смотри, Алекс!

Любава и Алекс тоже подхватили этот смех и лицо девушки повеселело, немного поднялось настроение. Она даже отведала перепелов, жареных на вертеле.

Когда дворяне стали петь венчальную, девушка прошлась с Тодором в танце. Впервые за долгое время, руки Тодора легли на тонкую талию, а глаза внимательно наблюдали за ней. «Как кот за мышкой», подумалось вдруг Любаве.

Танец заканчивался и дальше молодых стали провожать в опочивальню, напевая протяжную песню.

— А где Алекс? — Когда дверь закрылась и они оказались вдвоём, спросила Любава.

— Можешь поверить, что он нам сейчас не понадобится. Устала?

— Устала. Сколько всего за один день.

— Ну тогда ложись и немного отдохни, — он совсем не хотел её пугать своей необузданной страстью.

— Хорошо было бы. Сейчас разденусь. Отвернись, — посмотрев на него, скомандовала девушка.

Он отвернулся, чтобы не смущать.

— Мы что же, будем спать в одной кровати? — Сейчас её мучил только этот вопрос.

— Ну раз другого ложе здесь нет...

Она что-то делала, чем то шелестела и всё-таки обратилась за помощью.

— Подойди, но только не смотри. У меня что-то с платьем не получается. Где-то там зацепилось.

Тодор подошёл к ней за спину, двумя руками расстегнул золотую застёжку и стал опускать одежду с плеч.

— Дальше не надо. Я сама...

Опустив голову он стал нежно целовать шею и плечи Любавы. Она слабо сопротивлялась.

— Тодор, я устала, давай немного отдохнём.

— Милая, не бойся, я только поцелую твою шейку.

Губы нежные, тёплые переключались чуть вперёд. Тодор наклонив голову, поцеловал

бархатистую кожу ключицы, и опускался всё ниже, проделывая дорожку поцелуев.

— Что ты делаешь со мной? — Со стоном спросила.

Он молчал, только бережно повернул её к себе и припал длинным, страстным поцелуем к её зовущим губам.

Глаза девушки были закрыты, а ресницы трепетали, как крылья испуганной бабочки. Он опустил платье ниже пояса и взял в ладони, а потом стал по очереди целовать её грудь. Это было так невероятно приятно, что Любава застонала.

Тодор подхватил её на руки и положил на мягкое широкое ложе. Его нежные прикосновения пьянили её, не давали сосредоточиться. Ну почему её тело так предательски реагирует на все эти ласки? А первым был Подвизд, который пытался раскрыть ей всё это.

Тодор сразу увидел, что мысли её переключились и были не о том, что сейчас происходило между ними. Мужчина? Она думает о том молодом отроке. Нет, он сейчас заставит забыть о всех других мужчинах, которых она знала.

Он быстро разделся и лёг с ней рядом. Провёл нежно пальцем по её щеке, медленно опустился ниже, к шее, груди, обнажённому плоскому животу.

— Ты прекрасна, — выдохнул. — Но тебе, наверное, не я один говорил...

Тодор поцеловал её маленькое ушко, а потом веки, шею и снова грудь, перекачивая соски языком, как маленькие вишенки.

Любава застонала и выгнулась вперёд.

— Я не причиню тебе боли, — шепнул он и девушка вдруг почувствовала присутствие чего то большого и постороннего в своём теле, которое медленно продвигаясь вперёд, заполняло её.

Тодор припал к её губам, сначала нежно, а потом страстно, сгорая от желания до конца обладать ею и вдруг наткнулся на преграду. Как, она девственница? И никто ещё не касался этого юного тела? И напрасно он так ревновал её, сгорая и страдая от этого чувства? Радость переполнила любящее, истерзанное сердце.

— Потерпи, милая, сейчас будет немного больно.

Он приподнялся на локтях и глядя в её теперь широко распахнутые глаза, резко вошёл до конца.

Зря её пугал Тодор. Любава боли почти не почувствовала.

Он немного подождал, глядя в её тёмные глубокие глаза, заполненные туманом, потом начал медленно двигаться.

Странные волны наслаждения начали подниматься откуда-то от пальчиков ног до живота. Это были для девушки непередаваемые сказочные ощущения. Она ведь и раньше догадывалась, что за поцелуями должно следовать что — то ещё более прекрасное...

Тодор двигался медленно и ритмично и она, обняв его за плечи, подалась вперёд и стала откликаться на ласки, стремясь поближе быть к телу, которое дарило ей такое наслаждение.

В одном ритме они дошли до того момента, когда все чувства и ощущения куда-то испарились, а остался только восторг, полностью поглотивший её.

Тодор сделал последнее глубокое движение и замер, горячий и мокрый от пота.

— Тебе было не очень больно? — участливо спросил, нежно поцеловав в губы.

— Нет, почти не больно. Так прекрасно, что я даже и не могла себе представить. Это только сегодня так, потому что у меня до тебя никого не было?

— Нет, милая, с каждым разом будет лучше и лучше.

— Лучше просто не бывает, — сонно прошептала девушка.

— Глупенькая ты ещё, — гортанно рассмеялся Тодор. А потом став серьезным, закончил, — я рад быть у тебя первым, моя дорогая жена.

Но никакого ответа не последовало. Он услышал тихое сопение и увидел, что Любава уснула.

«Ну вот, совсем замучил девушку, — укорил себя и улыбнулся Тодор. — Ничего, пусть отдыхает. У нас таких ночей будет много. Да и дней тоже.»

Тодор никогда не мог подумать, что в этой маленькой женщине, его жене, есть такая хозяйственная жилка.

То, что у неё в городе всё было посчитано, рассортировано по полочкам, он ведал. Знал, что Мал крепко держал в руках бояр и дворян и думал, что это заслуги его твёрдого руководства.

Но когда Любава стала налаживать хозяйство их князьего терема и подворья он немало удивился.

Милана была девушкой несколько скромной и особенно хозяйственными делами не занималась, чем очень пользовались ключница, конюшие. Одним словом, дворяне.

А вот Любава сразу же заставила дворовых девушек начисто убрать в светлицах. И те несколько дней скоблили и убирали палаты, перестирывали и выполаскивали бельё, а потом рубелем его выглаживали. Все скатерти, занавеси засияли белоснежно и ярко. Когда комнаты были убраны, княжна взялась за клетки. Первое, что сделала — приказала хранить отдельно рожь, ячмень, овёс. Несколько дней подряд из дерева делали большие лари для муки: овсяной, пшеничной, ржаной. Круп гречневой и пшённой.

Любава всё контролировала и всё проверяла сама.

Осенью, в пору грибов, рубки капусты она приказала делать запасы. И в клетях появилось много кадок с квашеной капустой, грибами. На вязанках лука, чеснока висели вязанки грибов: белых, подосиновиков, подберёзовиков.

Чуть поодаль стояли кадки с мочёными яблоками, огурцами. В углу посвечивали своими чёрными боками кучи репы и редьки.

А уж сколько было засушено и наварено в меду грушек, вишен и слив, клюквы, малины!

Большие кладовые были заполнены солёной олениной, говядиной и свининой.

На стенах висели пучки укропа, а в коробах хранились горох и фасоль.

В клетях, где хранилась рыба, тоже приказала навести порядок: отделить рыбу сушеную от вяленой.

Заставила пересушить связки шкур белок, бобров, куниц. Волчьи и медвежьи определила в другие бортьяницы. Мёд у неё в бочках стоял отдельно: гречишный — темнее, засахаренный — пахнущий лесными травами и цветами. Летом бортники твердили, что в этом году полёт пчелы плохой, цвету мало, поэтому и мёду будет немного.

Любава их выслушала, а потом просто сказала, что в этом году мёда будет предостаточно. Алекс, присутствующий при этом разговоре, улыбнулся, вспомнив, как когда-то встретил девушку, инспектирующую ульи в дуплах деревьев. Сколько в этом году мёда она знала наверняка! На следующий день бортники довели мёд, да ещё и соты, наполненные золотистым тягучим мёдом, запечатанные воском.

Когда же были наведены порядки в клетях, кладовых, княгиня заставила вымести и вычистить двор. И всё засияло чистотой и уютom. Нет, нельзя сказать, что здесь было запустение. Когда хозяйничала Заряна, то она следила за всем и держала всех в строгости. После её смерти Тодор не мог охватить сам и домашние и народные дела. И постепенно всё пошло из рук вон. Дворовые обленились, не чувствуя контроля и делая всё кое-как.

Вечерами Тодор и Любава могли, наконец, побыть вместе. Это было то, о чём он мечтал. Сидя в деревянном кресле, Тодор смотрел на Любаву, которая широким гребнем с

золотой, инкрустированной камнями ручкой, расчёсывала свои дивные волосы. Они искрились и потрескивали, водопадом стекая по плечам и точёной фигурке его жены. Это были самые любимые минуты князя, не считая даривших радость и блаженство ночью.

Мужчина подошёл к Любаве, отодвинул одной рукой её волосы и поцеловал в нежную шею. Девушка повернулась и он в который раз прочитал в её огромных, лучистых глазах сказку о любви.

— Любушка, посмотри на мой тебе подарок.

В правой его руке было чудное монисто. На золотой нитке — золотые слёзки, вперемежку с камешками, от блеска которых уставал глаз.

— Как красиво, — залюбовалась девушка.

— Давай примерю. Оно сделано как-будто для тебя.

Любава смотрела в зеркало, а Тодор, отодвинув ей волосы, попытался надеть украшение.

Даже от одного его прикосновения, у девушки, как обычно, по телу пробежали чувственные волны.

Нежные руки остановили свою работу, наткнувшись на простую чёрную нить.

— Я постоянно смотрю, но никак не спрошу у тебя. Странное украшение какое-то.

— Это не украшение, а оберег. Оно должно передаваться по женской линии. Лада оберегает нас.

— Вот оно как. А почему именно Лада?

— Потому что имя её означает добро, мир в семье. У неё же сын, бог любви — Лель, а дочка — Леля. Богиня весны.

— Это я знаю. И передаётся по женской линии? — лукаво улыбнулся Тодор.

— Ну да. От матери дочери. Мне от моей мамы досталось. Ведунья сказала, чтобы я его не снимала. Он меня защищать будет, а потом передам дочери.

— Но у нас пока нет дочери. Кому же ты будешь его передавать, если мы не постараемся?

Его рука лежала у неё на плече и девушка почувствовала, как та мгновенно потяжелела. Это вызвало у неё волнующие ощущения. С каждым днём, как и обещал Тодор, волшебство сближения становилось всё прекраснее.

Любава стала на цыпочки и вскинула руки на плечи мужа. Он наклонился к её лицу и начал целовать, прижимая к себе так, что она ощущала каждую напряжённую мышцу его тела... Масса волос укрывала её, глаза блеснули из — под опущенных ресниц. Тодор невольно залюбовался в который раз своей женой. Он не видел мавок, а только слышал о них, но сейчас догадывался, что если они хотя бы немного похожи на его жену, то можно понять путников, которые бросая всё следуют за лесными красавицами, забывая обо всём.

Тодор подхватил её на руки и бережно уложил на ложе, не отрываясь от её сладких губ.

Мешала её рубашка и он стал стягивать ту с тела девушки, Любава помогала ему в этом. Свечи мерцали. И в бликах их на стенах рисовались причудливые тени.

Её улыбка возбуждала его, манила, обещала...

— Прикоснись ко мне, милая. Я успел соскучиться по твоим нежным рукам.

— Так быстро? — Гортанно засмеялась она.

— Всегда...

Он прижал её к себе, взял в рот сосочек её упругой груди, стал языком и губами ласкать горошинку.

«Как маленький ребёнок, — сквозь пелену наслаждения подумала она, нежно поглаживая своего мужчину по спине, опускаясь ниже и ниже.

Тодор не переставая, ласкал по очереди её грудь. Вначале одну, потом вторую, руками крепко прижимая её ягодицы к возбуждённой плоти.

Скрипнул зубами, сдерживая в себе сильнейшее возбуждение. Любава шевельнулась и, взглянув в её томные глаза, он увидел нетерпение. Постепенно волны наслаждения поглотили её и понесли куда-то ввысь, вдаль.

Короткий вскрик наслаждения был двухголосным — мужским и женским...

Они медленно приходили в себя. Тодору не хотелось покидать такое любимое и желанное местечко.

Как он мог жить, не зная этой женщины, без её ласк и сжигающего наслаждения. Знал женщин, любил жену. Думал, что испытал всё, но никогда не ожидал, что возможно такое. И что с каждым разом это будет всё прекраснее и прекраснее.

— Я люблю тебя, Любава, — прошептал тихо в маленькое ушко. Стал нежно покусывать его и девушка вновь почувствовала в себе его восставшую плоть. Она зарделась от гордости и нежности. Но и недоумению было место в её голове. Как можно было быстро так возбуждаться?

— Скажи что любишь меня, милая, — попросил он шепотом.

Она никогда не говорила ему этих слов, а он так бы хотел их услышать. В том, что они созданы друг для друга, Тодор был уверен. Его тело миготом отзывалось на прикосновения Любавы, а он видел, как быстро возбуждалась она от всякой его, даже невинной ласки. Тодор любил девушку. Он понял это почти сразу, как только впервые увидел на поляне. Правда, вначале подумал, что это просто плотское влечение. Но узнавая её больше, понял, что уже не мог бы жить без этих прекрасных глаз, водопада волос, чарующего голоса. Даже её советов. И она дарила ему такое наслаждение, о котором даже раньше и не подозревал. Но что испытывает она? Только наслаждение в близости? Эта мысль была почти постоянной гостьей в его голове. Но мужчина надеялся, что любовь когда-то всё равно придёт. Он мечтал об этом.

Но девушка никогда не говорила о своих чувствах. И он решил, что его любви хватит на их двоих, даже если она его никогда не полюбит. Мужчина повернул к ней лицо и в который раз залюбовался своей женой. И вновь его плоть восстала, искушая его притронуться к этому миниатюрному телу, желая привести своего хозяина к пику наслаждения. Любава потянулась к нему навстречу...

— Это, наверное, неправильно так часто делать, — услышал он шепот.

Пересилив себя, Тодор отодвинулся от Любавы, прикрыл её мокрое от пота тело периной, а потом уже заинтересованно спросил:

— Это почему же неправильно, любимая?

— Если часто что-то делать, то это надоедает.

Он незаметно улыбнулся в темноте.

— А разве тебе это не нравится?

— Очень нравится, я и не предполагала, что такое может быть. В такие минуты кажется, что можно умереть. Ведь правда?

Он посмотрел на неё с нежностью и со всей серьёзностью, на которую был способен, ответил:

— Правда. Наверное, можно. А сейчас поспи немного, ты устала.

Тодор видел, что глаза её закрываются и вот уже тени от ресниц, тёмной занавесью окутали почти пол лица.

Она тихонько засопела где-то у него под мышкой и нежность вновь заполнила его сердце. Тодору не спалось, мысли переполняли голову, но вновь возвращались к истокам: за что боги подарили эту девушку, пленившую навеки его сердце.

Во сне Любава пошевелилась, а потом положила полусогнутую ногу на него, замурлыкала и обняла. Тодор сразу почувствовал своё восставшее тело. Боги, даже одно её прикосновение сразу приводит его в боевую готовность. Так нельзя, нужно дать ей отдохнуть. Впереди у них целая жизнь.

И мужчина, счастливо вздохнув, сразу же забылся в безмятежном сне.

В окнах начало светлеть, утро приходило на смену ночи. Денница, утренняя заря, уже просыпалась, умывая своё лицо чистой росой с листьев, деревьев. Купаясь в тумане, стоявшем над рекой.

Тодор внезапно проснулся от чувства острейшего наслаждения. Открыв глаза, увидел, что маленькая рука бережно сжимает его плоть и Любава с любопытством рассматривает её.

— А тебе, женушка, не кажется, что немного неприлично рассматривать интимные части чужого тела? — улыбнулся он.

Глаза Любавы лучились теплом. Лицо было свежим, казалось, что она не спала совсем.

— Разве тебе это неприятно?

— Эти разглядывания требуют продолжения, — через силу пошутил он, глядя ей в глаза.

Она поняла его желание и быстро убрала руку.

— Тебя там уже ждут, и бояре, и воевода. Да и дела княжеские. Поспеш.

Тодору так не хотелось вставать. Вот так бы и провёл жизнь на этом ложе, где так хорошо и спокойно.

— Ладно, если выгоняешь...

Он вскочил и потянулся. Любава вновь засмотрелась на его красивое мускулистое тело. Боги! И этот мужчина принадлежит ей.

Тодор опустил в вчерашнюю купель и быстро обмыл разгорячённое тело. Дворяне знали, что после того как в опочивальню заходят князь с княгиней, то можно уже до утра идти спать. Они им не понадобятся.

— Любушка, иди ко мне, — позвал с улыбкой.

— Я в тёплой попозже искупаюсь. А ты поспеш, а то скоро возле двери опочивальни старейшины будут стоять, — пошутила девушка.

Когда князь ушёл, девушка задумалась. Она вспомнила вопрос Тодора, любит ли она его. Постоянно отмалчивалась, потому что не знала ответа. Эти чувства к Алексу Подвизду... Ведь она в каждом случае думала, что наконец пришла любовь.

Теперь она постепенно разбиралась в тех чувствах и понимала, насколько они разные. Чувства к Алексу были братскими. Она испытывала желание помочь ему, уберечь от всякой беды. Станные чувства как к брату, а может, даже как матери к сыну. И это её удивляло, потому что никак ни с чем не вязалось. Алекс ведь был значительно старше её.

Чувства к Подвизду — любопытство познать что-то новое, неведомое доселе. Невероятно приятное и возбуждающее.

Другое дело Тодор. Оказалось, что ей стало трудно прожить без него день, час. Девушка чувствовала себя хрупкой статуэткой в его сильных руках, боящихся причинить ей даже

толику боли. Она могла рассказать обо всём, что её беспокоило и услышать то, что она хотела услышать. Рядом с ним и вместе с ним она испытывала высочайшее наслаждение, которое хотелось продлить вечно. Сможет ли она сейчас жить без него?

И вдруг она отчётливо поняла всем своим верным сердцем, что любит. Любит беззаветно этого человека, который незаметно, исподволь, заменил собою весь мир.

Так чего она ждёт? Нужно же немедленно сказать ему об этом!

Любава вскочила с постели, позвала дворянок, которые быстро заменили вчерашнюю купель на тёплую, окунулась. Но сегодня ей не хотелось долго нежиться в ласковой, тёплой, пахнущей разными травами воде.

Княжна надела своё любимое платье. Голубое, отороченное мелким бисером по краям декольте и рукавов, и посмотрела в зеркало. Она ли это? Красивая девушка со счастливыми глазами и припухшими от поцелуев губами смотрела на неё.

— Ты уже оделась... — обижено посмотрев на неё, сказал вошедший в комнату Тодор. — А я поспешил как можно быстрее закончить дела, чтобы побыть ещё немного возле тебя.

— А я хочу позвать тебя в лес, пока такая хорошая тёплая осень.

— Может, ну её осень, — глаза мужа умоляюще смотрели на неё.

— Тодор, у нас впереди ещё много таких дней и ночей. Правда ведь? — Как-будто прочитала его недавние мысли.

— И правда, любовь моя. — Князь подошёл к Любаве и нежно поцеловал мягкие, податливые губы.

Возле крыльца их уже поджидали оседланные лошади. Княгиня заранее побеспокоилась об этом.

Тодор помог ей взобраться и сам легко вскочил в седло.

— Вперёд? — улыбнулся ей. — Ты знаешь куда ехать?

Алекс пытался составить им компанию, как и всегда, когда эта пара собиралась на прогулку, но сейчас, как ни странно, Любава попросила его остаться. Он вначале обиделся, но потом увидев счастливое, загадочно улыбающееся лицо девушки, понял, что третий лишний.

В лесу было тихо, только шелестели уже изрядно пожелтевшие листья.

Когда отъехали так, что городища не стало видно, Любава остановила лошадь, спешила и подошла к огромному старому дубу, прижалась к нему, прислушиваясь и шепча что-то. Князь с нежностью смотрел на неё.

— Подойди сюда, Тодор, — позвала тихо.

Он спешился и подошёл к девушке.

— Знаешь о чём я рассказывала этому великану?

— Догадываюсь, — улыбнулся. — Жаловалась, небось, что замучил совсем своей любовью.

— Нет, не угадал. Я его спросила о том, правда ли, что люблю тебя?

— И что он ответил? — настороженно спросил Тодор.

— Ответил, что правда. И что я люблю тебя, — засмушалась девушка.

— А сама ты что мне скажешь? — настаивал князь.

Любава посмотрела на него глазами-звёздами и прошептала:

— Я люблю тебя, Тодор. И так будет всегда.

— Ох, Любушка, как ты меня извела... Я ведь думал, что пока у тебя нет этого чувства

ко мне. Но если бы ты только знала, как я ожидал этих слов. — Он обнял её и закружил, счастливо смеясь.

Время бежало быстро. Пришла поздняя осень и стали осыпаться листья — жёлтые, красные... Разноцветным ковром окутывая ноги зелёным красавицам-соснам.

Хорошо тому, кто весну и лето поработал. В погребах — соленья, варенья. В клетях зерно золотыми россыпями ждёт-ждётся, когда превратится в снег муки.

За весну и лето сена насушили на лугах. Стоят скирды — у кого поменьше, а у других побольше. Хозяин знает — есть сено на зиму, значит, будет жива скотинка. А, значит, и молоко, масло, творог.

Дни становились короче и короче. А вот и зима постучалась в двери осени: отвори, мол, я пришла, пора отдохнуть всем.

Морозы крепчали и вот уже Уж покрылся льдом, а весь простор вокруг города стал белым, искрящимся от переливающегося на солнце снега. Деревья в лесу опустили ветки под его тяжестью и дремали в ожидании такой далёкой весны.

Алекс слонялся из угла в угол, изнывая от безделья, а возле него вертелся Ярополк. Мальчик утром уже побывал у отца и Любавы, разбудил их и попытался втянуть в какую-то игру. Но было совсем неинтересно, потому что они постоянно целуются и ему стало скучно. Оставался Алекс и малыш побежал к нему.

Алекс тоже скучал. Хорошо весной, летом, осенью. Можно найти море всяких занятий, ну а зимой хоть волком вой. Любава и Тодор постоянно вместе и только выпадает время, закрываются у себя. Он, конечно, был очень рад за них: подтверждение нашло, наконец, теория о двух половинках. Счастье было в глазах этой пары. А он был предоставлен самому себе и изнывал от безделья. Мечты о том, что его найдут и заберут в его время, таяли с каждым днём. Парень понимал, что всю свою оставшуюся жизнь проведёт здесь, на древлянской земле и теперь с чистой душой ожидал возвращения Миланы, понимая, что не придётся больше её обманывать.

Парень скучал за Миланой, и даже начал считать дни до её приезда. А они тянулись очень медленно. Он знал, что если чего-то ждать, то время замедляет свой ход. Вот на Новый год на Земле дарят друг другу подарки и он, когда был маленьким, с нетерпением ждал, когда наступит утро и можно будет бежать под ёлку, которая нарядно убранная, уже ожидала его в большой комнате.

Сколько раз пытался увидеть, как Дед Мороз влезет в комнату через каминную трубу и положит под ёлку подарок. Алекса волновали два вопроса: как такой старый и толстый дедушка пролезет в узкую трубу? А второй — откуда тот знает, чего хотят дети, чтобы им подарили? Потому что под ёлкой он всегда находил то, о чём он мечтал.

Алекс долго не ложился спать, допоздна смотрел телевизор, но всегда глаза предательски закрывались, чтобы проснуться утром. Только однажды, высидев дольше обычного, он уснул и сразу же проснулся от какого-то шума. Быстренько вскочив из кровати, босиком побежал к ёлке. Никого не было... Только возле форточки стоял отец и сокрушенно вздохнув, сказал Алексу:

— Малыш, как жаль, что ты не встретился с Дедом Морозом. Он был, принёс подарки. Но очень спешил, ведь детей так много. И он улетел через окошко, не дождавись тебя.

И Алекса стал мучить уже и третий вопрос. Как дед вылез через маленькую форточку? Правда, в итоге он решил эту задачу, подумав, что старик вначале снял с себя толстую шубу,

прежде чем вылезать. Где шуба? Вопрос остался...

Когда немного подрос, уже знал, что стараются ему сделать праздник папа и мама. Алекс с тоской подумал, что этот Новый год будет встречать далеко от своих родных и близких.

«А может пришла моя очередь сделать кому-то праздник?» — Спросил он себя. И сразу настроение улучшилось. Прочь уныние. Даёшь праздник!

Не постучав в дверь, к нему в комнату ворвался Ярополк.

«Так, раз Любава мужняя жена и ей не до меня, а Тодору не до Ярополка, объединюсь-ка я с ним», — решил Алекс.

— Ты катался на коньках, парень?

Малыш задумчиво почесал затылок.

— Нет, а что это?

— А вот я тебе скоро покажу. А сейчас одеваться и пойдём с тобой в лес.

— Ура, на охоту! Папа! — С криком радости Ярополк побежал к отцу, но скоро вернулся.

— У него совет с боярами, — уныло сказал он.

— Пойдём сами, спроси разрешения у Любавы.

— Она тоже с отцом.

— Ну, тогда к няньке, пусть оденет тебя потеплее.

Ярополк, быстрее пули выскочил в коридор, но вскоре вернулся.

— Не пускают, говорят, сколько снега намело, что я в него с головой нырну, — на глазах мальчика заблестели, готовые в любой момент сбежать по щекам слёзы.

— Ну тогда жди меня, я скоро приду.

Алекс надел овчинный тулуп, беличью шапку-треух, на сапоги привязал снегоступы, плетенные из лозы, и пустился в путь по снегу.

Вначале он зашёл к кузнецу и нарисовав на снегу свою задумку, попросил его выковать два прута, загнутых немного вовнутрь с обоих концов, потом приделать к ним две поперечины. Кузнец не расспрашивал, зачем это ему нужно. Сразу поняв, что от него требуется, приступил к работе.

Алекс же, прихватив топор, пошёл в лес. Ноги в снег не проваливались, а становились на корку и даже немного скользили. Отдаляться в лес не стал. Сорвал ягоду калины, попробовал. После мороза она была не горькой. Дальше краснела клюква. Он не преминул и с неё ягодку сорвать. Скривился — кислая, похлеще лимона.

И вот увидел то, за чем пришёл сюда. Невысокая, полутораметровая ёлочка стояла, окутанная пушистым снегом, дремала, ожидая весну. Алексу даже немного стало жаль рубить её, но он подумал, что деревья зимой спят и боли эта красавица не почувствует.

— В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла ... Прости, красавица, что боль тебе причиняю. — Сказал, и сам удивился сказанному. Никогда его особенно не волновали на Земле цветы, деревья, а здесь у людей была такая связь с природой, что хочешь — не хочешь, а сам начинаешь себя воспринимать как её частицу. Правда, не самую лучшую.

Когда подходил к терему с ёлкой, не раз ловил на себе недоуменные взгляды редких прохожих. И даже через окошки домов на него глядели с любопытством. А ещё взгляд пары восторженных детских глаз его встретил из княжьего терема.

Алекс в сенях снял снегоступы, шапку и тулуп и потащил ёлку по переходу. За ним вприпрыжку бежал Ярополк.

— Алекс, Алекс, а зачем нам ёлка?

— А вот сейчас и увидишь! — загадочно отвечал ему Алекс.

Они вошли в опочивальню к Ярополку.

Комната сразу наполнилась свежим смолистым запахом и у Алекса аж в носу защекотало: вспомнил Новый год на Земле.

— Беги к ключнице и скажи, чтобы принесли большой горшок с землёй.

Мальчик вприпрыжку кинулся выполнять задание, но вскоре вернулся не сам, а с ключницей.

— Алекс, земля мёрзлая и под снегом. — Удивлённо посмотрела на ёлку, но ничего не спросила.

— А и правда, я не подумал... А ты прикажи набрать земли там, где нет мороза — в подполе, конюшне. Ладно?

— Ладно. — улыбнулась она.

— А ещё нам нужны пряники.

— Есть на кухне, сейчас принесу.

— Нет, не такие. Могут нам испечь из пресного теста всяких зверушек, птиц?

— Не знаю... — с сомнением покачала головой. — Весну такими птицами встречаем, а сейчас только начало зимы.

— Алекс, Алекс, — тянул его за штанину Ярополк. — Я могу!

— И испечь сможешь? — улыбнулся ему.

— Нет, но я могу слепить эти фигурки из теста.

— Ну вот и хорошо, — закивала головой ключница. — Сейчас в трапезную вам принесут тугого теста, а вы что захотите, то и слепите. А уж испечь, наше дело. Горшок с землёй сейчас и принесут.

— Спасибо, — вдогонку ей пожелали добра мужской и детский голоса.

— Ну что, идём в трапезную?

— Пойдём, Алекс, — кивнул мальчик. Он совсем заскучал в этом тереме.

В трапезной было тепло и тихо. Потрескивал жертвенный огонь. На окнах мороз уже нарисовал свои узоры.

Алекс снял со стола белоснежную скатерть и они сели на скамью за свежескобленный добела стол.

Вскоре им принесли колобок тугого теста и скалку.

— Ну что, помощь нужна?

— Нет, — хором ответили мужчины, большой и маленький.

Алекс раскачал небольшую лепёшку и стал ножом вырезать фигурку зайчика, а потом птицы. Ярополк же что-то лепил из комочка теста.

Услышав оживление в тереме, на голоса пришла Любава. Она удивлённо смотрела на сидящих за столом, занятых исконно женским делом — выпечкой.

— Чем это вы заняты, Алекс? — не удержалась от вопроса.

— Помогай, сестричка. Потом сама увидишь.

Девушка с удовольствием присоединилась к ним. Она раскачивала тесто, а Алекс вырезал ножом фигурки, стараясь, чтобы они хотя бы приблизительно напоминали то, о чём он думал и каких зверей хотел смастерить.

Любава посмотрела на него и рассмеялась: на носу, щеке Алекса белела мука. Ярополк, услышав смех девушки, поднял глаза и увидев, над чем она смеялась, только хмыкнул. Алекс

недоуменно смотрел на них, а потом и сам засмеялся: уж очень заразительно у них получалось.

Фигурок налепили много и разных. Птицы с распостёртыми крыльями, медведь с медвежонком, зайцы, рыбки, олени...

А когда изделия этой троицы подрумянились в печи, Алекс предложил сделать в них небольшие дырочки и протянуть сквозь них нити. Он смотрел на фигурки: получились классные ёлочные игрушки! Но он загадочно молчал и Любава с Ярополком с нетерпением ожидали развязки.

Следующим этапом было установление ёлки. Алекс пошёл в опочивальню Ярополка, а за ним гуськом двигались ребёнок и девушка. В комнате уже стоял большой горшок, наполненный землёй и Алекс установил в него лесную красавицу, распространяющую вокруг себя невероятно свежий, хвойный аромат.

Любава и Ярополк, всё ещё ничего не понимая, с интересом смотрели на него.

— Ты что же, забыла как встречают Новый год?

— Алекс, что ты выдумал? Ой, извини, ты же рассказывал, что некоторые племена встречают будущий год не весной, а зимой... И обещал обо всём рассказать, когда придёт срок.

— Так ты не забыла? Ну да, сколько на земле племён — сколько и традиций. Интересно путешествовать, узнавать новое. Вот и хотел вас познакомить с этой традицией: наряжать ёлку.

— Зачем?

— Люди вокруг неё водят хороводы, песни поют.

— Какие?

— Разные, но только обязательно весёлые. Загадывают возле ёлочки желания и они обязательно сбудутся. Непременно! — воодушевлённо закончил Алекс.

— Всё, всё сбудется? — недоверчиво спросила Любава.

— Ну, может и не всё, а самое заветное исполнится. А теперь на веточки ёлки давайте развесим наши пряники.

И работа закипела! А когда развесили всё, то Алекс заметил, что чего-то не хватает. И Любава куда-то ушла... Но девушка отсутствовала недолго. Когда вернулась, в её руках были ленты и женские украшения.

— Я подумала, что весёлых красок не хватает.

И вот когда на веточках появились килты, бусы, завязали разноцветные ленты, то ёлочка засверкала, отражая в украшениях пламя свечей.

— А я думаю, куда вы все подевались, — раздался голос Тодора.

Все повернулись на звук и в трёх парах глаз был одинаковый вопрос: «Ну как?»

— Это вы такую красоту сотворили?

— Мы, мы, — звонко засмеялся Ярополк.

— И если загадать возле такой ёлки желание, то оно обязательно сбудется, — шепнула ему Любава, глядя в глаза, в которых она прочитала: «Моё самое заветное уже сбылось».

Алекс смотрел на влюблённых и радовался за них. После смерти Мала, девушка оказалась в крепких руках мужественного человека. Она была любима и любила сама. Это было так очевидно каждому, если побыть с ними хотя бы минутку.

И парень, удивляясь себе самому, подумал, что если и вправду можно было бы загадать желание, и чтобы оно точно исполнилось, то он попросил бы не возвращения домой, а

спокойствия и мира этим людям. Не хотелось думать о плохом, но время изменить нельзя, а он помнил, чем закончится история Искоростеня. Он от всей души, жалея этих людей, хотел бы помочь им, но не в его силах было это сделать.

— Поработали на славу, но Ярополку пора спать.

— Ну Любава, рано ещё. Давайте хороводы водить...

— Нет, Любава права. Ложись пораньше спать, сынок. Завтра ведь Коляда. Люди ряженные будут ходить, колядки петь. А ты им орехов, пряников насыпешь. Когда вырастешь и будешь князем земли древлянской, они к тебе за правдой приходить будут, а сейчас, по обычаю, к князю за гостинцами ходят.

Алекс тоже устал за целый день и хотя это была очень приятная усталость, не прочь был отдохнуть. И что это за праздник Коляды, о котором так давно говорят? Об этом предстояло узнать завтра.

Любава стояла в опочивальне возле окна и смотрела вдаль. Где-то сейчас готовится к весёлому зимнему празднику и её город — Малин. Подруги с парнями договариваются как кому во что обрядиться, чтобы никто не узнал. К кому первому прийти колядки спеть...

— О чём задумалась, ласточка моя? Намаялась сегодня? — Тёплые сильные руки опустились на плечи и повернули её. Тодор не минуты не мог прожить, чтобы не видеть её, не слышать. Он любил свою рано ушедшую жену, но чтобы испытывать чувства в десять, нет, сотни раз сильнее... Даже когда проводил советы с боярами и старейшинами просил, чтобы она присутствовала, хотя это было и не обязательно.

Тодор не мог дожждаться ночи, чтобы побыть с Любавой наедине. Он видел, как постепенно из робкой, застенчивой девочки она превращалась в жаждущую любви, воплощением нежности под его ненасытными ласками.

— Любушка...

Он наклонился и посмотрел ей в глаза, затянутые поволокой чувственности. Нашёл губами её мягкие податливые губы и поцеловал. Девушка ответила на его поцелуй, подалась к нему вперёд и тесно прижалась к жаждущему телу.

Его горячие губы, нежные руки, тепло которых она чувствовала сквозь тонкую ткань платья, пьянили, возбуждали. Руки прижимали её к себе, плавно поглаживая по спине, пока губы делали своё дело. Вот они опустились ниже, к ложбинке между грудью, а потом последовали ниже и остановились.

Тодор подхватил Любаву на руки и отнёс на ложе. У него не было больше сил выносить эту сладкую муку ожидания.

— Подожди, милый. Я сниму платье. Прошлой ночью ты мне ещё одно испортил, порвав. Если так дальше пойдёт, то у меня нарядов не останется и придётся ходить голой.

Тодор гортанно засмеялся.

— Я бы не против видеть тебя такой, — сказал чуть охрипшим голосом.

Любава разделась и расплела косу. Она знала, что Тодору нравится водопад её шелковистых волос.

— Я погашу свечи...

— Не надо, прошу... Я хочу тебя видеть всю и любить, не пропуская ни одной частички твоего тела.

Тодор видел, как зарделась Любава и в который раз удивился тому, что девушка так стыдлива.

Он лежал на ложе, ожидая её. Пламя свечей освещало его мускулистое тело, плоский

живот, стройные ноги. В глазах плескалась любовь и нетерпение.

Любава смотрела на мужа, откровенно любуясь им, и под этим взглядом Тодор почувствовал сильнейшее возбуждение, на которое мгновенно отреагировало его тело.

Девушка лёгкой походкой, чуть покачивая бёдрами подошла к нему и наклонилась. Он губами поймал её грудь, а руки, охватив тонкую талию, бережно положили её возле себя. Девушка не могла быть спокойной, видя возбуждение любимого человека. Нежные пальчики пробежали по его напряжённой спине, прижались к ягодицам и Тодор тихо застонал. Его губы двинулись ко второму соску, упругому и вызывающе торчащему, выдающему возбуждение своей хозяйки. Горячий язык прошёлся по нему и Любава затрепетала, прижавшись теснее к так жаждущему её телу.

Тодор рывком положил её на себя и возбуждённая плоть, которая так долго искала прибежища, вошла в Любаву. Она с радостью приняла его и уцепившись в плечи руками, отдавалась со всей страстью своего молодого тела...

Они так и лежали, переводя дух. Потом Тодор скатился на ложе и подперев голову рукой, посмотрел на девушку. Ему нравилось смотреть на неё после близости. Глаза были бездонными и сияли, словно звёзды в тёплую летнюю ночь. Припухлые губы полуоткрытые, жаждущие поцелуев...

Тодор припал к этим губам, как путник к родниковой воде. Он никогда не уставал её любить. Вот и сейчас снова почувствовал возбуждение, которое нарастало. Приводило его в полную готовность. Но он немного отодвинулся от девушки, боясь, что испугает её таким ненасытным желанием каждую ночь. Пусть немного отдохнёт, решил он.

Любава придвинулась к мужу, положила ему голову на грудь и сразу же, тихонько засопела, уснула.

— Намаялась моя маленькая женушка за целый день, — тихонько прошептал и, чтобы не разбудить, одной рукой натянул на неё и себя перину.

Она тихонько вздохнула, и тёплое дыхание защекотало ему щеку. Тодор поцеловал её в макушку. Нога девушки, согнутая в колене, легла на его ноги и он снова пришёл в готовность. Мужчина от злости на себя заскрипел зубами.

«Мне кажется, что я никогда не смогу насытиться ею и даже в старости не дам ей спокойно поспать». — Эта мысль даже рассмешила. Представил себя и свою жену глубокими стариками, занимающимися любовью, Тодор хмыкнул и даже этот тихий звук разбудил девушку.

— Почему ты не спишь? — спросила сонным голосом. — Скоро утро. Тебя, наверное, бояре ждут, а ты совсем не отдохнул. Она опустила руку и та натолкнулась на его возбуждённую плоть. Маленькая ладошка кольцом сомкнулась вокруг неё, опустилась, обследуя всё на пути. Девушка приподнялась и нашла его губы. Пока её рука проделывала экскурс, губы слились с его губами в упоительном поцелуе.

— Любава, не надо, — выдохнул он. — А то я сейчас взорвусь. Почему я всегда тебя хочу? — Пожаловался он, впиваясь долгим поцелуем в её припухшие губы...

Любава уснула, а Тодор уже и не пытался поспать. Ещё немного и пора вставать. Зимой ночи длинные, а дни короткие. Не успел утро приветствовать, а глядишь, солнце уже прячется за лес.

«Вот бы Любушка мне дочь родила, — светлая улыбка озарила лицо. — Чтобы на маму была похожа. Такая же красивая и смелая...».

Под рукой, почти беззвучно, тихонько спала Любава, а Тодор мечтал о своей маленькой

дочери. Глаза стали закрываться, суля ему сладкий сон и вдруг дикая мысль пронзила его, разом разогнав все мечты. «Но ведь Заряна умерла при родах. Боги, я совсем забыл об этом... А если такое же случится с Любовью? — Мороз прошёл по его коже. Тодор вдруг ощутил какую-то темноту внутри и холод, постепенно заполнявший каждую его клеточку. Он вспомнил всё: смерть, тризну, своё отчаяние и нежелание жить. Из-за него, его похоти, умерла любимая женщина и то же может случиться с Любовью, его Любушкой. Его радостью, утешением. Без которой он теперь не мыслил своей жизни.

«Может, она уже понесла от меня, — счастливая мысль согрела сердце. — Перестань, Тодор, — уговаривал сам себя. Она сильная, крепкая». И холод снова отступал, и любовь согревала сердце.

Ведь никогда не думал, что снова полюблю, что такая страсть зажжется в моём сердце. За что мне боги дали сколько? — С любовью в глазах смотрел на маленькую женщину, мирно спавшую возле него, а минуту назад дарившую такое чудо — свою любовь.

Сон вконец сморил Тодора, и он забылся в его сладких, лёгких волнах, в которых не было страха, а была любовь и нежность, была его Любава.

Луна с любопытством заглядывая в узкое окошко. Перед своим уходом на покой видела два красивых молодых тела, укрытых облаком шелковистых волос. Она знала будущее и ей хотелось, чтобы мирное настоящее было у них как можно дольше. Луна ведь всегда была покровительницей влюблённых...

Утро было морозное, хотя восходящее солнце и пыталось прогнать холод, но было ещё слишком слабым, чтобы сделать это. Правда, от его лучей снег искрился и больно было на это сияние смотреть.

Алекс рано сходил к кузнецу и забрал свой заказ. Получилось неплохо: что-то похожее на маленькие салазки. А ещё он выпросил два наконечника для стрел, одев их на концы двух ровных палок. Амуниция была готова.

Вначале он нашёл Любаву и позвал её с собой на реку, а затем и Ярополка, предварительно спросив об этом Тодора. Ярополк рад был, потому что изнывал от безделья и уже разбил пару горшков, упражняясь со своим деревянным мечом.

— Ну что, Любушка, нет у тебя желания сразиться? — спросил, улыбнувшись.

— Мог бы и не спрашивать... Но где, всё занесло снегом?

— Мы найдём место, увидишь.

— Ещё чего. Я же не девочка и неудобно сейчас играть. Что подумают о княгине?

— Раньше ты никаких пересудов не боялась. Хорошо, сиди в санях, а мы с Яриком сразимся. Да, Ярополк?

— Ты что Алекс? Ты будешь драться с ребёнком?

— Кто сказал, что мы будем проводить военную подготовку? Поедем на реку, сама посмотришь. Ну что, Ярополк, сразимся?

У мальчика загорелись глаза и он оглушительно закричал:

— Да, да Алекс. Давай сразимся!

Любава снисходительно улыбнулась.

— Ну вот два ребёнка и создали дружину.

— Давно ли ты перестала играть в футбол, — с улыбкой посмотрел на неё Алекс.

Собирались долго. Дворяне приготовили резные сани, которые напоминали огромное кресло. На них положили медвежью шкуру. Алекс оделся быстро и нетерпеливо прохаживался, ожидая Любаву и Ярополка. Когда показалась девушка, он от восхищения даже присвистнул. Широкая беличья шубка доходила до пят, на голове — круглая шапочка из соболя и такая же муфточка, куда девушка прятала свои руки.

— Ну ты, сестричка, как снегурочка!

— Такая же холодная? — улыбнулась.

— Такая же красивая!

— А я? — Из-за спины Любавы показалось хитрющее лицо Ярополка.

— Ну а ты как маленький Морозко!

Алекс подхватил ребёнка подмышки и подбросил вверх. Мальчик зашёлся смехом.

— Ещё, Алекс, ещё!

— Ну нет, нас уже ждёт лёд.

— А что это у тебя? Санки?

— Вот скоро увидишь, как только прийдём на реку.

— Ладно, если собрались, то в путь. Иди ко мне, малыш, — позвала мальчика к себе в сани Любава.

Она села, её ноги накрыли меховым покрывалом.

— Нет, я пойду с Алексом, — заупрямился.

— Нет, и вправду снег глубокий, садись уже возле Любавы.

Дворяне толкали сани сзади, а Алекс на своих снегоступах шёл рядом и ему хорошо было слышно разговор мальчика и княгини.

— Тебе не холодно, не замёрз?

— Нет, ну что ты. Любава, а если ты жена моего папы, значит ты моя мама?

«Железная логика у мальчика». - улыбнулся Алекс.

— А ты хотел, чтобы я была твоей мамой?

— Хотел... Я и папу просил об этом... Ты хорошая, добрая и весёлая.

— Я тоже хочу, чтобы у меня был сын. И звали бы его Ярополк.

— Как меня? — не понял мальчик.

— Глупенький. Зачем мне ещё один, если у меня уже есть такой хороший малыш.

Мальчик смотрел на неё и, как успел заметить Алекс, неподдельная радость плескалась в его глазах.

— Знаешь, о чём я давно хотела тебя попросить?

— О чём?

— Можно я буду называть тебя сыном? Ты мне это разрешишь?

— Знаешь, как я давно хотел этого... Мама...

У Любавы в глазах стояли слёзы. Видно, догадался Алекс, вспомнила, что сама никогда не произносила это слово, хотя оно самое близкое и дорогое. Понимала, как необходима ласка и доброта этому маленькому мальчику, который назвал её своей мамой.

Река замёрзла, и снег лежал на ней ковром. Но это было место, где можно разгуляться ветру. И он конечно умудрился в своём озорстве выдуть снег к берегам, оставив посередине холодную гладь прозрачного льда. Сани выкатили на лёд и они сами, стоило их немного подтолкнуть, скользили.

Алекс поставил на лёд два подобия маленьких санок — одни побольше, а другие совсем маленькие.

— Ярополк, иди ко мне, — позвал мальчика.

Тот откинув полог, соскочил на лёд, но не удержавшись на ногах, упал и проехал немного на животе.

Алекс увидел в его глазах слёзы и понял, что ребёнок ушибся. А чтобы как-то его поддержать и не дать времени жалеть себя и плакать, закричал:

— Наша дружина к бою готова!

Подошёл к мальчику, поднял его и, заглянув в глаза, полуутвердительно, полувопросительно спросил:

— Готова?

— Готова, Алекс, готова. — улыбнулся Ярополк.

— Ну тогда по коням!

Ярополк завертел головой в поисках коня.

— Да вот же они, перед тобой. Смотри, что нужно делать. Вставай на колени. — Сел сам и наблюдал, как делает это мальчик. — Теперь берём в руки палки с остриём... А тебе, Ярополк, две половинки стрел. Взял? Острыми концами отталкиваемся ото льда, и...

Алекс отталкивался палками и его саночки быстро понеслись вперёд. Он резко развернулся и посмотрел на ребёнка.

Тот, прикусив губу, с усилием оттолкнулся, а так как был значительно легче Алекса, через секунду был уже возле него.

У мальчика от усилий даже шапка съехала набекрень. Алекс поправил её и лукаво спросил:

— Ну как?

— Ох и здорово, Алекс! Давай ещё!

— А давай! И наперегонки!

Они стали рядом и быстро, быстро отталкиваясь, ринулись вперёд. Конечно, ринулся вперёд мальчик, а Алекс, поддавшись, так как силы были неравны, ехал далеко позади.

Любава сидела в санях, пока ноги её сами не вынесли на лёд, но шуба мешала бежать и она, подхватив полы обеими руками, бросилась скользить по льду, догоняя их.

— Я тоже так хочу, слышишь, Алекс!

Мальш, обогнавший Алекса, важно заметил:

— Мы девчонок в дружину не берём.

Алекс улыбнулся девушке и с пониманием ответил:

— Любушка, ну и как ты будешь выглядеть? Посмотри вокруг.

На берегу собралось много зрителей, наблюдающих за этим катанием. Особенно много было ребят, с завистью глазающих на Ярополка и Алекса.

— Можешь поверить, что у кузнеца в ближайшие дни работы прибавится и на речке тихо не будет, — понимающе кивнула девушка. — Но за вами и вправду весело наблюдать, на месте совсем не усидеть.

— Это тебе сейчас положено только наблюдать — ты ведь мужняя жена.

Пока они разговаривали, Ярополк вовсю колесил по льду.

К Алексу подошёл паренёк и улыбнувшись, попросил покататься.

— Ну, конечно же, бери. Посоревнуйся с княжичем. — Отдал ему свои сано-коньки. Ведь не назовёшь ни санями, ни коньками...

Мальчишка быстро освоил езду по льду, а за ним повыходили на реку и наблюдатели. Они по очереди осваивали катание и Алекс уже забыл, кто из них к нему подходил.

— Вот мы ещё и на коньках покатаемся, дай только срок.

— И я смогу?

— Конечно, у тебя непременно получится, ты смелая. Ну что, устали — то на воздухе? Пойдём домой?

— Ярополк! — глазами нашёл мальчика, — пора домой.

— Так не хочется, Алекс. Давай ещё немного погуляем.

— А мы завтра придём сюда и я научу тебя играть в такую игру, которая называется хоккеей. Хочешь?

— Он тебя научит. Я уже умею играть в... — беспомощно посмотрела на Алекса.

— В футбол, — заулыбался он, вспомнив баталию на поляне. — Так что, давайте собираться, зима ведь только началась...

Алекс отряхнул мальчика от снега и они втроём двинулись, скользя к саням.

Ярополк свои саночки не выпускал из рук.

— Возьми, — протягивал паренёк его сани. Он, видя, что князя собрались домой, приостановил образовавшуюся очередь на катание и подошёл.

— Катайся. А когда надоест, отдашь. Тем более, что мы завтра снова придём сюда.

Мальчик благодарно улыбнулся и, кивнув на прощание, побежал к ребятне, стайкой стоявшей на льду.

Тодор ждал их уже на крыльце. Он видел из терема, как они уехали, с улыбкой

наблюдал за забавами на льду и даже поймал себя на мысли о том, что с удовольствием сбросил бы бремя княжеских забот и разок-другой прокатился по реке, чувствуя близость Любавы, слыша её серебристый весёлый смех.

— Тодор, что-то случилось? — встревожилась девушка.

— Нет, я просто уже успел соскучиться за вами, — улыбнулся князь. Он смотрел на неё: такую живую, румяную от мороза и в который раз удивился. За что боги дали ему такое счастье — любить и быть любимым этой женщиной.

— Алекс, а когда мы будем возле ёлки хороводы водить и загадывать желания?

— Вечером, — ответила вместо Алекса Любава. — Вот сынок, встретим колядников, одарим их, а потом будем веселиться, — обняла Ярополка и ласково погладила по мокрой вспотевшей голове. — Иди быстрее, пусть няня переоденет. Вспотел под этой шубой. — Подтолкнула его вперёд.

Алекс заметил взгляд, брошенный на девушку князем. Она впервые назвала его мальчика сыном... Тодор нагнулся и нежно поцеловал жену, благо княжич уже убежал в светлицы.

Алекс же, чтобы не мешать влюблённым, тихонько отступил и зашёл в коридор.

Он впервые видел такое проявление чувств и почти уже верил в любовь.

*

Мороз потрескивал. Звёзды были выше, чем всегда, но ярче. Они перемигивались между собой глядя, что же там твориться на земле.

А в городе никто не обращал внимания на мороз. И парни, и девчата разогрели себя пивом, медовухой. Ночь была сегодня самая длинная в году. И боролись между собой свет и тьма. Нужно было людям свету и добру помочь: чтобы те поскорее вернулись. Но и ночь, воплощение зла, не хотела отступать. Страшно было людям показывать своё лицо, а вдруг тьма увидит его, потом попробуй избавиться по жизни от зла!

Поэтому парни и девушки наряжались в другие одежды: парни в девичью, а девушки — одежду парней. Рисовали углем брови, усы. Свеклой натирали щёки, чтобы румянее были.

Молодёжь собиралась возле речки, смеялась, веселилась, громко стуча мечами, щитами. Шум стоял такой, что и в тереме было слышно.

Алекс, Любава и Тодор с сыном на руках стояли возле окна и наблюдали за этим действием.

Алекс ещё днём на берегу увидел чучело, сделанное из соломы, но забыл спросить, зачем оно там. А сейчас увидел, как его подожгли и несколько рук подтолкнуло его к воде. Огненный шар покотился немного и остановился, ярко вспыхнув.

Люди на берегу в масках, накрашенные, переодетые, громко пели и радовались, глядя на то, как догорала солома.

— Видишь, сын, люди победили зло и скоро день будет становиться всё длиннее, а ночи короче. Придёт весна, а за нею и лето красное.

Алекс увидел, как толпа ряженных пошла к княжьему терему.

— Ну вот, а за то, что люди победили зло, нужно их наградить. — Тодор опустил Ярополка на пол. — Пойдёмте-ка на крыльцо, народ одаривать. Любава, оденься хорошо. Морозно на улице. И ты княжич, бегом к нянькам. — шутливо и легонько подтолкнул вперёд Ярополка.

Тот не хотел пропускать ни минуты и побежал одеваться.

На крыльце их ждали дворяне с широкими блюдами, полными орехов, пряников. У

других в руках были корчаги с медовухой, пивом.

А колядники уже подходили к терему и нельзя было их узнать. В огнях факелов плясали ряженые, раскрашенные, в масках люди.

Вот они остановились возле княжьего терема и дружный речитатив, который нельзя было назвать песней, разрезал морозный воздух

— Добрый вечер, щедрый вечер! Добрым людям на здоровье...

Вперёд вышел парень, ряженный под девушку и поклонившись, стоящим на крыльце, произнёс:

— Здоров будь, князь наш! Защита наша и надёжа. Пусть разрастается и множится род твой. И боги помогают во всех твоих начинаниях.

Тодор низко поклонился людям.

— Спаси вас боги за то, что тьму да зло прогнали, а свету и добру дверь открыли. Подходите же люди добрые, примите угощение.

Князь раздавал серебряные резы, Ярополк пряники да орехи. И в этом ему помогала Любава. Дворяне же наливали желающим хмельные напитки.

Люди, довольные дарами князя, пошли дальше в хоромы бояр, воевод. И везде приветствовали хозяев колядками, а те выносили им гостинцы.

Нужно было и самим чествовать Коляду. В трапезной уже был накрыт стол.

Под белой скатертью тонким слоем постелена солома и её запах перемешивался с запахом хвои, потому что наряженная ёлочка уже стояла здесь. В этот вечер даже свечей было зажжено больше. Это для умерших предков, чтобы им легче было найти путь к своим живым соплеменникам. Для них на столе поставили миску с кутьей — варёной пшеницей с мёдом, тёртым маком. Здесь же стояли блюда с копчёной рыбой, большими кусками нарезанной холодной оленины. Суп со свиной, аппетитно пахнущий разными приправами, масло желтело солнцем, рябчики, жаренные на вертеле...

После прогулки на речке все ужасно проголодались. И Алекс сразу же, забыв о том, где он и какие здесь обычаи, потянулся к куску мяса, но потом одёрнул руку.

«Ну почему я постоянно забываю о здешних ритуалах? — со стыдом вспомнил он.

Тодор улыбнулся и исправил ситуацию словами:

— Правильно, Алекс, набери всего понемногу и отнеси на жертвенный огонь. Пусть в этот день наши предки тоже попируют с нами.

Алекс положил на блюдо ложку кутьи, кусочек мяса и рыбы и отнёс их к огню. Язычки пламени охватили еду.

— Слава богам, жертва принята, — произнёс князь и съел ложку кутьи, а за ним все остальные.

— Съешь, Алекс. Так поминают предков.

Парень последовал их примеру. На Земле таких обычаев не было. А наверное должны бы быть, потому что мы ничто без опыта предков.

Алекс вспомнил о том, как очень давно в каком-то племени, убивали стариков, чтобы не было лишних ртов. Просто выводили их на утёс и сбрасывали вниз. Так было у них заведено испокон веков.

Но однажды сын пожалел своего отца и спрятал его. Прошли годы и напал мор на людей этого племени.

— Что делать, отец? — спросил старого отца его сын.

И старик вспомнил о траве, корни которой спасли жизни людей когда-то от такой же

хвори. Пошёл сын, нашёл корни лекарственной травы и вылечились люди этого племени.

— Откуда ты узнал, чем нужно лечить смертельную болезнь? — спросил старейшина селения у того мужчины. — Наш народ благодарен тебе за излечение.

— Это не я спас народ, а мой отец, — ответил он, — и вывел старика за руку на люди.

Раскаялись люди племени, поняли свои ошибки. После этого никто стариков не обижал, а восседали они на почётных местах. И самый первый лакомый кусочек отдавали им, своим отцам и матерям.

Правда, стариков на Земле и стариками не назовёшь. Медицина на уровне, да и сами за собою следят.

За своими мыслями Алекс и не заметил, что все уже приступили к трапезе и он, недолго думая, присоединился к своей семье. Что ни говори, но ближе и дороже этих людей никого сейчас не было и, не хотелось бы даже думать об этом, может и не быть.

Тодор смотрел на сидящих с ним за одним столом людей и думал, что это так хорошо, когда вместе собираются самые близкие. Все трапезы проходили либо с боярами, либо с другими княжьими людьми, а сейчас за столом просто его семья, его самые родные.

Ярополк быстро поел и уже вертелся на месте. Наконец, не выдержав, попросил:

— Ну хватит вам кушать, пойдёмте хороводы водить!

— Не с руки мне сынок, хороводы водить возле деревца. Я лучше посмотрю, а вы уж как-то без меня.

— А ты, Алекс? Пойдём же, а?

— Пойдёмте, — поднялся из-за стола Алекс, напрочь забыв, что первым поднимается князь, а все уже после него.

— Вот только хороводы девушки водят, а закрыть глаза и загадать желание возле ёлки в праздник, я не против.

Он посмотрел на тех, кто стал его семьёй.

— Попробуем?

Ярополк, закрыв глаза обеими руками, что-то загадывал, от усилия даже шевеля губами.

Алекс от всей души пожелал мира и счастья этой семье, а себе всё-таки попасть поскорее на Землю.

О чём-то задумались Любава и Тодор...

А когда они вошли в опочивальню, Тодор обнял жену, нежно посмотрел на неё и спросил:

— Знаешь, Любушка, чего я пожелал?

Она вопросительно смотрела ему в глаза.

— Я хочу, чтобы ты родила мне дочь. Такую же красивую и храбрую как ты.

— И умную, добрую как ты, муж мой. — Щёки её зарделись и она, опустив глаза, закончила. — Я думаю, что скоро твоё желание исполнится.

Весна пришла исподволь, как бы проверяя, ожидали ли её, радуются ли приходу.

Солнце поднялось выше и закапали слёзы сосулек, снег таял почти на глазах, оставляя под деревьями небольшие свои белые следы. Весело побежали в реку ручейки.

Народ готовился к приходу весны. За долгую зиму отдохнули, соскучились по тёплой мягкой земле.

А трава! Зелёная, сочная, она покрыла изумрудным ковром поляны и блестела, радуясь своей чистоте. На деревьях проснулись почки и толстели, увеличиваясь на глазах, а потом как-то вдруг, незаметно из них появились молодые, клейкие листочки.

Зацвели вишни, груши, яблони. В лесу серёжками хвасталась лещина, белел, как чистое облако терновник, привлекая своим цветом рой гудящих пчёл.

В начале весны прилетели скворцы, тут же стали деловито искать подруг и строить семьи. А за ними жаворонки, лишь немного потеплело, залетали высоко в небо, оглядывая свои просторы и радуясь жизни, полёту, любви пели свои дивные песни. Утром нельзя было спать от их сладкого пения.

Токовали тетерева... Глухарей можно было брать голыми руками. Влюблённые в подруг, они не слышали вокруг ничего.

Лель, бог любви, успевал везде. Он долго ждал весну, чтобы нарвать самых красивых цветов и бросить их под ноги влюблённым.

Любава ходила располневшая, но на месте и ей не сиделось. Ведь говорят же, что весна год кормит. И хотя Тодор, смеясь, говорил, что и сам раньше со всем справлялся, но девушке нужно было самой всё перепроверить. Все хозяйственные дела так и оставались на ней.

Алекс уже давно перестал удивляться такой активности Любавы. Когда он её впервые увидел — это была смешливая, весёлая, храбрая, но девочка. А сейчас, после замужества, она стала хозяйкой, княгиней, которую все уважали и слушались.

Однажды утром она позвала его к себе.

— Сроки подходят, Алекс. Боюсь я в такое для себя время остаться одна.

— О чём ты, Любава? Тодор пылинки с тебя сдувает, каждую свободную минуту возле тебя. Ярополк с таким нетерпением ожидает сестричку. И Милана должна скоро вернуться.

— Милана задерживается.

— Почему же, уже весна. Дороги есть.

— Не хотела тебе ничего говорить, но она околдовала какого-то болгарского князя и останется там у него хозяйкой.

— Как? Почему? Она же знает...

— Ничего она не знает. Так и не поняла, почему ты отверг её тогда. Как, впрочем, не поняла и я. Видно же по вам было, что нравитесь друг другу. Но ты что-то не решился, видно, ей сказать об этом.

— Сказал я, сказал.

— Может и сказал, но, наверное, очень неубедительно для неё.

— Значит не вернётся...

— Пока нет, а потом будет видно... Нерешительным ты очень был.

— Кто бы говорил...

— Ладно, сейчас не об этом. В общем, много сейчас возле меня дворовых вертится. Да и

повитуха есть, но хочу, чтобы привёз ты бабушку мою.

— Ведунью?

— Да. Она меня принимала и у меня ребёнка примет. Только ей доверяю.

— Хорошо, понял. А когда ехать?

— Чем скорее, тем лучше. А то начнутся весенние дожди, грозы, размочит дороги, грязью накроет. Трудно будет добраться.

Алекс очень давно не видел целительницу. Ещё с тех пор, когда болела Любава. Боже мой, ведь скоро год, как он здесь. Сроднился с этими людьми. Они вызывали у него безграничное уважение: добрые и щедрые, трудолюбивые и простые. Даже почувствовал гордость за то, что он из них, славян. А раньше Европу расхваливал. Сейчас стал понимать, что Европа в своём развитии ещё и потому на шаг впереди была, что именно славянский народ останавливал кочевников на своей земле, и те потому не шли дальше — убивать, грабить. А эти сожженные и разоренные селения снова, как феникс, возрождались из пепла. И не было людям времени заниматься культурой: строить замки, лепить скульптуры, рисовать картины. Зато какие изделия из глины, железа творили. Алекс это видел собственными глазами, и не только видел, но и пытался сам творить. Смышлёные, схватывающие любую задумку на лету, братья — славяне. Вот бы им только объединиться вместе, да воевать не между собой, а с внешними врагами. Но вся Европа прошла через внутренние распри, что поделаешь.

Алекс немного успокоился, когда узнал, что киевская княгиня отравилась в Константинополь с мирной миссией. Море весной и летом спокойное, поэтому лодии быстро доставят её туда. А значит он что-то напутал, потому что именно в этом году Ольга прикажет сжечь Искоростень. И должно это было случиться или весной, или летом. Потому что ласточки выют гнёзда под крышей как раз в эту пору. Но раз княгиня уехала, значит, этому не бывать.

Алекс уже слышал о том, что киевская княгиня хочет принять христианство, креститься другим именем. И это была тоже хорошая новость, потому что эта религия очень мирная, человеколюбивая.

Когда ехал к ведунье под Малин, мыслей была полная голова. Разных — хороших и не очень. Ведь осень и зиму, наблюдая за Тодором и Любовью, радовался за них. Но горькие раздумья всё равно подкрадывались, что это ненадолго. Придёт весна и сгорит город вместе с большинством этого доверчивого народа, которому нет никакого дела до распрей между князьями.

Алекс без труда нашёл тропинку к хижине ведуньи. Он улыбнулся: весна, протоптали девушки тропинку за приворотным зельем.

Бросил поводья на сучок сухого дерева и вошёл в сени. Там пахло травами, воском... Нашёл двери.

— Можно, хозяйюшка?

— Заходи, Алекс, — женщина сидела за столом, раскладывая какие-то травы. — Пора?

— Как ты узнала, что это я? Окна ведь в другую сторону. И что означает твоё — пора?

— Знала я, что сегодня придёшь, — улыбнулась. — Ждала. Поговорим потом, а сейчас с дороги тебе надо поесть.

— Потом так потом, — не стал торопить события, садясь за стол.

— Ох и вкусный у тебя суп: наваристый и такой душистый.

— Странное слово «суп» для моего варева... А душистый, потому что травы такие.

Сейчас в Киев привозят всё заморское, а своё забыли. А наша трава и здоровье даёт и вкус улучшает. Ешь, милый, ешь. — Она с уважением и любовью смотрела на Алекса. — Небось проголодался, сынок?

— Ух и наелся! Спасибо тебе.

— Чего там, поел и хорошо. За еду хозяйку не благодарят. Ну вот, а теперь рассказывай, что привело тебя ко мне. Любаве время пришло?

— Ну как вы всё знаете, — удивился в который раз.

— Да я много чего знаю, да не велено говорить об этом.

— Кем не велено?

— Что ты и вправду как малый ребёнок, такой любопытный. Негоже человеку твоего возраста таким быть.

— Ну раз так, то и так. Ладно, — успокоился. — Любава и правда прислала меня за тобой.

— Поедем. Готова я уже, и узелок свой собрала. Первая внучку в руки возьму.

— Ты даже знаешь что будет девочка? Это Тодор очень хочет, чтобы родилась дочь.

— Ой, милый, много я знаю и хорошего, и плохого. Хорошее сердце греет, а плохое камнем лежит на нём. Ты ведь не отсюда, не из наших краёв?

— Странник я. Малу рассказывал: пришёл из дальних селений, — Алекс уже сам привык и смирился с этой версией.

— Нет, очень издалека ты. Нет у нас таких мест.

— А я из-за трёх морей пришёл...

— Не надо, Алекс. Совсем другое вижу. А не хочешь, так и не говори, ведь не силюю. Ещё знаю, что горе большое скоро будет и не боги его пошлют: не мор и не пошесть. Люди из Киева его принесут... Видеть вижу, а сделать ничего не могу. Не мне туда ехать надо, а Любаву сюда везти... — Слезы градом катились из устремлённых куда-то, отрешённых глаз.

— Не поедет она, не оставит Тодора одного. Ярополк сыном стал, прикипела к нему сердцем. У них семья.

— Того я и боялась, — вытерла ладонью глаза. — Значит, где она, там и я буду. А ты никак и ничем не поможешь? Боги-то зачем-то тебя сюда прислали...

— Никто меня не присылал, я сам пришёл, — упрямо повторился. — Может не стоит бояться. Княгини ведь в Киеве нет.

— Видишь, ты тоже о том что будет знаешь. Княгиню бы просто так не вспомнил.

Алекс даже немного замялся. Ну не будешь же ей рассказывать о космосе, Земле, полётах. Поэтому решил лучше промолчать.

— Молчишь... Допытывать больше не буду. Может, если вместе будем, то чем-то нашей Любушке и подсобим. А теперь тебе пора немного отдохнуть. За меня не беспокойся. Много чего мне ещё сделать надо. Не на день-два отлучаюсь. В город пойду. Что обещала, нужно отдать людям. А ты, сынок, ложись и спи спокойно. Ничего не бойся — мою избушку и люди и звери обходят стороной.

«Хитрит, бабушка. Тропинка ведь протоптана», — успел подумать он, засыпая.

Не успел закрыть глаза, а уже ясное утро стучало во все окна. Вскочил, хлопнул в лицо холодной водой, вытер его белоснежным вышитой холстиной и открыл дверь в переднюю комнату.

Ведунья хозяйничала возле печи.

— Выспался? — посмотрела через плечо. Бодрая, свежая. Как будто спала целую

ночь. — Сейчас трапезничать будем, а потом и в путь.

Он, уезжая, спросил, чем бабушку перевозить, может какую-то повозку взять. Дорога ведь дальняя. Любава рассмеялась в ответ.

— Ничего не надо, Алекс. Просто езжай к ней.

Ведунья двери не закрывала, прикрыла их поплотнее.

Конь был напоен и накормлен. Ему даже неудобно стало, что сам поел и поспал, а о животном забыл. А вот старушка помнила. И сделала всё за него.

Ведунья зашла в хлев и вывела за собой невысокую каурюю лошадку, уже запряженную. Сбоку возле седла было привязано два мешка: один немного побольше, а другой совсем маленький.

— Ну что, пора.

Женщина ловко, несмотря на возраст, взобралась на лошадь и посмотрела на Алекса.

— Ты чего застыл? — улыбнулась. — Не ожидал от меня такого?

— Постоянно открываю что-то новое. Теперь ничему и не удивляюсь. — С уважением ответил.

Ехали не спеша. От спутницы своей он много узнал о травах, деревьях. Алексу самому было интересно узнать что-то новое. Он показывал на растения, а женщина не тая своих знаний, делилась с ним.

— Не иначе, хлеб мой хочешь забрать, так всё выспрашиваешь. — Спросила с улыбкой, а в глазах мелькнуло уважение.

Любава, видно, высматривала их, потому что уже стояла на крыльце, поджидая.

— Бабушка, — обняла и прижалась к ней.

— Забыла обо мне, хотя бы весточку подала. От чужих людей всё узнавала.

Она отодвинула от себя девушку и посмотрела ей в лицо.

— Вижу, счастливая. А когда счастлив, никто не нужен. Хорошо, что сейчас вспомнила. А это кто у тебя из-за спины выглядывает? Выходи! — Велела с наигранной строгостью в голосе.

Ярополк вышел из-за своего убежища и устоялся на ведунью.

— Ты, что ли, Ярополк? Вот ты то мне и нужен. Когда лесом ехали, встретили зайца длинноухого. Так он очень просил нас с Алексом гостинец передать какому-то Ярополку. А раз ты и есть Ярополк, значит и искать никого не придётся. — Старушка вытянула из мешка чистую, белую тряпицу. — Самой интересно, что серый передал? — развернула её и достала расписной пряник.

— Вот, возьми от зайчика гостинчик. Хороший мальчик. Храбрым воином будешь. — Ласково погладила ребёнка по головке.

— Устала, бабушка? — участливо спросила Любава, — пойдём в терем.

Она взяла ведунью за руку. Попросила Алекса завести их лошадей в конюшню. Поцеловала его в щёку. Глаза благодарно сверкнули.

— Я знала, что ты справишься быстро.

А сбоку стоял Ярополк, дёргая его за полу.

— Алекс, а какой там зайчик, что меня знает? Ты же его тоже видел?

— Ну а как же. Видел, как вот тебя. Всё так и было, как бабушка рассказала.

Мальчик задумался. Он понимал, что здесь что-то не так. Но ведь Алекс подтвердил, а он привык во всём ему доверять.

Женщины сидели в опочивальне Любавы и разговаривали. В голосе девушки слышалась

неподдельная тревога.

— Бабушка, боюсь я.

— Чего же, ласточка моя?

— Рожать боюсь, бабушка. Маму свою вспомнила, что при родах умерла и я так долго без неё жила. И Тодор последнее время ходит темнее тучи. Винит себя в том, что зачали и ношу ребёнка. Ведь тоже жену потерял, когда та сына родила. Смотрит на меня виновато. Вначале, когда сказала, что непраздная, очень обрадовался, а потом помрачнел. И спрашивать не хочу. Знаю, о чём думает. Чем ближе к сроку, тем больше и у меня тёмных мыслей в голову закрадывается... Что будет с ребёнком? Не о себе ведь пекусь. Просто знаю, как постоянно хочется маминой ласки и маминых советов и в детстве и сейчас.

— Что за мысли, Любава? Ты крепкая девушка. Рожают все женщины, такая наша судьба. А боги нам в этом помогают, знай.

Но когда пришёл день, которого обе боялись, казалось, все отвернулись от девушки.

Схватки продолжались вторые сутки. Вначале Любава терпела. Это она сразу себе сказала, что всякую боль можно вытерпеть. Но чем дальше, тем становилось хуже и хуже. Вначале она только стонала, искусав себе губы, но боль раздирала её, сводила с ума.

Тодор в соседней комнате ходил из угла в угол, никого не видя, а только слыша страдания жены. Вначале он пытался зайти к ней, но стеной стала ведунья — не мужское дело это видеть. Здесь должны быть только женщины.

В своей опочивальне плакал Ярополк.

— Мама не умрёт? Ей больно, — поминутно дёргая Алекс за рукав, тоже страдал мальчик.

Алекс не знал, что можно сделать. Ведь роды проходят так естественно на земле. С обезболивающими, бригадами врачей, с постоянным обследованием. А здесь, возле Любавы только старая женщина. Может и умелая, может и опытная, но... почему же так страдает Любава?

Дворянки бегали, выполняя все указания ведуньи: приносили куски ткани, горячую воду... В тереме стояла оглушительная тишина, которую взрывали крики и стоны княгини.

— Ну что, как она? Почему так долго и тяжело? — кинулся к вышедшей на минуту из комнаты старушке, Тодор.

— Плохо. Плод большой, а она маленькая.

— Боги, — истово прошептал, отвернувшись, — не забирайте её у меня. Зачем жить?

— Не убивайся так, может, всё будет хорошо, — но в голосе чувствовалась неуверенность, которую сразу заметил Тодор.

Он сел на скамейку и опустил голову на согнутые руки. Дрожь била этого человека, закалённого в боях, но такого не защищённого от потерь. Чем он провинился перед богами, что не так сделал? Почему они уже во второй раз забирают у него сердце?

Любава никого не видела вокруг. Метались какие-то тени. Чей-то голос громко командовал:

— Тужься, тужься сильнее!

Но у неё не осталось сил ни на что. Боль разрывала её, не давала сосредоточиться, думать. Кровавый туман застил глаза, волосы вились вокруг головы змеями.

Ведунья заметила тёмные тени под глазами девушки. Ах, как они ей были знакомы, эти первые вестницы смерти. И потуги становились всё слабее и слабее. Девушка перестала кричать, только тихо постанывала, засыпая. Но это отнюдь не был здоровый очищающий

сон. Смерть звала её к себе.

Ведунья опустила руки, слёзы стояли в глазах, готовые пролиться. Потерять и её? Сколько лет не могла себе простить, что отпустила мать Любавы к праотцам и снова та же потеря?

— Нет, не будет этого, — тихо сказала себе, — сей раз я не допущу.

— Выйдите вон из комнаты все, — громко скомандовала дворянкам. — И не впускайте сюда никого.

Девушки выскочили из комнаты с большим облегчением. Ведь так трудно смотреть, как страдает их любимая княгиня!

Любава в полусне, полуяви видела старушку. Какая-то обида в закоулках сознания поднимала голову и шипела змеёй. Говорила, что ничего не случится... А я, наверное, умираю... Но почему так долго, зачем эти муки? Так темно и холодно... И вновь свет и голос, уговаривающий её

— Не спи, очнись, не спи.

В этом полубреду она видела, как старуха оголила ей живот, достала из мешочка какую-то травку, растёрла в порошок и стала натирать её лоно. Потом достала нож и раскалила над пламенем свечи. На какое-то мгновение девушка потеряла сознание, а когда очнулась, увидела над собой ведунью с приподнятой рукой, в которой был зажат нож.

— Не надо, прошу тебя, не надо! — кричала Любава. Но крика её не было слышно. Только шевелились искусанные, синюшные губы.

Ведунья коснулась её живота ножом, и Любава вновь впала в спасительную темноту.

Тодор прислушивался. Почему так тихо, что там, как?

И вдруг тишину разрезал детский крик. Кто-то нетерпеливо и настойчиво извещал мир: вот я, пришёл к вам. Я живу!

Тодор бросился к двери комнаты, где лежала Любава, но путь ему преградила ведунья.

— Скажи мне, скажи: её больше нет? — ужас перекошил лицо князя.

— Жива Любава. Дочь родилась у вас, красивая и крепкая.

У Тодора подкосились ноги и он по стенке сполз на пол.

— Воду кипятите, чистое бельё несите, — командовала дворянками ведунья.

— Так что, князь, теперь у вас всё будет хорошо! — уверенно сказала она и снова зашла в комнату роженицы.

Тодор не понимал нахлынувших на него чувств, всё смешалось вместе: облегчение, радость, благодарность, тревога...

Алекс вошёл в комнату.

— Почему так тихо?

— Дочь у нас родилась...

— Да, я слышал плачь ребёнка. Но почему ты не там, с ней? Она жива?

— Жива... А мне велели здесь немного подождать.

Дверь отворилась и на пороге появилась ведунья с аккуратным свёртком на руках.

— Вот ваша дочь, князь.

— А жена, как она? — Тодор даже не посмотрел на девочку.

— Заходи. — Она передала свёрток с ребёнком няньке и открыла перед ним дверь.

Любава лежала на ложе, а на лице так и застыло страдание.

— Любава, Любушка, — склонившись над женой, позвал князь.

Девушка вновь видела тот давний сон. Красивая молодая женщина тянет к ней руки. В

глазах боль и сочувствие. Девушка вновь понимает, что это мама, пытается бежать к ней, обнять. Но боль сковывает движения и она не может сдвинуться с места.

— Любушка!

Кто зовёт её? Чей ласковый, полный тревоги голос тянет её из небытия?

«Не хочу... Там боль. Я сейчас буду лежать и смотреть в небо и боль пройдёт, утихнет».

— Любушка. Вернись ко мне, не покидай...

«Не зови меня, не надо... Там раскалёнными щипцами раздирают моё тело. Жарко...»

— Отойди, князь. Я напою её водой. У бедной губы искусаны и пересохли.

— Скажи мне, скажи! Она будет жить? — рвался из горла то ли плач, то ли крик.

— Боги нам помогут. Я это знаю.

Тихо заплакал ребёнок.

— Нужно девочку покормить. Пусть найдут кормилицу, князь.

Тодор вновь наклонился над Любовью, взял вялую руку, поцеловал. И её пальцы вдруг чуть-чуть ответили ему слабым пожатием. Он поднял глаза и увидел широко распахнутые глаза девушки.

— Закончилось? — прислушивалась к себе, своим ощущениям.

— Закончилось. У нас родилась дочь.

— Покажите, — попросила.

Девочку положили возле молодой мамы. Тодор тоже впервые посмотрел на дочь. Маленькая.

Он пальцем провёл по её щёчке и ребёнок крепко схватил его за этот палец. Тепло разлилось по телу князя. Дочь, его маленькая дочурка.

Перевёл взгляд на девушку. Та дышала ровно, глаза были закрыты. Верно, спала. На лице запечатлелась счастливая улыбка.

— Уснула. Пора и тебе, князь немного отдохнуть.

— Как благодарить тебя, женщина, за то, что спасла жену?

— Какая мне благодарность? Жертву богам принеси, чтобы явили нам милость свою.

Когда в тереме всё затихло и жители его немного успокоились, в комнату княгини зашёл Алекс. Возле спящей Любови сидела знахарка. Она не спала, хотя и провела несколько бессонных ночей.

— Как вы? Идите отдохните, — шепотом предложил он.

— Почему ты мне говоришь — «вы»?

— Там, где я раньше побывал, всех, кого уважают, так называют. А я вас уважаю.

— Значит и мне нужно говорить тебе так же.

— Нет, называйте меня как прежде. Я молод и ещё только пытаюсь заслужить уважение.

— Для меня ты давно его заслужил. Но если молод, то конечно... — улыбнулась. — Хорошо, что ты пришёл. Не знаю, правильно ли я сделала, мучаюсь этим вопросом...

— Если она жива и ребёнок, значит, делали вы всё правильно.

— Не знаю, право не знаю...

— Утро вечера мудренее, идите, а я посижу. Только расскажите, чем поить.

— Сейчас боюсь послеродовой горячки. Вот это перед утром дай ей попить. А так водичкой смачивай губы. Я ей сон-зелья дала, должна поспать, сил набраться. Ну, пойду я, — тяжело поднялась, — если что, зови.

Ночь прошла спокойно, а перед утром цвет лица девушки немного оживился.

— Ну и хорошо, значит, будет жить, — окончательно вынесла приговор ведунья.

Она пришла с утренней зарёй. Тодор ночью не спал, пришёл, устроился на скамье возле жены. Так и просидели с Алексом всю ночь, тихонько разговаривая.

Услышав слова старой женщины, князь безоговорочно поверил, что уже ничего плохого быть не должно.

— Когда проснётся, позовите, — попросил. — Сейчас ждут меня бояре да дела. Совсем позабыл обо всём.

У Тодора на лице светилась улыбка. Он окончательно поверил, что всё плохое уже позади.

— Иди, князь, иди. Кто кроме тебя может дела земли нашей решить? Любава спать ещё долго будет. Во сне здоровье приходит.

Отправив и Алекса, сама осталась возле спящей девушки. Её мучил вопрос: правильно ли она поступила. Но из двух зол всегда выбирают меньшее. И она выбрала жизнь Любавы.

— Бабушка, ты здесь? — прошелестело.

— Здесь, Любушка, возле тебя.

— Ты опять спасла меня. Я знаю, я чувствовала, что умираю.

— Не говори много, слаба ты ещё. Поспи.

— Хорошо, но ты побудь возле меня, никуда не уходи, ладно? — взяла за руку старушку и закрыла глаза. Задышала ровно, размерено. Уснула...

«Хочешь или не хочешь, старая, а придётся ей сказать, как ты её спасала. Но как сказать молоденькой девушке, что единственным выходом было извлечение ребёнка через живот. И больше она никогда не сможет иметь детей. Ещё немного и девочка бы замерла в утробе матери, которая бы тоже уже не проснулась. Кому было бы хорошо»?

Это был единственный выход, — успокоила себя женщина. Вот спит Любава, где-то с кормилицей тихо посапывает её дочь. Все живы и здоровы. Слава богам, что протянули руки и закрыли от беды эту молодую женщину.

— Как-то тихо сегодня, бабушка, и птицы даже приумолкли, — вздохнула Любава.

Они сидели возле реки, на одеяльце агукала маленькая Заряна, а Ярополк носился вдоль берега с прутиком, распугивая лягушек. Те с шумом прыгали в воду, а потом с удивлением смотрели на мальчика, кто он и что ему надо на этой реке. А может и не думали ничего, потому что думать у них было нечем. Рот да глаза занимали всю голову.

— Мама, смотри какие ныряльщики! — закричал мальчик, подбегая к ней.

— Тихонько, сынок, а то сестрёнку разбудишь. Видишь, только уснула, — погладила вспотевшую вихрастую голову.

— Посиди возле нас с бабушкой, отдохни, покушай.

— Не хочу я пока ещё. Мама, а отец скоро приедет?

— Ты уже соскучился, малыш? Скоро. Наверное, скоро, — вздохнула и посмотрела на дорогу. — Я тоже соскучилась.

— А Заряна?

— И она, конечно тоже.

— Мама, а ты её назвала так, потому что мою первую маму, которая ушла далеко, так звали?

— Я же тебе уже рассказывала, что мы с папой посоветовались и решили, что это очень красивое имя. Похожее на утреннюю или вечернюю зорьку. А у тебя ведь сестрёнка красивая, правда?

— Какая же она красивая? Маленькая и не умеет говорить, а только плачет. Можно я ещё побегаяю?

— Побегай. Так хорошо вокруг и спокойно.

Любава смотрела на Ярополка, который весело резвился, но во взгляде её сквозила грусть.

— Видишь, а я и не знала, что первую жену Тодора звали Заряной. Просто думала, что вы для девочки выбрали красивое имя.

— Бабушка, это я так решила. Знаю, что любил её очень. Но так сложилось, что умерла она и счастье было недолгим. Знаешь, когда я сказала, как хочу назвать дочь, у Тодора даже слёзы на глазах появились.

— Глупенькая ты. Это имя будет постоянно напоминать ему о давней любви.

— Нет, бабушка. Никто, кроме меня, ему не нужен и это я знаю точно. И мне тоже. Как раньше я не могла этого понять? И вот сейчас его нет, а сердце отчего-то щемит, не успокоится.

Обе надолго замолчали, думая о своём.

Прибыли гонцы с дальних селений и рассказали, что идёт большая киевская дружина на древлянские земли. Тодор не поверил вначале этим рассказам, ведь за данью киевский князь приезжал осенью или зимой, а сейчас, в начале лета никто никогда не беспокоил. Да и дань они отдали сполна в прошлом году, а сейчас Ольга уроки определила окрестным княжествам. Выполнять их срок — осенью.

Но когда гонцы всё прибывали, то Тодор забеспокоился.

Первым на пути киевской дружины был Малин. Тодор, оставив часть отроков и дружинников в Искоростене, остальных взял с собой и выехал туда. Он твёрдо приказал

оставшимся никому не открывать ворот и не впускать незнакомцев в город.

Его не было уже два дня и Любава начала волноваться. Такого ещё не было, чтобы князь не подал весточку, уезжая из дома.

Поэтому и смотрела на дорогу, ожидая увидеть его. Уставшего, но такого родного.

Не заметила, когда полюбила. И не только телом, которое оживало, трепетало под его умелыми руками, его ласками, но и сердцем, чувствующим его, понимающим с полуслова, с полувзгляда.

Когда-то, вспоминая Подвизда, её лицо покрывал румянец, а губы ныли, напоминая о поцелуях. Сейчас княжна понимала, что это было удовлетворение извечной женской сущности, когда горят мужские глаза, глядя на неё. И что это она, молоденькая девушка, зажгла в них страсть, желание обладать ею.

Тодор же был частью её и, оторвав его от себя, она бы лишилась чего-то большого, светлого. А жизнь была бы серой и неинтересной, вот как прямо сейчас, хотя и нет его всего-то два дня.

Любава не могла сидеть в тереме. Какие-то плохие предчувствия сдавливали сердце, не давали глубоко дышать. И даже маленькая дочурка не отвлекала её своим лепетом от тяжелых мыслей.

Потому-то и собрала детей, отправилась на речку, на простор.

«Хотя бы Алекс был рядом. Он сумел бы развеять эти глупые мысли. Ведь наверняка ничего плохого не случилось. Просто вбила в голову непонятно что, — уже начала сердиться на себя Любава. — Скоро приедет муж и мы будем вместе смеяться над моими страхами. Потом он меня успокоит. Посмотрит ласково, обнимет своими сильными руками...

Её размышления прервал конский топот. К ним приближался всадник и по лошади, по посадке девушка угадала в нём Алекса.

«Как будто боги услышали мои мысли, — радостно встрепенулась девушка. Она рывком поднялась на ноги и стала смотреть на приближающегося всадника с тревогой и ожиданием.

Алекс издали увидел эту живописную группку. А зная, что это любимое место Любавы, повернул лошадь и направился к ним.

Девушка всматривалась в его лицо. Оно на редкость было серьезным и встревоженным. Парень не успел спешиться, как прозвучал вопрос Любавы.

— Где Тодор?

Алекс спешил, обнял Ярополка, который видя, кто подъехал к ним, подбежал поздороваться. Они друг друга понимали и девушка часто удивлялась, каким, по сути, ещё ребёнком может быть Алекс, выдумывая какие-то игры и бедокура с мальчиком.

Вот и сейчас Ярополк обнял Алекса, а тот, подняв его на руки, посадил на свою лошадь.

— Алекс, не молчи, — попросила Любава.

— Ну что, Ярополк, посидел немного? Пойди, поймай мне маленького лягушонка.

— Зачем он тебе нужен? Они так хорошо ныряют...

— Ближе хочу рассмотреть, — не мог придумать ничего лучшего, чтобы отправить мальчика.

Тот с радостью бросился выполнять просьбу своего старшего друга.

— Только лови на берегу, в воду не заходи. Ещё она холодная, можешь заболеть, — полетело вдогонку напутствие мальчику.

Алекс повернулся к Любаве и увидел её широко распахнутые глаза, а которых плескалась тревога.

— Ничего хорошего пока сказать не могу.

— Как? Что случилось? Где Тодор? — Подкосились ноги у девушки.

«Вот дурак, ну дурак, — пронеслось в голове Алекса, — так глупо сказал. Ведь у неё в голове сейчас только Тодор».

— Да не бойся, меня Тодор прислал, чтобы ты не волновалась, — улыбнулся успокаивающе.

— Разве можно было так с ног сбивать! А почему ты сказал, что нет ничего хорошего? Правда, что дружина киевская идёт по древлянской земле?

— Правда. Но княгини нет с ней. Уехала она с посольством в Византию. Князья Олег и Игорь туда с угрозами плавали, а она решила с миром ехать. Крещение принять на христианской земле. А отправилась, чтобы сейчас плыть Чёрным... ох, извини, Русским морем. Потому что путь дальний, а чем дальше, тем ближе к осени и тогда там холод и шторма.

— А как же дружина киевская? Кто её ведёт и зачем?

— А вот в том то всё и дело. Ольга призвала к себе бояр и посадила на стол киевский сына своего, Святослава. Но ведь мал он совсем, кто же на него внимание обращать будет? Ты знаешь бояр, Любава. Им всё мало. Князья киевские им и землю и золото...

— Это так... — задумчиво произнесла девушка, — раньше воевали с пришлыми племенами за честь и славу, а теперь со своими соседями, чтобы покорить их да нахватать побольше. Уже и так под данью непосильной ходим... Чего сейчас они хотят? И кто ведёт их?

Алекс помолчал, а потом выдохнул, глядя в глаза Любаве.

— Полуян...

— Кто? Разве жив он? — изумлённо подняла брови девушка. — Сама видела, что рана смертельной была. С такой не живут.

— Жив, жив он! Видно, как на собаке всё зажило.

— Чего же хочет он?

— Видно, месть движет. Не может простить своего поражения. Стала киевская дружина вокруг Малина, требуют твоей выдачи.

— Меня? Зачем я им?

— Полуян думает, что ты по-прежнему в Малине княжишь.

— Тодор там? — побледнело лицо девушки.

— Там. Поэтому и послал к тебе, чтобы закрыли город и никого сюда не впускали.

— А что с Малином?

— Тодор уверен, что нужно немного потянуть время, пока древлянские города объединяться, чтобы, если потребуется, противостоять Киеву.

— О чём это он? Раньше утверждал, что никаких сил у нас для этого не хватит, а сейчас вдруг принял такое решение.

— Они ведь никаких требований не выставляют, кроме одного — выдать им тебя. А иначе сожгут город вместе с жителями, чтобы никто другой не мог даже подумать противостоять, не то что князьям, но и боярам больше не смел перечить. Чтобы думать не думали поднимать руку на первых лиц киевской земли. А ты посмела. Вот Тодор и послал гонцов во все концы древлянской земли, союзники сейчас очень нужны.

Любава не слушала окончания, она принимала решение. Из-за её поступка погибнут люди родной земли. Если даже их и выпустят, то сгорит весь город. Город, в котором она

родилась, выросла. Город, в котором княжил её отец, брат. И родины её больше не будет. Людей, с которыми она делила все радости и печали. Девушек, с которыми водила хороводы и плела венки на Купала. Парней, которых одолевала в дружеских поединках... Их больше не будет?

Такого она никогда не допустит.

— Собираемся, — деловито скомандовала. — Ярополк, сынок, едем домой.

— А лягушонка Алексу?

— Потом поймашь. Иди садись на лошадку Алекса, он тебя покатает.

— Не надо меня катать, я сам могу, — заупрямился мальчик.

— Что ты хочешь делать, Любава? — насторожился Алекс.

— Я не буду сидеть и ждать, пока сожгут мой город... Поеду туда.

— Этого Тодор и боялся.

— Если он меня знает, то должен был понять, что я не буду сидеть на месте, сложа руки.

— О чём ты, Любава? Все знают, что ты прекрасный воин, но не забывай, что ты и мать. Это в первую очередь. Ярополк рос без матери, ты хочешь такой же судьбы для своей дочери? Конечно, ведь ты испытала тоже все её прелести. Я ведь не слепой и вижу, что дети и ты — самое дорогое в жизни князя. Если поедешь в Малин, то совсем ничем не поможешь, а просто станешь обузой для мужа.

— Я обузой? — вскинулась, обижено, — задеть меня что ли хочешь, Алекс?

— Пока они думают, что ты в Малине и держат осаду города, другие племена собирают силы. Если же ты будешь возле Тодора, то это не усилит, а ослабит его позиции. Ведь он будет бояться за тебя и детей.

— А если я сама выйду к Полуяну? — спросила вкрадчиво. — Он оставит Малин и отойдёт?

— Может и оставит, может и отойдёт. Его обидчица будет наказана. Но тогда его не оставит Тодор. Он вступит в бой и потерпит поражение, потому что сейчас силы неравные.

— Значит выхода нет, как только сидеть и ждать, чем всё закончится?

— Так сказал Тодор. Он просил тебя об этом, зная твоё упрямство. А ещё просил беречь детей. Князь надеется, что всё закончится хорошо. — Сказал и сам не поверил в это.

А и вправду распоясались бояре... Алекс видел старые фильмы о Петре Первом. Бояре там были в кафтанах с длинными рукавами, в меховых высоких шапках, с длинными бородами. Но Пётр быстро справлялся с неудобными. Велел сбрить лишнюю растительность на лице, померить свой пыл. Те боялись царя, раболепствовали перед ним. Но до этого ещё семьсот лет, а эти бояре никого не боятся. Это они решают дела в княжествах. И воруют друг у друга и убивают, но как только обидят одного из них, как тут же сплачиваются против врага, забывая на время о своих распрях.

А сейчас этим врагом для них оказалась Любава. Алекс знал, что если бы княгиня Ольга не уехала к ромеям, то и опасности для древлянской земли не существовало. Та пыталась сплотить княжества вокруг Киева. Мир был выгоден. Она даже заменила дань уроками и никто не имел права брать больше, чем обязали. Без дани и уроков нельзя. На них содержалась дружина, которая приходила на помощь, в случае нападения кочевников.

Сейчас же очень много стало бояр, которые жили благодаря поборам. И Алекс понимал, что своей жестокостью по отношению к непокорным племенам или отдельным князьям, они показывали участь тех, кто пытался жить обособленно от Киева. Боярам нужна была

причина и они нашли её, вернее, её им подсказал Полуян.

Дорогой все молчали. Каждый из взрослых думал о своём. Ярополк устал и тихонько посапывал впереди в седле. Алекс одной рукой прижимал его к себе, а другой правил лошадьё.

Это была его семья. Любава, Тодор и их дети. Он почти потерял надежду вернуться домой и за этот год очень прикипел душой к этим простым, скромным людям. Алекс замечал, как на глазах взрослела Любава: из озорной, весёлой девушки она превратилась в жену, мать, княгиню, которую почитали и любили все. Любовь преобразила её — сделала мудрее, рассудительнее.

Но сейчас он не знал, как она поступит. Бросит детей и уедет к Тодору или сделает так, как просил её муж. В её глазах он читал нерешительность, что не было характерным для этой девушки.

— Давай поговорим обо всём ещё завтра. Утро вечера мудренее.

— А ты Алекс? Останешься здесь или вернёшься?

— Тодор попросил остаться возле вас. А ещё он сказал, что лучше бы тебе ни о чём плохом не думать. Он очень волнуется за вас. Но сама понимаешь, что центр древлянских земель — Искоростень, поэтому именно ему нужно решать все вопросы. И место его сейчас в Малине.

— Не говори мне о том, что я и сама знаю. Мой отец и брат ставили интересы народа выше своих. И Тодор такой же. Но ведь можно как-то избежать кровопролития. Можно? — надежда слабыми росточками пробивалась в её голосе. — Может постоят вокруг Малина, а тут и Ольга из Константинополя вернётся. Я знаю, она никогда не причинит мне вреда. — Глаза просили: ну соври, что всё будет хорошо...

— Ну, конечно же, всё закончится миром, — соврал Алекс, потому что очень хорошо помнил из истории, чем закончится всё это. А он так надеялся, что всё обойдётся. Но сейчас у него задача — уберечь от беды Любаву и детей. Мужчина считал своим долгом сделать это, хотя и не представлял пока как.

Историю он не мог исправить. Алекс не вмешивался в события, он понимал, что неумелые вмешательства в судьбы людей могут привести отнюдь не к лучшим результатам. Сколько был здесь, только изучал всё, что видел и ему это очень нравилось. Правда, только раз он не мог сдержаться и помог Любаве выкарабкаться из лап смерти. Но уж очень часто, по его наблюдениям она ходила по краю, буквально по лезвию ножа. Это явно был не её год со всеми передрыгами, через которые она прошла и которые отнюдь для неё не закончились.

Он не скажет девушке, что участь древлянских городов предрешена и будут они разграблены и сожжены. Людей много погибнет, а остальные попадут в рабство.

Что может сделать она? И как ей сказать, что такое будет? Как объяснить свои знания? Ведь всё равно не поверит. А если и поверит, то какую от неё можно ожидать реакцию? Она ведь готова на самопожертвование. Они здесь все такие. На первом месте — люди, а потом уже они сами и их семьи. Такой Мал, такой Тодор... Алекс мучился, искал выхода и не находил его.

Ночью ворочался и как не пытался, уснуть не мог.

Под утро он услышал по коридору осторожные шаги. Свечи у него в комнате догорели и он на ощупь пошёл к двери, тихонько её приоткрыл. Кому тоже не спалось в эту тревожную ночь?

Щуплая фигурка уже миновала его дверь и двигалась к выходу.

«Кто бы это мог быть? Почему крадётся словно вор? — Алекс тихонько, под самой стеной двинулся следом.

Гридни в сенях спали на своих местах и парень подумал, что завтра нужно всех собрать и предупредить о надвигающейся опасности. И как-то так, чтобы и паники не посеять, но и спать на посту стражи не стали бы.

Человек вышел на улицу и двинулся к конюшне. Алекс узнал знакомую фигуру и походку — это была Любава.

— Далеко собралась, Любушка? — догнал её.

— Не мешай мне Алекс, всё равно уйду.

— Да я и не мешаю, просто хотел спросить, что у тебя на уме.

— Не могу я сидеть дома. Не могу, пойми. — В свете луны слёзы в глазах девушки блестели дивным светом, готовые пролиться в любую минуту.

— Скажи, как ты поможешь Тодору? — пытался сохранить он спокойствие и совсем опешил, когда услышал ответ княгини.

— А я вызову на бой Полуяна.

Алекс молчал, не зная даже что сказать. В голове было пусто. Он ожидал чего угодно, но только не этих слов...

А Любава продолжала

— Он не сможет отказать, потому что все сочтут его трусом.

— Ты не сможешь выиграть этот бой, даже если он согласится.

— Почему? Если ты думаешь, что я ему проиграла там, в лесу, то ты неправ. У меня с собой не было никакого оружия. Ты же видел, как я дерусь на мечах и стреляю из лука.

— Я знаю это, девочка, знаю какой ты прекрасный боец, но тебе его не победить. Он мужчина и притом имеет очень большой опыт ведения боя, и не тренировочного, а такого, где убивают. Он убивал и убьёт, рука у Полуяна не дрогнет. Я не хочу тебе напоминать, что если бы не тот юноша, Подвизд, чем бы всё закончилось для тебя. Боярин уже готов был убить и сделал бы это.

— Тебя там не было. Что ты можешь знать?

— Не было, точно. Но мне хватило твоего рассказа, чтобы понять и оценить ситуацию. Она ведь и правда была непростой. Как ты сейчас победишь Полуяна, ответь?

— Даже если у меня ничего не получится, то я умру в бою. Он получит то, за чем пришёл сюда и не причинит зла моему городу и моему мужу.

— Эх ты, глупышка, хотя и княжна. Застил тебе глаза страх за Тодора, боль за свой город. Ведь знаешь, что ты только причина, а вернее способ давления, чтобы поставить на колени древлян в назидание другим ещё свободным племенам. Убьют тебя, погибнет Тодор... А дети ваши?

— Ты их, Алекс, в обиду не дашь!

— Ах, вот как. Значит, на меня надеешься? А ты подумала кто я? Просто пришлый человек. Кто доверит мне воспитывать ваших детей? Ваши же бояре передерутся между собою за власть. Это они хорошие, потому что князь в ежовых рукавицах держит — силу чувствуют... Хочешь изгнания своих детей? Нищеты их, в лучшем случае? Ты не силу свою показать хочешь, а слабость скрыть. Что бы тебе Мал сказал? — специально затронул постоянно ноющую рану Любавы.

И девушка заплакала... Алекс притянул её к себе и прижал. Пусть поплачет. Выплачется, всё легче будет. Гладил её по голове, слушал всхлипывания маленького

обиженного ребёнка.

— Что же мне делать? Я не могу сидеть на месте и ждать.

— А придётся. Сейчас, пока нет Тодора, ты княгиня и тебе всё решать. А начни с усиления дисциплины. Ты же мимо проходила. Гривни на посту спят, а если пройти к воротам, то и там, наверняка, стража спит. А нам сейчас нужно быть наготове. Никто не знает, что может случиться завтра или послезавтра. Вдруг город придётся защищать. Второе, чем нужно заняться до приезда Тодора, сделай запасы еды, оружия. Видишь же, какую тактику они используют — осаду. Города укреплены хорошо, выдержат натиск.

Алекс почувствовал, как напряглись плечи девушки, прекратились всхлипывания и он понял, что переубедил её, сумел повернуть мысли в нужном направлении.

— Я всё поняла и сделаю так, как советуешь ты. Это, наверное, правильное решение и его бы одобрил Тодор. Спасибо, Алекс.

— Всегда готов служить! — улыбнулся он.

Алекс видел, что нужно брать всё в свои руки. Апатия Любавы к происходящему была видна даже невооруженным глазом. Не зная судьбы Тодора, она потеряла веру. И как не пытался Алекс подтолкнуть девушку к каким-то действиям, попытки эти не увенчивались успехом. Но зная её стойкий характер он верил, что в минуту опасности она сможет организовать достойную защиту Искоростеня.

Рано утром прибыли очевидцы событий, происходящих в Малине. Не дождавшись выдачи Любавы, Полуян приказал штурмом брать город. Тодор ещё надеялся на подмогу, но эти надежды таяли как прошлогодний снег. Никто не спешил на помощь осаждённому городу и князь с небольшой частью своей дружины и дружинниками Мала понимал, что продержится недолго.

Он пытался договориться с киевскими боярами о любой дани, которую они хотят, лишь бы оставили город и княжну в покое. Но Полуян только рассмеялся, услышав это предложение. Тодор, как человек совсем неглупый, понимал, что они и так заберут всё, что есть в городе после того, как местные жители сдадутся или их возьмут штурмом. Для Полуяна, как мужчины, который никогда ни от кого не получал отказа, было делом чести наказать княжну за то, что смела поднять руку на него, ранить. Да, рана была очень тяжёлой, но отроки не бросили его в лесу, а привезли полумёртвого в Киев. И только большая ненависть живила его, заставляла карабкаться из небытия. Жажда мщения пересилила смерть и лишь только выздоровев немного и набравшись сил, достаточных, чтобы преодолеть путь найти свою обидчицу и наказать её, он начал воплощать свои планы в жизнь. В Киеве указа для него не было. И стоило только кинуть клич и рассказать о том, что древляне снова поднимают голову, как дружинники, совсем застоявшиеся и желавшие немного пополнить свои карманы за счёт несгибаемого племени, поддержали Полуяна. Конечно, Ольга бы не разрешила проводить этот поход. Полуян всегда со злостью думал о том, как они сумели найти общий язык — Ольга и Любава. Это было ему совсем не нужно, хотелось безграничного и ни с кем неделимого влияния на княгиню.

Город был укреплён хорошо. Постоянные набеги кочевников вынуждали делать это на совесть.

На холме, который окружал Малин, сплошным рядом стояли затесанные сверху стволы крупных деревьев. Ворота, сделанные из таких же столбов, укрепляли кованые засовы, на которых лежали запоры со стороны города. Нужно было приложить значительные усилия, чтобы штурмом взять это укрепление.

Одна беда была. Слишком малы силы у древлян. Ведь много опытных воинов, десятских, сотенных погибло на тризне по Игорю.

И это как никто отчётливо понимал Тодор. Он мог оставить город на разграбление, но это был город его жены. Как он посмотрит ей в глаза потом? У него Искоростень не возьмёт никто. Там Любава и дети в безопасности, и даже если после осады Малина враги пойдут туда, то Киеву просто так город не взять.

Он решил сам провести переговоры с Полуяном, чтобы утвердиться в его планах и выбрать свой путь действия. Князь уведомил киевского боярина о переговорах. Хотя негоже было вести их с боярином, не по чину. Но выяснить планы противника было необходимо.

Они встретились после восхода солнца. Ворота города открылись и оттуда в

сопровождении двух дружинников выехал Тодор. Навстречу ему уже спешил Полуян с таким же количеством сопровождающих.

— Здоров будь, князь!

— Здоров будь и ты, боярин.

— Не буду ходить вокруг да около. Приехал за Любовью, отдай мне её и никто не пострадает.

— Не могу, боярин, желание твоё выполнить. Любава жена мне.

— Ольга не давала согласия на этот союз.

— Я уважаю княгиню, но это согласие мне не нужно. И ты это хорошо знаешь. Я сам вправе решать такие вопросы у себя в княжестве.

— Нет у тебя, князь, никаких прав! Под каблуком Киева находитесь! — злость переполняла Полуяна. Уж очень спокойно чувствует себя князь древлянской земли. И речь невозмутима и размерена...

— Ты, боярин, преступаешь законы, которые существуют между нашими княжествами. Мы вам отдаём дань, а вы нам защиту от врагов.

— Вы сами эти законы преступили, когда расправились с Игорем. Помнишь? — Глаза Полуяна зло сверкнули.

— Мы за это заплатили. Тысячами жизней наших земляков...

— Я больше ни о чём не хочу с тобой говорить. Твоя жена пыталась меня убить. Сам знаешь, что за это она должна держать ответ. Попытка убийства — это то же, что и убийство. Так гласят наши законы.

Тодор понимал, что все разговоры бессмысленны: он лучше сам сто раз умрёт, чем отдаст свою Любаву. А Полуян не отступится. Уж очень далеко зашёл. Назад возврата нет. Наименьшее отступление от плана его дружина посчитает слабостью. А слабым не место возле княжеского стола.

— Решай, князь! Даём тебе срок до следующего утра, а после приступом возьмём город.

Тодор ничего на это не ответил, развернув коня и пришпорив его, галопом поскакал в город.

— Что решили, князь? — вышел навстречу Вит, один из старейшин.

Десятки глаз бояр и старейшин были устремлены на него и все ждали ответа.

— О чём бы мы ни говорили, у них одно условие — выдача Любавы, — склонил голову Тодор.

И в лесу тогда никого не было, но все знали о неудачном посягательстве на их княжну. И чем всё закончилось, тоже знали. Но отношение к событию было разное. Тогда, и совсем другое сейчас. Тогда, когда слухи быстро распространились, поселяне чувствовали гордость за свою юную княжну. Сейчас же многие из них считали, что ничего ведь страшного и не случилось, чтобы убивать киевского боярина. Такова судьба женщины. Берут, не особенно спрашивая.

— А что они могут с ней сделать? Не убьют же, — вкрадчиво спросил Изяслав, самый молодой боярин Малина.

Его не видно и не слышно было, когда княжил Мал. Но князя не стало, как и бояр, которые прошли все невзгоды с ним. После того, как Ольгой были уничтожены все лучшие мужи древлянской земли, проявились такие, как Изяслав, стремившиеся только к увеличению своих богатств любыми путями, готовые подмять всех, кто стоял на их пути к вершинам власти.

— Помолчи, Изяслав, — нахмурил брови Вит. — Это только предлог — Любава. Грабить ведь пришли: всё им мало...

— Я тоже так мыслю, — благодарно взглянув на Вита, кивнул головой Тодор.

— Только помоги отстоять город, мало дружинников у нас.

— А я всё-таки думаю, что нужно миром это решить, — не унимался Изяслав. — Откроем им ворота, пускай посмотрят, что Любавы здесь нет. И они уедут в...

— Искоростень. — Закончил за него Тодор.

Может так и лучше будет для этих людей. Если они так хотят... Он же тем временем сумеет организовать оборону. Правда, хорошо зная свою жену, верил, что там уже всё готово к обороне. Там не ждут, что он приедет и начнёт всё делать сам. И Алекс ей в этом очень поможет. Искоростень укреплён значительно лучше, и они продержатся сколько, сколько будет нужно. Тодор знал, что его город выстоит в этой осаде. По крайней мере, до приезда княгини Ольги из Византии. Он почему-то верил, что ей надоели эти распри, и за мужа она отомстила сполна.

Киеву нужен и важен был мир с соседями. Ну если не Киеву с его боярами, то княгине.

— Ну что же, если вы решите так, то я со своими дружинниками покину ваш город. Но знайте, не сопротивляясь и открыв свой город, вы отдадите его на разграбление.

— С чего бы киевским боярам нас грабить? У них своего добра полным-полно, — не унимался Изяслав.

И Тодор увидел, что некоторые старейшины и бояре согласно закивали головами.

— Нет, — решительно стоял на своём Вит. — Наши же слова были: пусти волка в отару и он перережет всё стадо. Что так быстро забыли Игоря? Всё ему казалось мало. Припасы у нас есть. Лучников много, дружинники Тодора подсобят. Ничего, выстоим. Мы на своей земле, здесь каждая кочка наша, каждая травинка на защиту станет. Сколько они разбойничать у нас будут? Такое моё слово... Поддержите — хорошо, а не поддержите, то так тому и быть, что большинством решите.

Бояре, собравшись в небольшие группки перешёптывались, взвешивая все за и против.

Только Вит и Тодор не участвовали в этом, они ждали общего решения. Свою позицию огласили.

Микула, воевода Тодора и его близкий друг, не мог понять позиции князя. Ну не хотят слушать, пусть откроют город для киевских бояр. Это же было очевидным, что тем и закончится. А Тодору пора бы ехать в Искоростень, там никто ни их, ни Любавы, вовек не достанет. Зачем ему Малин? С одной стороны понятно, что Тодор сейчас князь главного города древлян, он обязан помогать своим соседям, но с другой стороны, если те сами не хотят помощи...

Тодор угадал его мысли и, повернувшись к другу, прошептал:

— Знаю о чём ты думаешь. А вот оставить их в беде не могу. Как Любаве в глаза посмотрю? Город её родной. Люди, близкие, знающие её, как и она их, с рождения. А я развернусь и просто уйду, спасая себя и дружину? — в глазах читался укор и Микула смущённо опустил голову.

— Что решили, бояре? — голос Вита, прервал обсуждения бояр. — Будем держать оборону или как?

— Будем, Вит!

Хотя у многих из них в головах мелькнули мысли о том, что Полуян уже знает, что девушки здесь нет. Так что постоит немного под Малиным, да и уйдёт к другому городу.

— Ну на том и порешили, — повернулся Вит к Тодору. — От тебя, князь, ждём помощи.
— В беде вас не оставлю, — склонил Тодор голову.

Поздно ночью, когда весь город уснул и только лучники бдительно несли службу, охраняя город, посменно меняя друг друга, тёмная фигура выскользнула из тайного лаза и перебежками устремилась к шатру Полуяна. Человек прокрадывался так, чтобы свет луны нечаянно не выдал его.

Киевские дозорные увидели его и окликнув, заставили остановиться. Тот что-то тихо стал им объяснять. Немного посоветовавшись между собой, дружинники повели его к шатру боярина. Перебежчик пробыл там недолго, а потом, так же скрываясь ото всех, пробрался в осаждённый город.

Следующий день прошёл спокойно. По обе стороны люди занимались своими делами. Дружинники на стенах бдительно несли свою службу, хотя подготовки для наступления на город было незаметно.

Это почему-то сильно беспокоило и настораживало Тодора. Полуян предупредил, что на рассвете начнет наступление на город, но ничего подобного замечено не было.

Уже поставили самострелы. На площади, в больших котлах разогревали смолу, люди нервничали в ожидании нападения.

В тревоге прошёл день и наступила ещё более тревожная ночь.

Тодор приказал усилить караулы и бдительность людей. Сам забылся в коротком сне. Это был не сон, скорее полусон, когда глаза закрыты, но каждый звук слышен. Он не заметил, как ненадолго отключился. И как ни странно, в это тревожное время ему приснилась маленькая дочурка, тянущая к нему ручки. Он поднимал её, и целовал по очереди животик, маленькие ножки, на одной из которых его особенно умиляли две родинки, точно на том месте, что и у его жены.

Девчушка смеялась. Он тоже улыбался, любясь на свою красавицу-дочь. К ним подошла Любава, взяла Заряну на руки и посмотрела на него встревоженным взглядом.

«Не тревожься, милая. Всё будет с дочуркой хорошо. Видишь, какая она весёлая, — хотел сказать, и протянул руки, чтобы обнять этих самых дорогих ему людей...

— Проснись, Тодор! Проснись, любимый, — почему-то шептала Любава. Вместо тихих тревожных слов он, уже просыпаясь, слышал шум боя.

Князь вскочил со скамьи и бросился к окну.

Кто — то открыл ворота изнутри и дружинники Полуяна ринулись в город. Тодор выскочил на улицу, на ходу вытягивая меч из ножен.

То, что он увидел, даже у него бывалого, не раз принимающего в боях человека, вызвало ужас. Люди метались, спасаясь от стрел, которые роем вились в воздухе.

Воевода Микула яростно орудовал мечом против крепко сложенного бородатого дружинника.

Уже загорелись деревянные дома и огонь перекидывался всё дальше, охватывая пламенем всё новые и новые строения. Горожане метались, вынося из жилищ самое ценное: какую-то утварь, реманент. Малышей. А дети постарше сами выбегали из домов: чумазые, испуганные, сонные.

Тодор кинулся на помощь Микуле, повергнутому на землю и ожидающего смертельного удара от соперника, занесшего для этого меч. Князь успел отбить удар и сам перешёл в наступление, уловив перед этим благодарный взгляд друга.

Краем глаза увидел Алекса, бегущего к нему и удивился, почему он здесь, а не в Искоростене, куда его отправил давеча.

А Алекс просто не мог сидеть и ждать возвращения Тодора. Этого хотел он сам и Любава. Она ничего не просила, но он настолько её уже хорошо узнал, что мог и без слов догадаться, что не ведая ничего о муже, молодая женщина сильно тревожится. Но Алекс даже не мог предположить, что возникнут какие-то военные действия между двумя славянскими племенами. Приехал вечером, поздно, и вокруг всё было тихо и мирно....

Он увидел, что в бой вступили небольшие силы. И это были дружинники Тодора. Город не хотел защищаться, люди надеялись на милость Полуяна. Заметил это и Тодор. Но, как оказалось, слишком поздно. Ему пришлось отбиваться от трёх киевских дружинников. Рядом, плечом к плечу с ним сражался Микула.

Алекс бежал к Тодору и вдруг увидел, как тот пошатнулся и рухнул на землю.

Вот где наконец пригодились тренировки с Любовью. Они с Микулой быстро разделались с оставшимися двумя киевскими дружинниками, одного ранив в грудь, а другому повредив ногу. Никто на них не обращал внимания и не поспешил на помощь. Все прищые были заняты грабежом.

Алекс опустился на колени возле Тодора.

— Жив? — тревожился Микула.

— Дышит, но рана тяжёлая.

К ним постепенно сходились дружинники Тодора, понимающие всю бессмысленность сопротивления. Город сам открыл свои ворота.

— Что делать будем, Микула?

— До Искоростеня он не дотянет, — взглянув на Микулу, покачал головой Алекс.

— Да, но из города нужно уходить, и не теряя времени двигаться а Искоростень. Через пару дней Полуян подойдёт и туда.

— Кто же открыл ворота?

— Это теперь не имеет значения. Они не верили, что так будет, а вот оно и произошло. Этим не закончится.

И вдруг Алекса озарила спасительная мысль.

— Парни, я знаю, куда нужно отвезти Тодора.

Микула вопросительно посмотрел на него, но ни о чём не спросил. Если Тодор и Любава доверяют этому человеку, то почему он должен усомниться в преданности и верности Алекса?

Поэтому скомандовал воинам и те быстро соорудив носилки, положили на них пребывающего без сознания Тодора. Из конюшен даже удалось вывести своих лошадей, благо мало кто сейчас обращал на них внимание.

Город горел, паника гнала людей подальше от больших кострищ, которые совсем ещё так недавно были их домами.

Алекс знал только одного человека, который смог бы сейчас помочь. Он возвратился с ней, ведуньей. Что-то или кто-то подсказывали ей, что нужна её помощь. Она попросилась у Любавы отлучиться ненадолго и та, конечно, была не против, отправив с ней Алекса, чтобы он узнал новости о муже и селении.

Алекс только два раза был в избушке старушки и то днём, а ночью ему не приходилось бродить по лесу.

Но всходила денница и на смену темени, которая обычно наступает перед рассветом,

пришла утренняя заря, неяркий свет от которой уже позволял видеть тропинку.

В избушке мерцало пламя свечи, а на пороге их уже ожидала старушка.

— Бабушка, беда с Тодором, — бросился к ней Алекс.

— Осторожно заносите его в комнату, — голос ведуньи был твёрд, как всегда в самые ответственные минуты.

Когда Тодора уложили, Алекс подошёл к Микуле.

— Вам надо спешит в Искоростень. Я думаю, что многие из наших уже подались домой. Нельзя мешкать ни минуты. Так бы хотел Тодор. Ведь там его жена и дети.

— Не переживай. Наш город хорошо укреплён и на разграбление мы его не отдадим. А обидеть княгиню никому не позволим... А как же князь?

— За Тодора не беспокойтесь. Любаве скажите, что он у меня. Рана тяжёлая, но положение не безнадёжное. Организм молодой, выкарабкается, а я ему в этом помогу. Будет рваться сюда — удержите. Только беду накличет.

— Состояние улучшится, Алекс тут же подаст вам весточку. — Распорядилась старушка.

Микула кивнул ей благодарно и вышел во двор. Пора было отправляться в свой город. Пока Тодор находился между жизнью и смертью, Микула брал на себя оборону Искоростеня. Любава, пребывая в волнении за мужа, детей и своей родины — Малине, вряд ли найдёт в себе силы на это.

Если бы Алекс мог читать мысли, он бы хмыкнул и сказал, что плохо, друг, ты ещё знаешь эту девушку, свою княгиню. Она под бременем обстоятельств может превратиться в сурового воина и отличного стратега. А что так оно и будет, был уверен на все сто.

И уже в который раз Алексу и ведунье пришлось прилагать максимум усилий, чтобы вытащить человека, находившегося почти что за гранью, к жизни.

Первым делом, она прижгла рану, а потом оторвав от пучков с целебными травами несколько веточек истолкла их в ступке до пыли, и присыпала этой смесью повреждение. Приготовив отвар из трав, велела Алексу приподнять голову князя и влила тому в рот половину чашки тягучей, тёмной жидкости.

— Ну что, теперь остаётся только ждать. Видишь, не зря так меня сюда тянуло. Как чувствовала, что беда. Видела зарево... Город горит?

— Горит, — кивнул головой Алекс. — Зачем такая жестокость, никому не нужная?

— Ох, сынок, все к власти рвутся. Тех, кто слабее, хотят на колени поставить. Видишь, как разобрало мужика. То ему над девчонкой хотелось покуражиться, а теперь причину нашёл, чтобы пополнить свои кладовые. — Покачала сокрушённо головой.

— Любава, Любава, — позвал протяжно и тихо Тодор, не приходя в сознание.

— Сердешный, сколько пришлось пережить, впрочем, как и Любушке, — краем платка промокнула набежавшую слезу. — Ничего, ничего, выдюжишь. — Непонятно кого успокаивала: то ли Тодора, то ли себя.

— Где я, что случилось? — прошептал, очнувшись, князь.

— Не говори много, вредно тебе.

— Мы возле Малина, в лесу. Ранен ты.

— А город?

— Ворота в город открыли бояре. Думали, что зайдёт Полуян, увидит, что Любавы нет, да и отступит.

— Глупые, глупые. Я же предупреждал. Потери наши большие?

— Нет, а вот мещанам придётся туго. Как бы холопами не стали у киевских бояр. Вот

так — из вольницы да в рабы.

— Любаву предупредили, что жив?

— Микула скажет, не беспокойся.

— Ну хватит, — вмещалась в разговор, ведунья, — нужно спать, а не разговоры городить. Слаб очень, да и рана твоя меня беспокоит.

У Тодора закрывались глаза и Алекс решил задать вопросы, беспокоившие его, завтра. Когда, а он на это надеялся, князю станет лучше.

Солнце поднялось над лесом. В воздухе витала гарь, которую приносил ветер со стороны уже разорённого и догорающего Малина. Алекс стоял на пороге избушки и смотрел в сторону пожарища, хотя лес закрывал его от глаз. Тревожно было на сердце. И чтобы хоть как-то унять странную, тоскующую сердечную боль, он решил пойти в Малин и посмотреть на когда-то так понравившийся ему город.

Заглянув в комнату, где тревожным сном спал Тодор, подошёл к старушке и рассказал о своём желании. Ведунья не возражала. Сама хотела узнать что и как. Но предупредила, чтобы уходил ненадолго, потому, что в городе могут быть раненые, нуждающиеся в её помощи. Алекс обещал.

Он конечно предполагал увидеть грустную картину, но чтобы такую... Большинство домов сгорело, на их месте оставались только печи. Много жилищ ещё дымились, некоторые удалось спасти.

По улицам бродили чумазые, в саже, с обгорелыми волосами люди со слезящимися то ли от копоти, то ли от горя глазами. Матери держали детей возле спасённого нехитрого скарба. Мужики уже оценивали свой урон и даже пытались что-то ремонтировать.

Полуяна уже здесь не было. А что ещё можно было взять у этих людей, кроме свободы?

Алекс остановил пробегающего мимо мальчишку и спросил, куда отправились киевские дружинники. Подростки всегда всё знают.

— На Искоростень, — прозвучал такой ожидаемый ответ.

С тяжёлым сердцем Алекс отправился по знакомой тропинке в лес.

В избушке его встретили встревоженные глаза Тодора.

— Город сожгли и пошли на Искоростень. — Не счёл уместным что — то приукрашивать и лгать князю.

Тодор попытался рывком сесть, но охнув, потерял сознание.

— Зачем же так было говорить? Сразу в лоб, — пожурела Алекса старушка. — Что, и правда так плохо?

— Вы даже не представляете как...

— Ну что же, теперь моя очередь.

Она собрала в узелок травы, какие то горшочки, показала ему чем поить Тодора, и аккуратно закрыв двери, пошла по тропинке к городу.

В голове Алекса роилось множество вопросов и среди них один, самый важный. Как помочь Любаве и её детям?

Близился вечер, солнце важно опускалось где-то за лесом. Было тепло, и яркая зелень вокруг радовала глаза

Пришла ведунья, уставшая и молчаливая. Видно, и её поразило состояние городища и жителей. Женщина заглянула к раненому, приложила ладонку ко лбу Тодора.

— Жара как будто нет. Как он?

— Слаб очень, больше спит.

— Это хорошо, во сне человек быстрее выздоравливает.

Она вымыла руки, хлопнула холодной водой в лицо, а потом насухо вытерлась вышитым полотенцем.

— Что-то ел?

— Нет, ничего не хочется.

— Это ты зря. Садись за стол.

Достала горшок с кашей, поставила миску квашеной капусты, солёных грибов.

— Что делать-то будем?

— У Тодора мысли только о Любаве и детях. А что я ему расскажу, ведь сам ничего не знаю. За Любаву сердце болит, беспокоюсь очень: как она там. Не сломается, сильная. Но сам порою удивляюсь, сколько ей ещё предстоит пройти. Так всё наладилось... Уже подумал, что беды обходят стороной. Нельзя такого даже думать, знаю, но лучше бы тогда в лесу Полуян умер. Лучше было бы для всех.

— Ой, милоч, я так тебя понимаю... Тяжёлые времена. И знаешь, что скажу... Хотя и нельзя мне этого... Ну да ладно. Если жива останется Любава сейчас, то проживёт до глубокой старости. Судьба у неё такая- пройти через три порога. Я так мыслю, что первый прошла она, когда после смерти Мала в беспмятстве лежала. Мы её выходили. Даже не мы... — она внимательно посмотрела на Алекса. — Второй порог — тяжёлые роды. Я тогда тоже подумала, что не возьмёт она его. И вот третий... Ей что-то угрожает, судьба подводит к чему-то, ещё более страшному и последнему.

— А вы верите в судьбу?

— Как же не верить в неё? Что начертано по жизни человеку, то и происходит. Хуже то, что исправить всё, если трудно или плохо, нельзя. Раскинула карты, кинула кости. Заканчивается век моей ясочки. Укоротит его стрела, от руки человека злого, ненавистного. Ой, не спасётся она в этот раз, — запричитала громко, но глянув на спящего Тодора, закрыла рот рукой. Закачалась со стороны в сторону, из глаз градом катились слёзы.

— Спасал её амулет мой, а сейчас сила злая сильнее оказывается.

Алекс стоял, совсем оторопевший от таких речей. Что за злой рок у этой семьи? Вначале брат, следом сестра... А он то радовался, что нашла себе защиту, выйдя замуж за сильного человека. Но князь лежит раненый, и не сможет ничем ей помочь. Как после этого не верить в судьбу? Как-будто даже Тодор попал в эту негативную карму, которая преследует семью Любавы последнее время.

Хотя Искоростень укреплен хорошо, но ведь хитрость к которой прибегла Ольга ему хорошо известна. И об этом надо предупредить Микулу и Любаву. А впрочем, если Ольги здесь нет, то ничего такого не последует?

Нет, надо всё-таки рассказать...

Ведунья, увидев оживление на лице Алекса, с надеждой уставилась на него.

— Может, всё ещё закончится хорошо, зачем заранее тризну справлять по Любаве? Мне нужно ехать туда.

— К ночи собираешься. А не лучше утром?

— Нет, я думаю медлить нельзя.

— Скажи мне, что ты видел? Ты можешь им чем-то помочь?

— Ничего не знаю пока, но попробую, ведь княжна и её семья моя тоже. И я не хочу никого из них терять. Плохо, что Тодор ранен, но всё же жив. Она бы не перенесла его смерти... Бабушка, что сказать Любаве о Тодоре?

— Скажи, что жив и скоро будет с ней, — тихий голос князя, не ведуньи, звучал уверенно. — Это хорошо, что ты будешь с ней рядом, пока я здесь.

Алекс понял, что плач старушки вернул Тодора в реальность, и сердцем князя вновь завладела тревога за самых близких ему людей.

— Ну тогда скоро ждите с добрыми вестями.

Алекс вышел из хибарки, отвязал лошадь и, вскочив на неё, галопом помчался к Искоростеню.

И верно, город уже был окружён. Алекс, через тайный лаз, который ему когда-то показала Любава, просто так, не ведая, что пригодится, проник в городище и почти побежал к княжьему терему. Обстановка была совсем другой, чем накануне. Никто не спал, гридни несли службу, поочерёдно меняясь на посту. Любова, как только увидела Алекса, бросилась к нему с вопросом-криком: Тодор умер?

— Что ты, милая. Он жив и быстро поправляется. Просил сказать тебе, чтобы не волновалась и что он скоро будет здесь.

Любава пошатнулась.

— Да правда ли это?

— Любушка, а ты мне скажи, разве я врал тебе когда-то?

— Значит правда... Микула, Тодор жив и поправляется!

— Я же сказал тебе, что ранен и оставили его у старушки в лесу. Правда, слаб был, крови много потерял. Но нам к этому не привыкать. Сама знаешь сколько у воинов шрамов.

— А мне не верилось, думала, успокаиваешь...

— Как вы-то сами здесь?

— Выстоим. Запасы есть, стены крепкие.

— Я что хотел сказать, — нерешительно начал Алекс, — ты ведь знаешь, Любава, что бабушка будущее видит? Так вот она хотела предупредить тебя о том, что может хитрость большую придумать Полуян. Попросит с каждого двора принести ему дань — голубя, воробья или ласточку...

— Ой, да такого добра у нас хватает! Чего, чего, а уж этого мы им наберём. Лишь бы отошли и мирно дали нам жить. — Обрадовался Микула. — Вот только зачем им они?

Любава настороженно смотрела на Алекса, пока ещё ничего не понимая, но чувствуя, что во всём этом кроется какой-то подвох.

— Зачем им это надо, Алекс? — Повторила вопрос Микулы. — Она не сказала?

— А куда полетят птицы, когда их выпустят?

— Под крыши, к своим гнёздам...

— Вот, вот... А если привязать к их лапкам трут и зажечь?

— То полетев к своим гнёздам, они принесут огонь под крыши, в голубятники, и

вспыхнет большой пожар, — встревоженно закончила за него Любава.

— Вот это и увидела ведунья. Искоростень ожидает такая же судьба, что и Малин... Гибель города и людей.

— Но ведь что-то можно сделать?

— Да как вообще можно верить рассказам о том, что будет?

Эти два вопроса Микулы и Любавы прозвучали в унисон.

— Я рассказал то, о чём меня просили, а ваше дело решать, что делать. Верить или нет.

— Вот завтра переговоры будут и увидим, что они скажут нам.

— Пойдёшь завтра со мной к Полуяну, Алекс?

— Ты что удумала? Это же ему только и надо. Ведь твоей выдачи требовал, а тут сама к нему прибудешь. На блюдечке с голубой каёмочкой.

— Как-то странно говоришь, Алекс. Ну да ладно. Одно скажу — не тронет он меня. Зато может как-то беду от города отведу.

Алекс знал, что если девушка что-то надумает, то отговорить её практически невозможно.

— Если уверена и решила, то конечно, куда же я денусь? Тебя не брошу. Хотя Тодор мне голову свернёт, за то, что потакаю в таких рискованных делах.

— Он не узнает, мы ему не расскажем. — Отблеск улыбки мелькнул на упрямо сжатых губах.

— Ну, значит, тогда так и порешим.

Утро, казалось, не наступит никогда.

Любава пошла к детям. Сначала к Ярополку. Подошла к спящему ребёнку, прикрыла его одеялом, взяла маленькую ручку мальчика, свисавшую с кровати и поцеловав её в ладошку, положила под одеяло. Наклонившись, поцеловала в лобик, отошла на несколько шагов к двери, снова повернулась и посмотрела на ребёнка.

— Увижу ли я его ещё? — мелькнула предательская мысль.

Как она не пыталась держать себя в руках и быть спокойной в глазах окружающих её людей, но зная немного Полуяна, не могла даже предположить, чем закончится их встреча. Одно ведала, что не будет прятаться от него как маленькая девочка. Ненавидеть могла, но бояться не была обучена!

Потом зашла попрощаться со своей маленькой дочуркой, тихонько сопевшей в своей колыбельке. Возле сопели, только погромче, няньки девочки.

«Хорошо, хоть кому-то спится, — улыбнулась княгиня. Она опустилась на колени и протянув руки, вытянула девочку из колыбельки. Прижала к себе крепкое, тёплое тельце. И сразу на сердце почему-то стало легче и спокойнее. Да не допустят боги, чтобы со мной что-то случилось и сиротами без матери остались дети.

Ребёнок даже не проснулся, только улыбнулся во сне, шевеля пухлыми губками.

Любава положила дочурку в колыбель, провела легонько по её щёчке пальцем, шепнула.

— Вырастешь красавицей, на радость отцу. Он так хотел тебя, Зоренька.

Вышла из комнаты не оглядываясь. Чтобы не передумать.

Приказала принести тёплой воды и сонные девушки, налили полную лохань, не забыв бросить туда трав, которые она любила.

Любава вымыла волосы, полежала немного в воде без всяких мыслей. Когда стало светать, резко поднялась. Вода струйками стекала по её точёному телу. Материнство не испортило фигуры девушки и только шрам на животе напоминал о случившемся. Но шрам

для воина, нормальное дело. Так сказала она себе, когда впервые заметила его и попросила объяснения у ведуньи. А что детей больше не будет — не беда, у нее есть двое прекрасных и любимых. Сын и дочь.

Туго заплела косу, выбрала своё любимое платье, но потом передумала. Надела широкие шаровары, очень удобные для верховой езды, лёгкие сапожки. Белая, вышитая золотом рубаха оттеняла цвет её кожи. Накинула накидку из лёгкого красного шелка и застегнула её на золотую змейку. Ещё раз посмотрела на себя в зеркало, пристегнула ремень с ножнами, в которых до поры до времени покоился её любимый меч. Вот теперь всё... Пора.

Когда девушка вышла из комнаты, её уже ожидали Алекс и Микула.

— Пойдёмте трапезничать, — спокойно позвала она.

После принесённой жертвы все молча начали трапезу. Кусок в горло никому не лез, поэтому скоро и вышли из-за стола.

— Готов, Алекс?

— Конечно, Любушка, пойдём.

Двое дружинников и две оседланные лошади уже ждали их возле крыльца.

— Микула, береги детей, пока нет Тодора.

— Могла бы и не говорить, — обиделся Микула, — И что ты как-будто прощаешься? Знаешь ведь, что пообещали послов не трогать.

«Да, однажды это они уже обещали, а потом и закопали их живьём», — мелькнула коварная мысль у Алекса. По тому, как на него взглянула Любава, понял, что и она подумала о том же.

Взметнулась птицей и поскакала вперёд, опережая других всадников.

Киевские гридни встретили их не враждебно и отвели в шатёр Полуяна.

Когда Любава с Алексом вошли туда, то им сразу же бросилась в глаза маленькая фигурка мальчика. Любава узнала его, это был Святослав — сын княгини Ольги. Возле княжича находился воевода Асмус. В шатре было ещё двое мужчин. Полуян и ещё один незнакомый ей мужчина. Когда глаза остановились на нём, тот сам себя представил:

— Я Свннельд, воевода киевский.

Вкрадчивый с хрипотцой голос Полуяна спросил:

— Ну что ты надумала, девица?

— Жду, что скажет юный князь.

— А что он может сказать, мал ещё... — лениво ухмыльнулся Полуян.

— Ты говори, да не заговаривайся, — сурово, без улыбки молвил Свенельд. — Хочешь наказать свою обидчицу, дело одно, а о князе киевской земли говорить пренебрежительно — другое. Не допущу я. Вспомни, что Ольга наказывала. А ты, девица, вину свою признаёшь?

— Теперь я вступлюсь за Любаву. — вскинулся Алекс. — Она княгиня древлянской земли и все, кроме Святослава, ей не по чину. Чего хотите вы?

— Дань вы нам не доплатили, — с вызовом в голосе осклабился Полуян. — За нею и пришли.

— Всё уже отдали, срок за этот год — осень, вот тогда и приезжайте с княгиней. — Любава была спокойна и холодна. — Но её значительно меньше будет, после похода на наши города, особенно Малин.

— Не хотите по-доброму, будет по-плохому. Возьмём в осаду город и будете там сидеть до тех пор, пока сами всё до нитки не вынесете.

Святослав смотрел на Любаву и не понимал, чем провинилась эта красивая женщина, что бояре так грубо разговаривают с нею.

Бояре сказали Святославу, что идут мстить древлянам за смерть его отца. Но княжич так мало видел Игоря, что почти уже не помнил его, а вот город, который они подожгли и обезумевших от горя женщин, враз потерявших весь свой нехитрый скарб, успел заметить. Как и чумазных детей, которые искали куда бы спрятаться от бушующего пламени, он хорошо запомнил. Может именно после этих событий, когда князь вырос, воевал с кочевниками, он никогда не был в состоянии войны со славянскими племенами.

— Пойдём, Асмус, — кивнул мальчик головой Любаве, прощаясь. И вышел. А за ним и его верный страж, который очень любил и ревностно оберегал маленького князя.

— Ну вот, теперь и поговорим, — злость рвалась наружу, меняя голос и наружность Полуяна. — Знаешь, что я могу с тобой сделать?

Сразу после этих слов, Алекс выступил вперёд и заслонил собой девушку. Она же, благодарно взглянув, отодвинула его и парень понял, что Любава ничуть не боится Полуяна, или просто очень хорошо владеет собой.

— Я сам натешусь тобой, а потом отдам отрокам, пусть и они попробуют твоей плоти. Давно я этого хотел, и вот сама пришла ко мне.

— А сразиться со мной один на один — слабо?

— С тобой? — глаза Полуяна насмешливо пролились по фигурке девушки. — Зачем мне это?

— Давай так. Если победителем из поединка выйдешь ты, то сделаешь со мной всё, что захочешь. Если же я — ты оставишь город, древлянские земли и возвратишься с дружиной в Киев.

— Я и так возьму что хочу.

— Насколько я понимаю, нет. Законы у нас похожи. Умыкнул девушку без её на то согласия — смерть. Разве я не права и что-то путаю? — перевела взгляд на Свенельда.

— Всё так, — согласился тот с нею.

— Как ты всё объяснишь княгине? Или ты боишься, Полуян? Тебе же терять нечего. Ты мужчина, а я женщина.

— А что я скажу Святославу, ведь пришли мы мстить за его отца — князя Игоря.

— Брось, сколько можно. Не мести хотите вы, а на колени нас, да пониже, поставить. Законы наши справедливые как кость вам в горле. А заодно, и, наверное, это главное, решили снова поживиться за наш счёт. Разбой это, а не месть.

— Всё сказала? — лицо Полуяна сделалось красным от гнева. — Ну, а если это и так, что ты можешь сделать? Я знаю, что Тодор ранен. А может уже и умер? — вкрадчиво спросил.

— Не дождёшься, вражина!

— Это ты со мной так?

— Вот видишь, ты зол. Давай и решим между собой все вопросы на поле брани.

Искорка снисходительности мелькнула в глазах боярина.

— А что, мало тебе было прошлого раза?

— А тебе?

Поняв, что над ним издевается маленькая пигалица, он набычился.

— Ладно, но учти, резать буду по кусочкам, мучить буду долго. Сама станешь на колени, попросишь пощады. Девчонка! Ты ещё не понимаешь, во что ввязалась!

Любава обратилась к Свенельду, который молча слушал перебранку, переводя взгляд от Полуяна на Любаву.

— Свенельд, принимаете ли вы условия, предложенные мною?

Тот окинул обе фигуры: хрупкую, девичью княгини и крепкую боярина. И думать много не надо — уже и сейчас понятно, кто выиграет бой. А без зрелищ скучно, дружинники немного повеселятся...

— Можно и принять, — тайком подмигнул Полуяну.

— Когда начнём?

— Да хоть и сейчас.

— Правда, откладывать не стоит. Какое оружие, выбирай сама. Дам тебе такое право умереть быстрее и безболезненно, — ухмыльнулся Полуян.

— Тогда я выбираю мечи.

— А я — копьё.

— Ты сказал, что выбор за мной.

— За тобой, кто же спорит. Но вначале правила установлю я.

Это не входило в планы девушки. Сбить седока с несущегося навстречу коня копьём было трудно. Нужно иметь недюжинную силу, а её у Любавы не было. Но что делать, сама ведь этого хотела... И она кивнула в знак согласия головой.

Когда вышли из шатра, Алекс заметил, что о сражении люди уже знают. Они стали занимать места в шеренгах, чтобы было лучше видеть этот странный и, наверное, смешной бой.

Девушка села на лошадь и взяла в руку копьё, которое ей услужливо подал молодой киевский отрок.

— Любава, — тихо спросил Алекс, — ты хоть понимаешь, чем рискуешь?

— Я, Алекс, рискую только собой. В любом случае они попытаются взять Искоростень.

— Ты думаешь, что они сдержат своё слово?

— Мне просто очень хочется на это надеяться, потому что если я даю слово, то держу его. Ещё Алекс. Скажи Тодору, что люблю его, люблю наших детей. Не оставляй их, Алекс.

— Унылые мысли у тебя, Любушка.

— Это я так, на всякий случай.

Два всадника разъехались на нужное расстояние, а потом по команде, ринулись друг к другу. У каждого в правой руке было копьё, прижатое локтем к туловищу. Задача была не убить, а сбить противника с лошади.

И с этой задачей прекрасно справился Полуян. После его удара Любава была выбита из седла и упала на землю.

Алекс кинулся было к ней, но его сразу же остановили. Поединок должен продолжаться.

Полуян слез с коня и вытянул из ножен меч. К его чести, он подождал пока девушка поднимется. Хотя какая там честь, — подумал Алекс, — просто перед дружинниками показывает правила честного боя, а то подумают, что с девчонкой справиться не может.

А княжна при падении ушибла ногу и даже стать на неё ей было больно. Но собралась с силами и приготовилась к атаке.

Полуян поднял меч и начал наступать, девушка ловко парировала удары. Ему вначале казалось что справиться с ней будет проще простого, но чем дальше, тем больше он видел вышkolку в ведении боя княжною.

Перевес был на стороне Полуяна. Алексу до слёз было больно наблюдать за маленькой, худенькой фигуркой с боевым оружием в руках и крепким сильным мужчиной. Такими они были несоизмеримыми, эти два соперника.

— Выстой, Любушка, — шептали губы Алекса.

— Ну что, может остановим бой? — прошипел ей в лицо Полуян, — Разгорячилась как! Ну ещё не так, как было горячо твоему братцу у нас в бане! Правда?

Зря он напомнил девушке об этом. Боль, которая жгла сердце, обида за Мала и так никогда её не оставляла, а этот ещё и напоминает обо всём, режет по совсем ещё живому. Напоминает об убийстве, как о чём-то очень весёлом.

«Нет, убийца, долго я ждала этого и сейчас не промахнусь», — пронеслось в голове княгини.

И Алекс со стороны, наконец, увидел коронный выпад Любавы с мечом и ножом, который она провела молниеносно. Никто ничего не успел заметить, как Полуян уже упал у ног Любавы, сражённый наповал.

— Получи своё, собака. За брата моего и за всю древлянскую землю, — вполголоса сказала она и бессильно осела на землю, не выдержав физического и психологического напряжения. Алекс кинулся к ней. Он услышал вдалеке какой-то шум, а посмотрев в сторону города, увидел множество людей на стенах его. Народ радовался, ликовал. Дружинники били мечами о щиты, приветствуя победу молодой княгини.

Гридни киевского князя кинулись к ней, чтобы отомстить за своего боярина, который без движения лежал на поле, где так ещё совсем недавно хвастался своим военным мастерством.

Но Свенельд поднял руку и что-то прокричал. Воины остановились, только недовольный ропот проносился рядами.

Алекс поднял Любаву, поставил на ноги, оглянулся. Лошадей их нигде не было видно. Но до ворот было рукой подать и он подставил своё плечо девушке.

Так они и двинулись к городу, гордые за итог поединка.

Подходя к воротам, Алекс вдруг почувствовал какой-то мистический холод между лопатками. Он оглянулся назад. К ним, как в замедленной съёмке, летела стрела. Она приближалась, тихонько позванивая, прорываясь через сопротивление воздуха. Этого не может быть, это же не сон, в котором такое возможно!

И вдруг он внезапно понял, что стрела предназначена Любаве. Такая у неё была траектория. Алекс сразу же вспомнил слова и горе в глазах ведуньи.

«Нет, нельзя», — пронеслось в голове. Он оступился и закрыл собой девушку.

Боль! Какая страшная боль разрывает сердце. Ещё краем глаза успел увидеть, как повернулась к нему ничего не понимающая Любава, как тревожно сверкнули её глаза. Открылись ворота и десятки рук втянули их в город. Темно и холодно... Так холодно...

— Алекс, Алекс! — голос Любавы держал его на плаву, не давая уйти в тёмное и безболезненное спокойствие.

— Алекс! — звенел и звал голос.

«Не зови, я уже умер...», - падал в чёрную пропасть.

Тело лёгкое, парило как бы в невесомости, плавно лавируя и опускаясь как осенний листок.

— Алекс, очнись же наконец, — возвращал его назад голос. Но это была не Любава...

Он почувствовал какой-то резкий, неприятный запах, попытался открыть глаза и это ему удалось. Вокруг было много людей. И это были не древляне.

— Где я? — прошептал.

— Ну, слава Богу, а то мы уже волноваться стали. Минут десять пытаемся привести тебя в сознание. Полежи немного спокойно, — это был голос Макса, старшего научного сотрудника НИИ и друга Алекса.

— Почему я здесь? Мне нужно туда, — рванулся.

— Лежи, лежи. Приди в себя.

— Что случилось? Как я вернулся на Землю?

Макс с какой-то долей удивления посмотрел на него.

— Всё-таки тебе нужно в медпункт. Доктор проведёт обследование. А то очнулся, а ничего не помнишь. Может, местная амнезия? Не хочется тебя расстраивать, но ты никуда не летал.

Алекс молчал, с недоумением глядя на Макса. О чём это он? А яркие события на древлянской земле, которые он помнит до мелочей. Любава, Тодор, ведунья...

— Сбой какой-то случился в системе, а когда мы вошли в корабль, то увидели, что ты лежишь без сознания. Вызвали неотложку и они вернули тебя к жизни.

— Как это? Значит мне всё приснилось?

— Что именно? — заинтересованно спросил Макс.

«Ну нет, лучше промолчу. А то посчитают, что с головой не всё в порядке и отстранят от испытаний», — решил Алекс. — А ведь всё было так реально!

— Как ты себя чувствуешь?

— Немного слабость, как будто пару дней не ел и ноги трясутся, а так всё хорошо, не беспокойтесь.

Всё было так, как он хотел последний год: работа, коллектив, к которому так привык. Все эти опыты, полёты...

Может и правда, когда был без сознания, мозг посылал ему какие-то картинки, а он принял их за реальность...

Но что-то весь день беспокоило его, мучило. Как бы дома, возле друзей, а сердцу этого мало, как будто потерял дорогое и бесценное.

Он зашёл к доктору, тот посмотрел все анализы и сказал то, о чём Алекс догадывался сам.

— С вами всё в порядке, можете продолжать работу.

После работы, Алекс, как обычно, заехал на часок-другой к родителям. Так уже было заведено у них в семье: собираться за ужином и рассказывать о том, что случилось за день с каждым из них.

Алекс думал, что когда он найдёт себе девушку, на которой ему захочется жениться и

иметь с ней детей, обязательно продолжит эту родительскую традицию.

Пока мама накрывала на стол, а отец ей помогал, поигрался с котёнком. Его не пускали к сервировке стола. Думая о чём-то своём, он обязательно бил посуду. Ну не то чтобы бил, просто она как живая выскальзывала из рук. Отец говорил, что это к счастью, но старался поменьше привлекать сына к сервировке.

— Чем же закончились ваши испытания сегодня, сынок? — Первым задал вопрос отец.

— Не состоялись... Дальше будем работать, — ему не хотелось беспокоить родителей и рассказывать, что на какое-то время потерял сознание.

— Не всё сразу. Одно получается, а над другим нужно долго и упорно работать. Заканчиваем о делах, давайте о хорошем. Например, о том, что в воскресенье можно выбраться на природу, отдохнуть от суеты. Ты как, дорогая?

— Ты знаешь, что я никогда не против сменить обстановку.

— Хорошо бы. Время сейчас такое, что можно собирать целебных трав. Ромашки, зверобоя... А потом заваривать, когда желудок заболит или...

Алекс почувствовал тишину и посмотрел на родителей. Что это у него вырвалось такое? Какие травы? Ромашка, зверобой...

— Ты, сынок, стал изучать фитотерапию?

— Да нет, просто почему-то вырвалось... Мама, ты сегодня ослепительно красива, — он и тему переводил и говорил очевидное.

— Ты заметил? Спасибо, сынок.

— Мы в кои-то веки собрались в театр. Хочешь с нами? — предложил отец.

— Сегодня я что-то устал, может в другой раз. — Не хотелось отказом обидеть родителей.

Мама села возле зеркала, стала причёсывать свои роскошные волосы, и Алекс перехватил взгляд, брошенный на неё отцом — нежный и любящий.

«Сколько лет вместе, а чувства как у молодых», — по-доброму позавидовал родителям.

— Алекс, пожалуйста, принеси мою шкатулку с украшениями.

— Мама хочет показать тебе гранатовый гарнитур, который я ей подарил, — улыбнулся лукаво отец.

— Хвастун, — сделала вид, что рассердилась мама.

— Сейчас принесу. Хвастайтесь! — Алекс пошёл в родительскую спальню.

Через пару минут вернулся, и родителей удивило растерянное выражение его лица. В одной руке он держал раскрытую шкатулку, а во второй нёс что-то.

— Вид у тебя какой-то странный, ошеломлённый. Ты что-то не то увидел? — забеспокоился отец.

— Мама, откуда это у тебя?

— Это оберег, он передаётся в нашей семье по женской линии.

На ладони Алекса лежал оберег: женщина, поднявшая руки и молящаяся за ту, которой так необходима её помощь и защита.

Он опустил глаза и от увиденного даже пошли покалывания в кончиках пальцев. Никогда не обращал внимания...

На маминой ноге он заметил два аккуратных, еле заметных маленьких пятнышка — две родинки... Такие же точно, какие он видел у Любавы...

Больше книг на сайте - Knigoed.net